

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

108

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

108

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — доктор исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарева,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ИЕССЕН

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату — 31 марта 1964 г. в Ленинграде после продолжительной болезни скончался выдающийся археолог-кавказовед Александр Александрович Иессен. От нас ушел крупный ученый и обаятельный человек, признанный знаток древней истории и культуры юга нашей страны и Кавказа, верный друг и наставник многих советских археологов.

А. А. Иессен родился 23 июля 1896 г. в Петербурге. После окончания в 1915 г. гимназии он учился в Михайловском артиллерийском училище. В 1916—1917 гг. А. А. Иессен участвовал в первой мировой войне, а с 1918 по 1922 г. в рядах Красной Армии защищал Советскую страну.

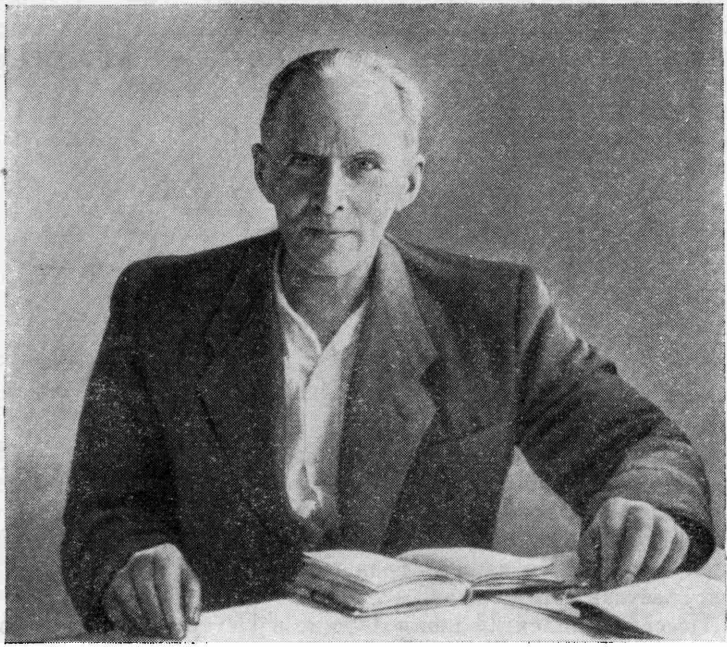
В 1925 г., окончив Ленинградский университет, Александр Александрович поступил в аспирантуру ГАИМК, ныне Институт археологии АН СССР, которую успешно завершил в 1929 г. С тех пор вся его научная деятельность была связана в основном с этим учреждением.

Наряду с постоянной работой в ЛОИА АН СССР в должности старшего научного сотрудника А. А. Иессен много лет, с 1927 по 1960 г., проработал и в Государственном Эрмитаже. Он был здесь одним из создателей и руководителей отдела истории первобытной культуры.

Научные заслуги Александра Александровича широко известны и общепризнаны. Он внес неоценимый вклад в развитие советской археологии Кавказа. Ученый огромного диапазона и блестящей эрудиции, А. А. Иессен разрабатывал широкий круг вопросов, связанных с освещением древней истории и культуры нашей страны. Но основное его внимание и исследовательский интерес всегда были сконцентрированы вокруг проблемы бронзового века юга СССР и Кавказа. Он собрал и систематизировал огромный по объему материал, который позволил ему создать научную схему культурно-исторического развития Кавказа в древности и решить ряд общих проблем и частных вопросов кавказской археологии. Вклад А. А. Иессена в изучение археологии Кавказа поистине трудно переоценить.

До сих пор не потерял своего огромного научного значения один из первых капитальных трудов А. А. Иессена «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе», изданный еще в 1935 г. Данная работа не только освещала историю изучения этого важнейшего вопроса; в ней впервые нашла отражение периодизация и характеристика выделенных автором древних очагов кавказской металлургии и их местной сырьевой базы. Особое принципиальное значение труда заключалось в том, что им были окончательно развенчаны различные теории о несамостоятельности развития кавказской бронзы и доказано самобытное развитие местной металлургии меди.

С этим трудом непосредственно связано и несколько других важных работ А. А. Иессена, касающихся истории освоения и использования рудных ресурсов и металла на территории СССР в древности. В частности,

Александр Александрович Иессен

следует особо отметить большую работу о бронзе северо-западного Кавказа, в которой Александр Александрович впервые выделил так называемую прикубанскую культуру, синхронную кобанской и колхидской культурам Кавказа. А. А. Иессен внес весьма существенный вклад в изучение древней истории металлопроизводства Кавказа и всей нашей страны. Не удивительно поэтому, что Александра Александровича по праву считают пионером в области изучения истории металлургии и горного дела в СССР.

Заслуженной известностью пользуются труды А. А. Иессена, посвященные изучению сложнейшей проблемы периодизации и хронологии древностей Кавказа, особенно датировки знаменитого Майкопского кургана, который наряду с другими памятниками характеризует культуру раннебронзовой эпохи Северного Кавказа.

Значительны заслуги Александра Александровича и в изучении культур Северного Кавказа предскифского и скифского времени и вопросов взаимоотношения местных племен с киммерийцами и скифами. Он много сделал и по исследованию памятников собственно скифской культуры. Говоря о широте научных интересов А. А. Иессена и его глубокой эрудиции, нельзя не отметить и такие его известные работы, как книга «Греческая колонизация Северного Причерноморья», статьи «О древних связях Северного Кавказа с Западом», «Ранние связи Приуралья с Ираном» и другие, в том числе ряд искусствоведческих штудий.

В последнее десятилетие научные интересы А. А. Иессена были почти целиком связаны с изучением древнейшей и средневековой истории и культуры Азербайджана. Организатор и бессменный руководитель многолетней Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции ИА АН СССР и Института истории АН Азербайджанской ССР, Александр Александрович приложил много сил и энергии для осуществления больших и ответственных задач, поставленных перед этой экспедицией. Под его руководством были развернуты широкие стационарные и разведочные работы в ряде районов Азербайджана, особенно в Мильско-Карабахской степи, увенчавшиеся важными научными открытиями. Наиболее широкие раскопки были проведены

на городище Орен-кала. Они позволили разрешить спор о тождестве этого городища со средневековым городом Байлаканом и дали ценный материал для изучения культуры Азербайджана VIII—XII вв.

Способности А. А. Иессена как блестящего полевого работника особенно проявились при раскопках огромного (высотой 13,2 м и диаметром 130 м) кургана эпохи бронзы в Мильской степи.

Благодаря удачно осуществленным разведкам в Мильской степи удалось открыть совершенно новую для Закавказья группу памятников с расписной керамикой IV тысячелетия до н. э., имеющей определенные соответствия в древнейших комплексах Переднего Востока. Эти и другие более поздние памятники, исследованные Азербайджанской экспедицией, позволили Александру Александровичу впервые в общих чертах воссоздать картину исторического прошлого Мильско-Карабахской степи с древнейшей эпохи до средневековья. Очерк А. А. Иессена и большая работа, посвященная итогам раскопок кургана в Мильской степи, изданы посмертно во втором томе «Трудов Азербайджанской экспедиции». Результаты Азербайджанской экспедиции обобщены в целой серии работ А. А. Иессена и других участников экспедиции; вписаны новые страницы древнейшей и средневековой истории Азербайджана и всего Закавказья¹.

Преждевременная смерть оборвала жизнь Александра Александровича в самом расцвете его творческой деятельности, не дав ему возможности завершить свое капитальное исследование «Древнейшая металлургия юга СССР и Кавказа». Его многочисленные и ценные труды войдут в золотой фонд советской археологической науки.

Светлый образ Александра Александровича, крупного советского ученого и необычайно скромного и прекрасного человека, которому так многим обязаны советская археология и кавказоведение, навсегда сохранится в нашей памяти.

Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев.

---

¹ Список научных трудов А. А. Иессена опубликован в СА, 1965, № 1, стр. 130.

І. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

К. Х. КУШНАРЕВА, А. Л. ЯКОБСОН

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИТОГИ РАБОТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Работы совместной Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории АН Азербайджанской ССР неразрывно связаны с именем Александра Александровича Иессена — ее бессменного руководителя в течение восьми лет (1953—1960). Большой хронологический и территориальный размах исследований, конечной целью которых было воссоздание, хотя бы в первом приближении, основных этапов древней и средневековой истории, очень слабо археологически изученной Мильско-Карабахской степи, а также постановка и посильное решение ряда важнейших историко-культурных проблем — все это в значительной мере было обусловлено широким диапазоном интересов, блестящей эрудицией и всем складом научного мышления А. А. Иессена — ученого-историка в подлинном смысле этого слова.

Экспедицией добыт огромный археологический материал, опубликованный в основной своей части в трех томах¹, а также в серии статей ее участников². Неизданными в настоящее время остаются лишь материалы разведок, проведенных особенно в последние годы; они, безусловно, явятся основой для археологической карты южных районов Азербайджана, составление которой должно быть осуществлено в ближайшем будущем.

Обширная территория работ экспедиции к 1953 г. была археологически почти не изучена³. Отдельные исследования являлись лишь сигналами, указывающими на то, что Мильско-Карабахская степь может быть весьма перспективна для археологов. Рассчитывая на многолетние работы, коллектив экспедиции поставил перед собой следующие научные проблемы: 1) древнейшее заселение края в эпоху каменного века; 2) возникновение и последующее развитие оседлых земледельческо-скотоводческих поселений в эпоху энеолита и бронзы; 3) возникновение и история полукочевого скотоводства и его сосуществование с другими хозяйственными укладами; 4) возникновение и развитие городской культуры, ее связей с оседлым земледелием и полукочевым скотоводством вплоть до позднего средневековья⁴.

Для решения этих проблем необходимы были многочисленные маршрутные разведки по всей Мильско-Карабахской степи, с одной стороны, и систематическое накопление данных для сводной стратиграфической колонки

¹ МИА, № 67, 1959; МИА, № 125, 1965; МИА, № 133, 1965.

² См. библиографию Азербайджанской археологической экспедиции: МИА, № 133; 1965, стр. 106—107.

³ А. А. Иессен. Азербайджанская (Оренкалинская) экспедиция.— МИА, № 167; 1959, стр. 6—8.

⁴ А. А. Иессен. Новые данные по работам Оренкалинской экспедиции.— Труды Музея истории Азербайджана, т. II, 1957, стр. 20.

культурных слоев поселений в широких хронологических рамках — с другой. В зону работ экспедиции были включены также предгорья Карабахского хребта, теснейшим образом связанные в определенный период со степными районами, а также район Нахичеванской АССР, где изучались синхронные с Мильской степью культуры.

Из всех поставленных задач наибольшие трудности представляла первая: никаких признаков пребывания человека в палеолитическое время в степной части установить не удалось. Лишь в предгорьях Карабаха, в районе с. Ходжалы, были найдены сердоликовый и обсидиановый отщепы предположительно мустьерского возраста⁵.

Исключительных успехов добилась экспедиция в области изучения первых оседлоземледельческих культур. В этом отношении удалось не только накопить большой и важный материал, но и внести существенные коррективы в некоторые утвердившиеся в литературе представления. Здесь решающую роль сыграло накопление стратиграфических данных на поселении нахичеванского Кюль-тепе (раскопки О. А. Абибуллаева)⁶, в результате которых было установлено, что считавшейся самой древней на южном Кавказе культуре куро-аракского энеолита⁷ предшествовал длительный период собственно энеолита — период первого сложения и развития оседлоземледельческих обществ. Археологические следы этого периода, зафиксированные нижней восьмиметровой толщей слоев поселения Кюль-тепе (Кюль-тепе I), указывают на земледельческо-скотоводческую базу его обитателей, а также на достаточно развитые ремесла, в числе которых в начальной стадии уже было металлопроизводство. Полученная первая дата угля из этого слоя (5770 ± 90 лет, т. е. 3807 ± 90 до н. э.), а также ряд сопоставлений с халафской культурой заставляют культуру Кюль-тепе I отнести к IV тысячелетию до н. э. и синхронизировать ее с серией открытых в Мильской степи А. А. Иессен поселений со своеобразной саманной, иногда расписной керамикой (Шах-тепе, Кямиль-тепе и др.)⁸. Своим общим обликом, а также спецификой керамики все эти памятники входят в ореал юго-восточной древнеземледельческой культуры иранского круга.

В результате этих открытий новое осмысление получил так называемый куро-аракский энеолит, мощные девятиметровые слои которого, на том же Кюль-тепе (Кюль-тепе II), покоились на предшествующей древней свите. Теперь становится очевидным, что границы куро-аракской культуры значительно перекрывают закавказское Двуречье, а уровень металлопроизводства (литье, сплавы) ни в какой мере не соответствует понятию «энеолит»⁹. Этот период получил теперь новое историческое место и может быть с полным основанием назван периодом ранней бронзы; последний устраняется терминологический разнобой в переднеазиатских и южнокавказских культурах, хронологически и территориально очень тесно связанных. Датировка физическими методами слоя Кюль-тепе II (4880 ± 90 лет, т. е. 2920 ± 90 до н. э.) и археологические сопоставления определяют время жизни этой культуры по крайней мере пятью — семью десятилетиями, укладываемыми в рамки III тысячелетия до н. э.

⁵ А. А. Иессен. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. — МИА, № 67, 1959, стр. 11, рис. 1.

⁶ О. А. Абибуллаев. Некоторые итоги раскопок холма Кюль-тепе. — СА, 1963, № 3, стр. 159; Перечень остальных работ О. А. Абибуллаева см. в МИА, № 133, 1965, стр. 106.

⁷ Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. — ВГМГ, XIV — В, 1944, стр. 73.

⁸ А. А. Иессен. Кавказ и древний Восток в IV—III тысячелетиях до н. э. — КСИА, вып. 93, 1963, стр. 6 и сл.

⁹ К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили. Историческое место южного Кавказа в III тысячелетии до н. э. — СА, 1963, № 3, стр. 18 и сл.; О. А. Абибуллаев. К вопросу о древней металлургии Азербайджана. — МИА, № 125, 1965, стр. 65.

Помимо раскопок на Кюль-тепе, экспедицией открыто на холмах несколько синхронных поселений (Чердахлы-тепе, Гек-тепе, Кара-тепе и др.). В отличие от предшествующего периода, связанного с юго-восточным иранским кругом, памятники южного Кавказа III тысячелетия сопоставляются А. А. Иессеном с западным, анатолийским культурным кругом и рассматриваются им как проникшие на территорию Азербайджана из очага первоначального их образования, локализуемого в районах южной Грузии и западной Армении¹⁰.

Исключительно важным для установления социальной структуры общества в конце этого периода явилось исследование одного из грандиозных курганов в урочище Уч-тепе (раскопки А. А. Иессена). Раскопки эти оказались очень трудоемкими и потребовали нескольких сезонов напряженной работы¹¹. Несмотря на ограбление основного захоронения в древности, сам факт сооружения такого огромного погребального памятника свидетельствует о наличии в этот период значительной социальной и имущественной дифференциации, равно как института племенных вождей, зафиксированного ранее для Кавказа конца III тысячелетия до н. э. лишь по богатым погребениям майкопской культуры. К этому же времени должен быть отнесен и курган Уч-тепе, датированный физическими методами 4500 ± 120 лет, т. е. 2539 ± 120 до н. э., и 4830 ± 230 , т. е. 2867 ± 230 до н. э.¹²

Следующий этап в изучении земледельческих культур Азербайджана был в значительной мере восстановлен систематическими раскопками первого в Закавказье поселения эпохи средней бронзы на холме Узерлик-тепе, около Агдама (раскопки К. Х. Кушнаревой)¹³. Стратиграфия поселения позволила проследить развитие культуры на протяжении нескольких столетий (первая половина II тысячелетия до н. э.). Если в нижних слоях поселения четко прослеживаются, особенно в керамике, традиции предшествующей культуры ранней бронзы, то позднее возникают новые формы с характерной для Закавказья II тысячелетия до н. э. расписной посудой. Раскопки поселения дали картину прочной оседлости с разведением разнообразных земледельческих культур и со значительной ролью скотоводства, которое не стало еще отгонным. Оборонительная стена вокруг поселения свидетельствует о дальнейшем углублении дифференциации общества. Бурно развиваются ремесла, причем остатки гончарного производства и металлообработки зафиксированы в пределах самого поселения. Поселение Узерлик-тепе после разведок экспедиции оказалось не одиноким; в сравнительно недалеком окружении были открыты синхронные поселения (Гек-тепе, Расул-тепе, Наргиз-тепе, Бабалары), продвинувшие границы распространения закавказской культуры расписной керамики значительно на восток.

Для решения проблемы возникновения и развития полукочевого скотоводства коллективу экспедиции пришлось расширить зону работ, включив сюда прилегающую к Мильской степи область Нагорного Карабаха. Лишь параллельное изучение синхронных памятников степных и горных районов могло ответить на вопрос, какие сдвиги произошли в хозяйственном укладе населения Азербайджана к концу II тысячелетия до н. э. и в какой зависимости находились эти две географически разные области? Исследованию был подвергнут известный Ходжалинский курганный могильник (разведки К. Х. Кушнаревой)¹⁴, расположенный на магистральном пути, идущем из

¹⁰ А. А. Иессен. Из исторического прошлого..., стр. 16—17.

¹¹ А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе.— МИА, № 125, 1965, стр. 153.

¹² После учета скидки на возраст древесины погребение это датируется концом III тысячелетия до н. э.

¹³ К. Х. Кушнарева. Новые данные о поселении Узерлик-тепе.— МИА, № 125, 1965, стр. 74; название остальных статей К. Х. Кушнаревой см. в МИА, № 133, 1965, стр. 107.

¹⁴ К. Х. Кушнарева. Археологические работы в 1954 г. в окрестностях сел. Ходжалы.— МИА, № 67, 1959, стр. 370.

Мильской степи на высокогорные пастбища Карабаха. Шурфовка внутри огромной каменной ограды (9 га), где не оказалось никаких признаков культурного слоя, позволила высказать предположение, что ограда эта служила скорее всего местом для загона скота, особенно во время нападения врагов. Сооружение значительных по величине погребальных курганов высоко в горах, на путях перекочевков, а также резко возросшее по сравнению с предшествующим периодом количество сопровождающего оружия (Ходжалы, Арчадзор, Ахмахи и др.) указывают на господство в этот период уже полукочевой, яйлажной формы скотоводства, способствующей накоплению больших богатств и дальнейшему усилению дифференциации общества.

Однако для подкрепления этого вывода необходимо было вернуться в степь с целью обнаружения и изучения там поселений, куда на зимние месяцы скотоводы спускали с гор свои сильно разросшиеся к тому времени стада. Надо оговориться, что если в предгорных и горных районах Азербайджана до начала работ экспедиции было исследовано много главным образом погребальных памятников конца II—начала I тысячелетия до н. э., то ни одно поселение в Мильской степи вообще не было открыто. В качестве объекта для раскопок избрали поселение, расположенное у подошвы одного из трех курганов-гигантов в урочище Уч-тепе (раскопки А. А. Иессена и И. Г. Нариманова)¹⁵. Здесь, в глубокой степи, среди обширных пастбищ были открыты небольшие прямоугольные землянки, использовавшиеся только в качестве зимников. Отсюда с весны население и скот перемещались в горы, а заброшенные землянки, разрушаясь, ждали их возвращения глубокой осенью.

Таким образом, раскопками синхронных степных и горных памятников с бесспорностью было доказано, что в конце II — начале I тысячелетия до н. э. на территории Азербайджана уже сложилась та форма отгонного, яйлажного скотоводства, которая господствует здесь до настоящего времени и заставляет археологов и историков рассматривать эти районы на протяжении трех тысячелетий как единую, объединенную одной исторической судьбой культурную и хозяйственную область.

В последующие века (VIII—VII вв. до н. э.) через степи Азербайджана прошли скифские кочевые племена, проникшие сюда с севера сквозь Дербентские ворота и дошедшие на юге до приурмийских районов. Несмотря на то, что собственно скифских памятников экспедиции нащупать не удалось, в пределах Мильской степи был изучен так называемый Малый курган с чрезвычайно любопытным для этого времени комплексом (раскопки А. А. Иессена)¹⁶. Разнообразный состав инвентаря (керамика и предметы конского убора) после сопоставления с другими памятниками Азербайджана делает этот комплекс опорным для VII в. до н. э. и побуждает к пересмотру некоторых прочно вошедших в обиход датировок.

Примерно к этому времени относится нижний слой стратиграфической колонки, полученной в результате изучения небольшого укрепленного поселения Кара-тепе (раскопки О. Ш. Исмизаде) около городища Орен-кала¹⁷. Здесь в течение второй половины I тысячелетия до н. э. существовало оседлое поселение со сложной сырцово-архитектурой, земледелием, скотоводством, садоводством и высокоразвитой материальной культурой.

Наряду со стационарными раскопками Кара-тепе были открыты и изучены могильники Ашуглы (VII—V вв. до н. э.; сборы О. А. Абибуллаева) и Узерлик-тепе (III—I вв. до н. э.; раскопки К. Х. Кушнаревой)¹⁸,

¹⁵ А. А. Иессен. Поселение Уч-тепе.— МИА, № 125, 1965, стр. 103; И. Г. Нариманов. Раскоп № 3 на поселении Уч-тепе. Там же, стр. 128.

¹⁶ А. А. Иессен. Из исторического прошлого..., стр. 22.

¹⁷ Там же, стр. 31; О. Ш. Исмизаде. Раскопки холма Кара-тепе в Мильской степи.— МИА, № 125, 1965, стр. 195.

¹⁸ К. Х. Кушнарева. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе, около Агдама.— МИА, № 67, 1959, стр. 420; Она же. Новые данные о поселении Узерлик-тепе, около Агдама.— МИА, № 125, 1965, стр. 74.

а также учтена по подъемному материалу серия памятников времени кувшинных погребений, т. е. периода существования на этой территории государства Кавказской Албании.

Таковы очень краткие итоги работ экспедиции в области древней истории Азербайджана. Разумеется, сказанным далеко не исчерпывается то множество вопросов, которые могут и должны быть в дальнейшем поставлены; ответы на них можно будет найти в материалах, добытых экспедицией. Однако и этого вполне достаточно, чтобы представить себе размах работ и ту большую роль в деле изучения ранее неизвестной истории края, которую сыграли эти работы.

Проблема возникновения и развития городской культуры в Азербайджане, с самого начала стоявшая перед экспедицией как одна из важнейших, переносила нас в область мало изученного средневековья. Памятником, который должен был дать первичный материал для освещения этой проблемы, явилось огромное городище Орен-кала в Мильской степи — одно из наиболее крупных в междуречье Куры и Аракса. Оно представляет квадрат 595×610 м, обведенный могучими, ныне обвалованными стенами высотой (как показали раскопки) до 6 м; внутри этого «Большого» города был выделен «Малый» город 365×400 м; общая площадь городища 36 га. Многовековая жизнь города отложила мощные напластования, толщина которых, как выяснили раскопки, достигала 5—6 м.

Приступая к исследованию Орен-кала, оставшегося до 1953 г. почти не изученным¹⁹, экспедиция ставила перед собой большие исторические задачи:

1) выяснить членение напластований городища и их хронологическую шкалу, тем самым определить период жизни города и прежде всего время его возникновения;

2) выяснить — в археологическом аспекте — историю города, соотношение «Большого» и «Малого» городов и время выделения последнего;

3) выявить и исследовать ремесленный квартал города и поставить вопрос о становлении города как ремесленного центра;

4) ответить на вопрос, насколько правомерно отождествление городища Орен-кала со средневековым городом Байлаканом; тот или иной ответ позволил бы конкретнее представить то место, которое должно быть отведено городищу Орен-кала среди других крупных поселений Азербайджана.

5) эта задача влекла за собой и другую, не менее важную — исследование ряда других крупных поселений в Куро-Араксинском междуречье; по мере разворота работ экспедиции эта задача приобретала бы все большее значение;

6) при исследовании самого городища Орен-кала ставилась задача собрать массовый материал для характеристики материальной культуры большого средневекового города Азербайджана в самых различных ее проявлениях и прежде всего процесса ее развития.

Разумеется, широко задуманная программа археологических исследований на городище Орен-кала и в ближайшем к нему районе не могла быть выполнена в те пять полевых сезонов (1953—1955 и 1957—1958 гг.), которые работала экспедиция²⁰. И все же значительная часть намеченных вопросов в той или иной степени была освещена и отчасти решена.

Прежде всего возник вопрос о первоначальном названии городища Орен-кала: многие историки Закавказья, следуя местной традиции, уже давно признавали в нем город Байлакан — главный центр обширного степного района междуречья Куры и Аракса. Раскопки 1953—1954 гг. дали материал,

¹⁹ См.: А. А. Иессен. Городище Орен-кала.— МИА, № 67, 1959, стр. 39—42.

²⁰ См.: А. А. Иессен. Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 г.— КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 124—128; Он же. Городище Орен-кала, стр. 44—46; Е. А. Пахомов. Пайтакаран — Байлакан — Орен-кала.— МИА, № 67, 1959, стр. 19—22.

вполне подтверждающий такое отождествление: Орен-кала и есть Байлакан письменных источников.

Заложенный в «Малом» городе, близ крепостной стены, сравнительно большой раскоп площадью 1160 кв. м (раскоп I, руководитель А. А. Якобсон) позволил составить достаточно отчетливое представление о стратиграфии городища²¹.

Шестиметровые напластования ясно членятся на несколько основных слоев, соответствующих основным периодам истории города. Наблюдения над строительными остатками в различных культурных слоях убеждают, что жилое строительство с течением времени становилось все интенсивнее. Это, несомненно, отражает факт постепенно увеличивавшейся заселенности города, сравнительно незначительной в начальный период его жизни.

Особенно мощным и насыщенным был верхний слой, охватывающий XII—начало XIII в.,— время наиболее интенсивной жизни Байлакана, оборванной монгольским нашествием 1221 г. Залегавшие в этом слое остатки многочисленных жилых домов с небольшими помещениями из сырцового кирпича рисуют картину густой застройки города в предмонгольское время.

Нижележащий слой охватывал непосредственно предшествующий период—XI в. и представлял собой засыпь, скрывающую остатки большого и монументального комплекса—возможно, часть обширной общественной бани того времени. Такое здание могло появиться только в относительно большом, по-средневековому благоустроенном городе.

Непосредственно нижележащий слой толщиной около 2 м, датируемый множеством раннеаббасидских фельсов VIII—X вв. и ранней поливной керамикой (IX—X вв.), прорезан многочисленными цилиндрическими колодцами, спускающимися именно с этого горизонта и связанными, очевидно, с жилыми домами, косвенно указывая на значительность населения города уже в то время—в IX—X вв. В этом убеждают и мощные крепостные стены «Большого» города, частично раскопанные на северо-восточном краю городища (раскоп II, руководитель Н. В. Минкевич-Мустафаева); стены эти были укреплены и усилены именно в этот период²². Тогда же, в IX в., вырос и ремесленный пригород с его гончарными печами, вынесенными, как обычно в средневековых городах, за крепостные стены (раскоп IV, руководитель Н. В. Минкевич-Мустафаева)²³.

Для выяснения того, когда возник город, особенно был важен нижний приматериковый слой, однородный и сильно слежавшийся, толщиной 1,5—2 м. Круглые или овальные углубления, заполненные этой засыпью, с «жилищами» полами и слоями горения (наиболее крупные из углублений диаметром 3—3,5 м могли быть остатками жилых землянок, остальные—хозяйственными ямами)—древнейшие на городище и намного предшествуют IX—X вв. Они, несомненно, еще раннесредневековые.

Заключение это подтверждает и находка около одного из углублений монеты византийского императора Анастасия (491—518)²⁴. К тому же выводу привели и раскопки городских стен на северо-восточном краю городища. Наиболее ранние из них, сложенные из больших сырцовых кирпичей—квадров, относятся, по всей вероятности, к V—VII вв.²⁵

Таким образом, раскопки вполне подтвердили данные письменных источников о построении Байлакана во времена сасанидского царя Кавада

²¹ См.: А. Л. Якобсон. Раскопки на городище Орен-кала в 1953—1955 гг.—МИА, № 67, 1959, стр. 51—55.

²² Н. В. Минкевич-Мустафаева. Раскопки на городской стене Орен-кала в 1953—1954 гг.—МИА, № 67, 1959, стр. 173; А. А. Иессен. Работы Азербайджанской экспедиции в 1953 г., стр. 120.

²³ Н. В. Минкевич-Мустафаева. Раскопки гончарных печей на городище Орен-кала.—МИА, № 67, 1959, стр. 174 и сл.

²⁴ А. Л. Якобсон. Археологические исследования на городище Орен-кала в 1957 г.—МИА, № 125, 1965, стр. 24.

²⁵ Н. В. Минкевич-Мустафаева. Указ. соч., стр. 148 и сл., 173.

(487—531)²⁶. Раннесредневековое возникновение Байлакана теперь можно считать установленным.

Менее ясна история роста Байлакана и время выделения «Малого» города из территории «Большого». Разумеется, при ограниченности размеров заложенных нами раскопов ответ на этот вопрос мог быть только предварительным.

Раскопками 1955 г. (руководитель А. Л. Якобсон) и 1960—1961 гг. (руководитель Г. М. Ахмедов) было выяснено, что северо-западная линия крепостной стены «Малого» города основана на строительных остатках XII—начала XIII в.; ее панцири сложены крайне небрежно из кирпичей вторичного применения²⁷, причем земля для заполнения внутрененного пространства бралась из культурного слоя, в результате чего и образовался ров вдоль крепостной стены. Исходя из этого, крепостную стену «Малого» города вероятнее всего отнести не к XI в., как предполагалось до 1955 г., а ко времени после монгольского завоевания Байлакана: либо к 1227—1230 гг., когда ее возобновляли при Шереф-ал-Мюльке²⁸, либо к началу XV в. при Тимуре²⁹. Таким образом, выделение «Малого» города было явлением сравнительно поздним: средневековый домонгольский Байлакан следует представлять себе сплошным большим городом без внутренних членений.

Большое и принципиально важное значение имело открытие ремесленного района Байлакана, расположившегося за пределами крепостных стен (раскоп IV, руководитель Н. В. Минкевич-Мустафаева). Здесь раскопан целый ряд гончарных печей IX—X вв. для изготовления сфероконических сосудов³⁰, причем на некоторых бракованных экземплярах их оказались клейма мастера Фадлуна из Байлакана и надписи Ахмеда, сына Фадлуна³¹. По соседству была открыта и большая гончарная печь XII—начала XIII в. с подпорным столбом, около печи прослежена система выложенных кирпичом каналов, несомненно, обслуживавших гончарное производство³². Неподдалеку зафиксированы следы и металлообрабатывающего производства (обработка железа). Ремесленное производство концентрировалось, вероятно, именно в этой части города. Появилось оно здесь, судя по всем данным, в IX в. Вместе с тем это время, как показывает массовый материал, отмечено усложнением ассортимента посуды и появлением глазурованной (поливной) керамики, изготовление которой быстро развивалось. Появление ее знаменует качественно новый этап в развитии гончарного ремесла. Можно предположить, что именно в IX в. Байлакан превращается в ремесленный центр. Это заключение важно для истории средневекового Азербайджана и Закавказья в целом, в экономической жизни которых, как и в Византии, период IX—X вв. все яснее выступает как эпоха интенсивного роста производительных сил и становления города в качестве ремесленного центра.

Раскопки Орен-кала дали огромный материал, позволяющий составить несравненно более конкретное, чем раньше, представление о материальной культуре Байлакана. Особенно богат материал из раскопок слоев XII—XIII вв.—эпохи расцвета этого большого города. Открыты, как сказано,

²⁶ Е. А. Пахомов. Указ соч., стр. 22.

²⁷ А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 135—136; Г. М. Ахмедов. Поздняя городская стена города Байлакана.— ИАН АзССР, 1962, № 6, стр. 17—31; Он же. О тимуровской стене города Байлакана.— СА, 1964, № 1, стр. 272—280.

²⁸ А. А. Иессен. Азербайджанская археологическая экспедиция в 1956—1960 гг.— МИА, № 125, 1965, стр. 278.

²⁹ Г. М. Ахмедов. О тимуровской стене города Байлакана, стр. 278.

³⁰ Н. В. Минкевич-Мустафаева. Раскопки гончарных печей на городище Орен-кала, стр. 174—185.

³¹ Л. Т. Гюзальян. Надписи на местной керамике из Орен-кала.— МИА, № 67, 1959, стр. 341—347.

³² Н. В. Минкевич-Мустафаева. Раскопки ремесленного квартала на юго-западной окраине Байлакана в 1956—1958 гг.— МИА, № 133, 1956, стр. 33—40.

дома с сырцовыми стенами на кирпичном основании, кирпичными вымостками, многочисленными колодцами, кирпичными очагами, врытыми в землю цилиндрическими печами (тондырами) для выпечки хлеба, с разнообразным бытовым и производственным инвентарем, начиная с сельскохозяйственных орудий и кончая домашней посудой. Значительно меньше были насыщены слои IX—X вв., но и они дали очень выразительный керамический комплекс.

Значение этого материала, во-первых, в его массовости, позволяющей установить в достаточно полном виде состав керамического комплекса, весьма разнообразного и сложного. Во-вторых — в его археологической документальности, придающей надежность датировкам того или иного комплекса или его части. Эти качества оренкалинского материала дают возможность наметить определенный процесс развития форм материальной культуры Азербайджана в эпоху зрелого средневековья, что еще не удавалось сделать при раскопках других азербайджанских средневековых городов. Сказанное выше относится как к простой бытовой керамике³³, так и к художественной, поливной³⁴, яркой и своеобразной, несомненно местного изготовления. Значение этой керамики выходит далеко за рамки самого Азербайджана: искусство байлаканских гончаров — выдающееся явление в художественной культуре не только Закавказья, но и всего Ближнего Востока.

В-третьих, значение массового археологического материала из Оренкала заключается в том, что он позволяет яснее обозначить торговые и культурные связи южных районов Азербайджана не только с соседними областями Закавказья — связи особенно тесные, — но и с закаспийскими странами, особенно в сфере художественной культуры, например с Ираном.

Раскопки Оренкала подняли и другие вопросы средневековой истории Азербайджана, но уже выходящие за пределы крепостных стен Байлакана. Один из них — это проблема Пайтакарана, предшественника Байлакана в качестве сасанидского административного центра и крепости в области Куро-Араксинского междуречья, сооруженной на пути из Персии в восточное Закавказье. Разведочное обследование этой территории наметило наиболее вероятную локализацию Пайтакарана в городище Тазакенд (в 8 км к юго-западу от Оренкала). Археологический зондаж (работы вел Г. М. Ахмедов) дал материал I—VI вв.³⁵ С проведением на рубеже V—VI вв. оросительного канала Гяур-арха и основанием в связи с этим новой крепости — Байлакана — Пайтакаран утратил свое значение и был заброшен.

К эпохе раннего средневековья относится еще один примечательный памятник в Мильской степи: погребение, впущенное в огромный, раскопанный А. А. Иессеном курган в урочище Уч-тепе. В впускной могиле был погребен мужчина, принадлежащий к северным степным племенам; погребенного сопровождал богатый инвентарь (мечь, нож, поясной набор, перстень с надписью и пр.)³⁶. А. А. Иессен предполагал, что погребен знатный хазарский воин, попавший в Мильскую степь с отрядом хазарского войска, действовавшего здесь в начале VII в. в качестве союзника Византии в ее борьбе с персами.

В ограниченной размерами обзорной статье нет возможности даже кратко остановиться на всем, что дали работы Азербайджанской экспедиции, объединившей усилия большого коллектива исследователей. Результаты ее деятельности явились значительным шагом в развитии наших знаний о древнем и средневековом Азербайджане.

³³ См.: Г. М. Ахмедов. Неполиванная керамика Оренкала IX—XIII вв.—МИА, № 67, 1959, стр. 186—226.

³⁴ См.: А. Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Оренкала).—МИА, № 67, 1959, стр. 228—300.

³⁵ См.; А. А. Иессен. Азербайджанская (Оренкалинская) экспедиция, стр. 47; Он же. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе, стр. 33—34.

³⁶ См.: А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе, стр. 173—181.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

А. А. БОБРИНСКИЙ, Р. М. МУНЧАЕВ

ИЗ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ГОНЧАРНОГО КРУГА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В памятниках майкопской культуры позднего, так называемого новосвободненского этапа развития, относящихся ко второй половине III тысячелетия до н. э., обнаружены глиняные сосуды, на днищах которых имеются углубленные оттиски круглой формы (рис. 2). Они расположены в центре днища и имеют обычно небольшой диаметр — от 1,5 до 2,5 см, но в отдельных случаях диаметр их достигает 3—4 см. Оттиски заглублены в тело днища, как правило, незначительно — на 1—3 мм. До последнего времени эти оттиски не привлекали к себе особого внимания археологов-кавказоведов. А между тем, изучение сравнительно небольшой серии керамических сосудов с оттисками показало, что они чрезвычайно важны для исследований истории гончарной техники народов Кавказа. В предлагаемой статье кратко изложены итоги изучения углубленных оттисков, выявленных на сосудах майкопской культуры позднего этапа ее развития.

Керамика с углубленными оттисками зафиксирована и в поселениях, и в погребальных памятниках майкопской культуры позднего этапа развития, например в Луговом поселении, в курганах Бамута, Лескена и некоторых других, коллекции из которых хранятся в ГИМе, Институте археологии АН СССР и Чечено-Ингушском республиканском музее краеведения. Нами в данной связи изучены коллекции керамики майкопской культуры, находящиеся в ГИМе и Институте археологии АН СССР.

Оттиски выявлены главным образом на керамике небольших и средних размеров емкостью от 0,2 до 3 л. Эти сосуды по своим формам и технологическим признакам обычны для памятников майкопской культуры второй половины III тысячелетия до н. э.¹ (рис. 3).

Встречаются они, однако, не на всех сосудах. Среди изученной нами керамики оказалось только 12 сосудов с такими оттисками, хотя просмотрено было несколько десятков целых экземпляров и сотни обломков керамики.

При осмотре оттисков было установлено, что на донном основании и боковых стенках некоторых из них сохранились следы от концентрического перемещения глиняных частиц в виде замкнутых концентрических бороздок. Эти следы очень важны, так как указывают на условие, при котором происходило образование оттиска. Такого рода следы могли возникнуть только при условии, если сосуд, сохраняя неподвижное положение по отношению к плоскости, на которой он был укреплен, совершал вращение вместе с этой плоскостью вокруг неподвижного стержня, который при трении с частицами глины и чертил эти бороздки на глине.

¹ Р. М. Мунчаев, В. И. Сарияниди. Бамутские курганы эпохи бронзы.— КСИА, вып. 98, 1963, стр. 98.

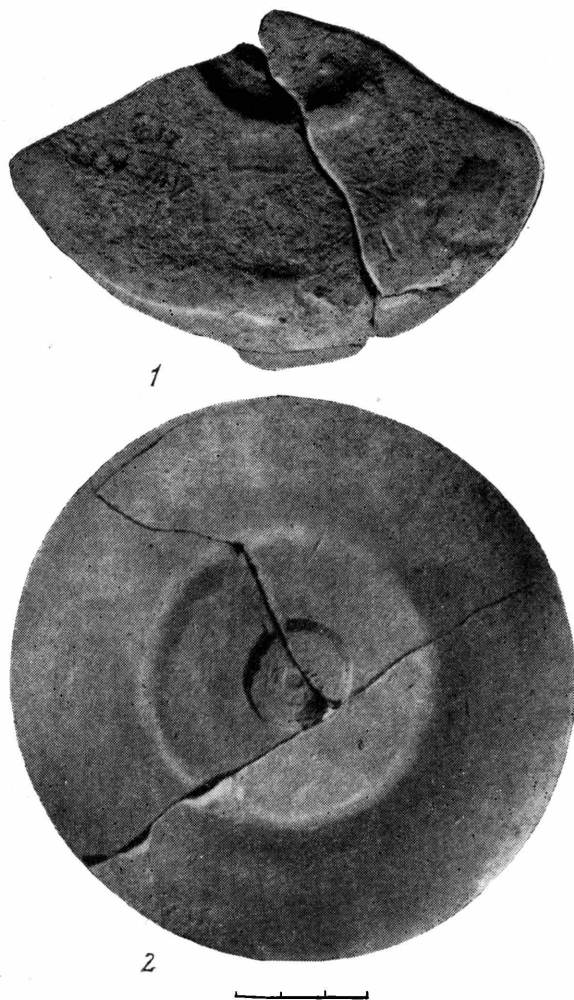

Рис. 2. Образцы днищ майкопской керамики с углубленными оттисками

1 — Луговое поселение; 2 — Бамутский могильник

Правда, на большей части сосудов с оттисками таких следов не оказалось. Но объясняется это прежде всего особенностями глиняного теста и технологией изготовления майкопской керамики. После формовки поверхности ее обливали жидким раствором ангоба красновато-коричневого цвета, под слоем которого и оказывались «погребенными» интересующие нас следы. Однако и относительно всех других оттисков мы можем с уверенностью заключить, что и они образованы в результате вращения сосуда вокруг неподвижного стержня. Об этом свидетельствует другой признак именно такого условия слеодообразования, сохранившийся у всех оттисков: повышенный рельеф по краю оттисков (рис. 4, 2). Такое повышение рельефа может возникнуть только в случае вращения днища сосуда вокруг неподвижно закрепленного стержня. При простом контакте ось — днище, т. е. в случае сохранения неподвижного их положения относительно друг друга, возникают совершенно иные очертания рельефа вокруг углубленных оттисков. В этом случае создается зона с пониженным, а не с повышенным рельефом вокруг углубления (рис. 4, 3). Полное отсутствие такого рода признаков на майкопской керамике с оттисками позволяет с уверенностью заключить, что все они образованы при однотипных условиях слеодообразования, а именно,

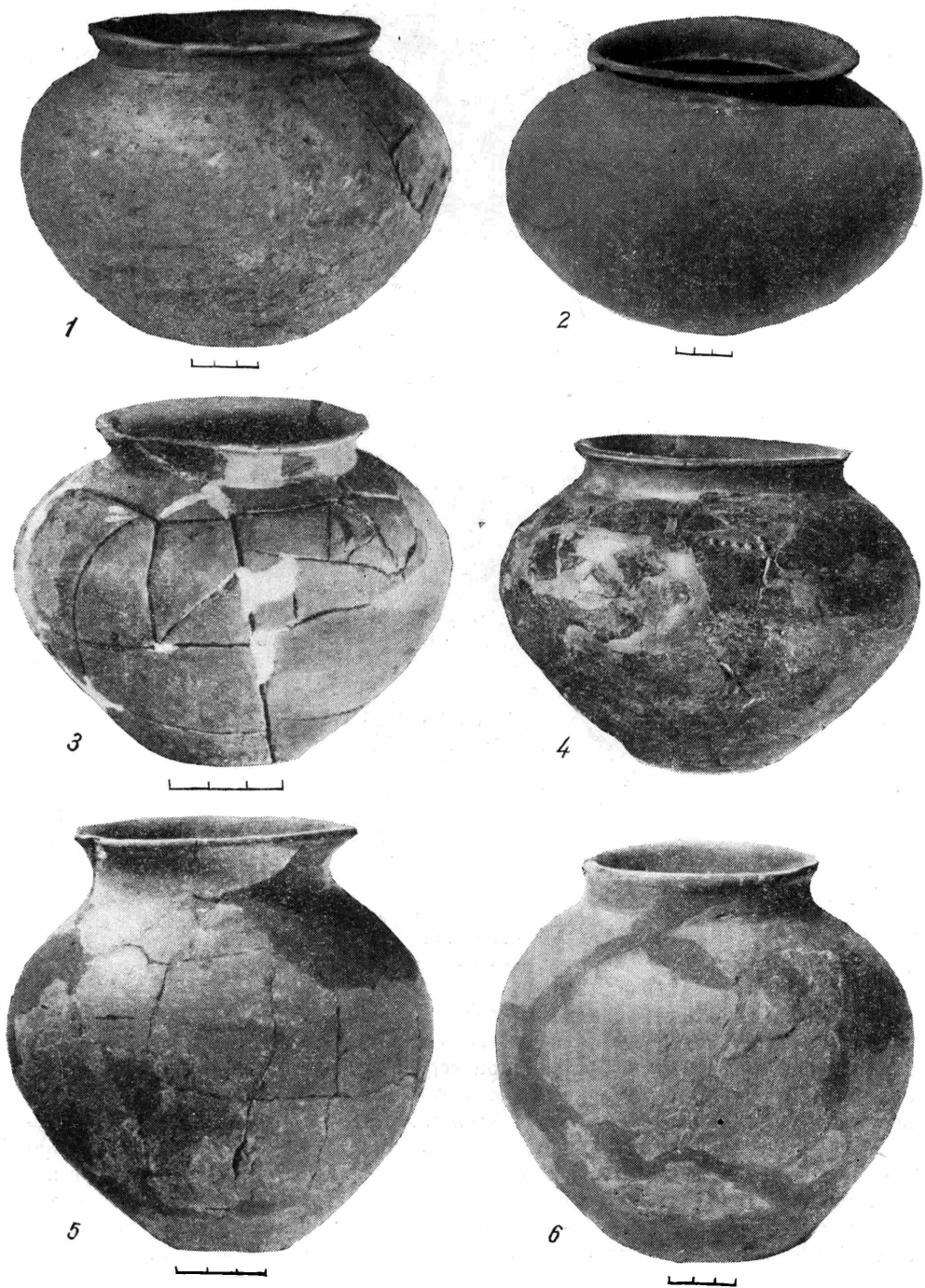

Рис. 3. Образцы форм майкопской керамики с углубленными оттисками на днищах
 1—5 — Бамутский могильник; 6 — курган у с. Лескен

в условиях вращения сосуда, закрепленного на плоскости вокруг неподвижного стержня. Если бы мы имели дело со статическими отпечатками, то можно было бы допустить различное их толкование и, в частности, рассматривать отпечатки как какие-то меты гончаров, связанные, быть может, с непонятными для нас символами, например гончарными клеймами и т. п. Но перед нами следы иного рода — не статические, а динамические, возникшие в условиях вращения сосуда. И это обстоятельство значительно облегчает объяснение такого рода оттисков.

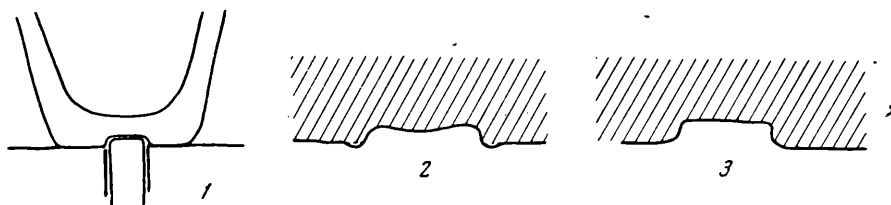

Рис. 4. Признаки динамического и статического слеодообразования на керамике
1 — общие условия динамического слеодообразования; 2 — особенности рельефа оттисков при динамическом слеодообразовании; 3 — особенности рельефа оттисков при статическом слеодообразовании

Дело в том, что аналогичные оттиски на днищах хорошо известны не только на майкопской керамике. Они многократно были зафиксированы, например, на средневековой керамике Восточной Европы. С символическими знаками типа клейм они не имеют никакого родства. Правда, до того, как были прослежены конкретные условия слеодообразования таких оттисков, некоторые археологи действительно принимали их за гончарные клейма. Но к настоящему времени твердо установлено, что динамические углубленные оттиски имеют техническое происхождение. Они оставлены концом оси гончарного круга².

В последние годы при изучении современного сельского гончарства на территории Восточной Европы были выявлены и различные круги, обладающие способностью оставлять на днищах формируемых сосудов динамические круглые оттиски, углубленные в тело днища. Оказалось, что такие орудия, бытовавшие в древности, и до настоящего времени применяются в сельских очагах гончарства³.

Обнаружение на днищах майкопской керамики углубленных динамических оттисков, аналогичных оттискам, зафиксированным на круговой средневековой керамике, позволяет сделать вывод, что и майкопская посуда небольших и средних размеров изготовлялась также с помощью гончарного круга. Больше того, на основании обнаруженных динамических следов от оси мы можем отметить и некоторые общие особенности устройства самого майкопского круга. Во-первых, он должен был иметь ось, неподвижно укрепленную в каком-то основании. Во-вторых, он должен был иметь рабочий диск со сквозным отверстием в центре. Эти особенности его устройства еще не дают оснований для сопоставлений гончарного круга майкопских гончаров с каким-то конкретным орудием, известным по этнографическим и археологическим данным. Но они позволяют сузить направление поисков.

В настоящее время уже ясно, что вывод о применении гончарного круга носителями майкопской культуры позднего этапа развития опирается на достаточно прочные основания. Этот вывод, однако, несколько смещает наши

² А. А. Бобринский. Древнерусский гончарный круг легкого типа на территории северо-западных областей РСФСР.— Вестник МГУ, вып. 4, серия историч., 1961; Он же. Древнерусский гончарный круг.— СА, № 3, 1963.

³ А. А. Бобринский. Указ. соч., стр. 35, рис. 1.

представления о признаках, какими следует оперировать для определения лепной и круговой керамики. Можно ли сказать, что наши представления об этих признаках достаточно полны? Нет, сказать этого нельзя. Признаки, по которым следует различать лепную и круговую керамику, очень слабо разработаны. Мы с достаточной точностью определяем случаи применения круга, когда с его помощью производятся конечные операции по обработке сосуда, когда в результате этих операций на его поверхности остаются многочисленные параллельные расположенные замкнутые концентрические бороздки. Но мы нередко становимся в затруднительное положение, когда таких бороздок нет или они очень невыразительны. Пример с майкопской керамикой — достаточно полная и яркая иллюстрация неудовлетворительного состояния методики определения круговой и лепной керамики. Определение этой керамики как круговой позволило исправить, углубить наши представления о начальном периоде истории гончарного круга на Северном Кавказе на целое тысячелетие. По-видимому, при дальнейшем изучении материалов и разработке методики удастся не раз еще вносить такого рода исправления, неизменно приближающие нас к более правильным выводам об особенностях исторического развития на той или иной территории.

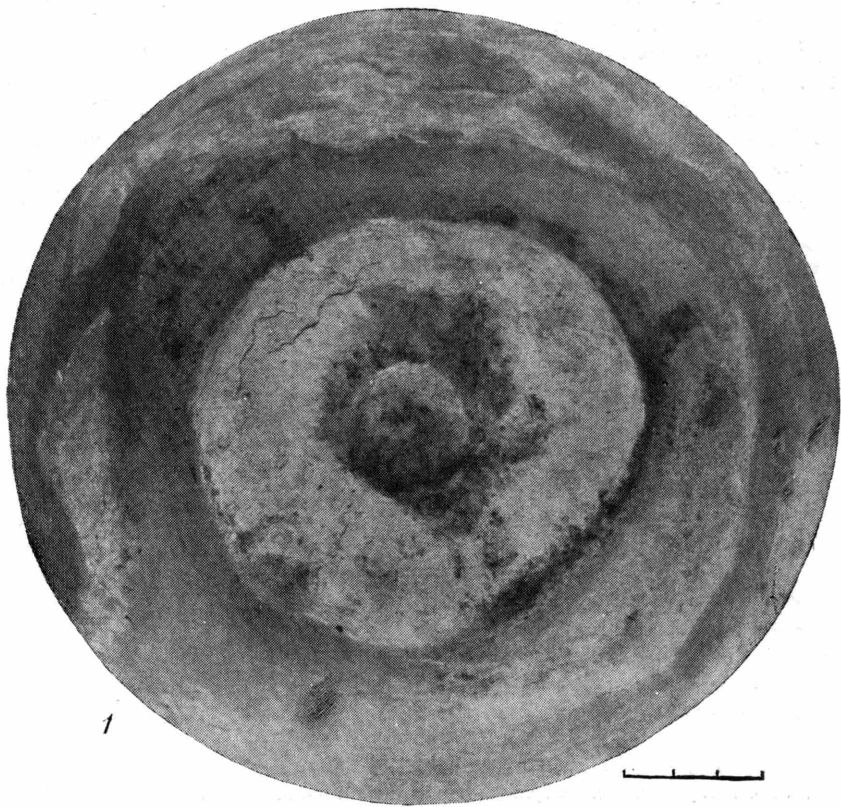
Мы уже отмечали, что следы на днищах оказались не на всех сосудах майкопской культуры. Чем объяснить это обстоятельство? Причин, по-видимому, несколько, учесть их все невозможно. Но в основном их отсутствие связано с технологическими особенностями изготовления керамики майкопскими гончарами, а не с другими причинами. Особенно наглядную иллюстрацию этому положению дают некоторые сосуды. На них возникшее при формовке углубление от конца оси было замазано дополнительными кусочками глины (рис. 5, 2). Прием этот, видимо, был известен широко, хотя использовался не всеми гончарами.

Помимо следов от оси гончарного круга, обнаруженных на днищах майкопской керамики, на ней выявлены и параллельные концентрические замкнутые бороздки на поверхности, которые можно считать своего рода классическим признаком, указывающим на использование центрированного вращения. Об этом можно было бы и не упоминать, так как следы от оси являются бесспорным свидетельством применения гончарного круга майкопскими мастерами. Но эти концентрические бороздки позволяют в данном случае значительно расширить документированные представления о степени распространения круга у племен майкопской культуры.

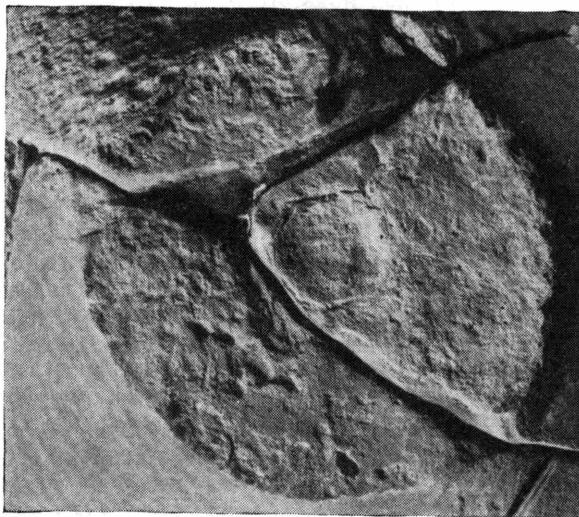
Дело в том, что этот классический признак использования круга прослежен и на керамике со следами от оси, и на керамике, не имеющей таких следов. Концентрические параллельные бороздки опоясывают поверхность большинства майкопских сосудов под венчиком, т. е. в месте, которое было наиболее защищено от стирания и наложения других следов при дальнейшей ручной обработке поверхностей: их ангобировании, лощении и т. д.

Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что в памятниках майкопской культуры позднего этапа развития основная часть керамики небольших и средних размеров изготавливалась с помощью гончарного круга.

Но возникает вопрос о том, какого типа это был круг? Как было устроено это самое древнее центрированное орудие формовки, зафиксированное к настоящему времени на территории СССР? Располагая конкретными следами от оси гончарного круга и зная, что такие следы могли оставить только орудия, имевшие неподвижную ось и рабочий диск со сквозным отверстием, мы попытались найти пути решения этого вопроса. С этой целью были изучены особенности следообразования гончарных кругов различных конструкций, какие до недавнего времени бытовали или даже применяются сегодня деревенскими гончарами на территории Восточной Европы. Выяснилась одна любопытная особенность. Оказалось, гончарные круги различных конструкций, но имеющие неподвижную ось и сквозное отверстие в рабочем

1

2

Рис. 5. Образцы керамики с нарушенными признаками особенностей следообразования

1 — днище с углубленным оттиском, поверхность которого покрыта слоем ангоба; 2 — днище с углубленным оттиском замазанным дополнительным кусочком глины после формовки

диске, обладают способностью оставлять следы, различающиеся особенностями рельефа их донной части, т. е. углубленной части ⁴.

Например, ножные круги способны оставить на днищах следы с одними очертаниями рельефа, ручные круги — с другими. Эти особенности связаны с особенностями колебательных движений, возникающих при вращении орудий различных конструкций. На основании находок в средневековых памятниках керамики с различными разновидностями следов было сделано предположение о существовании в древней Руси трех конструкций гончарных

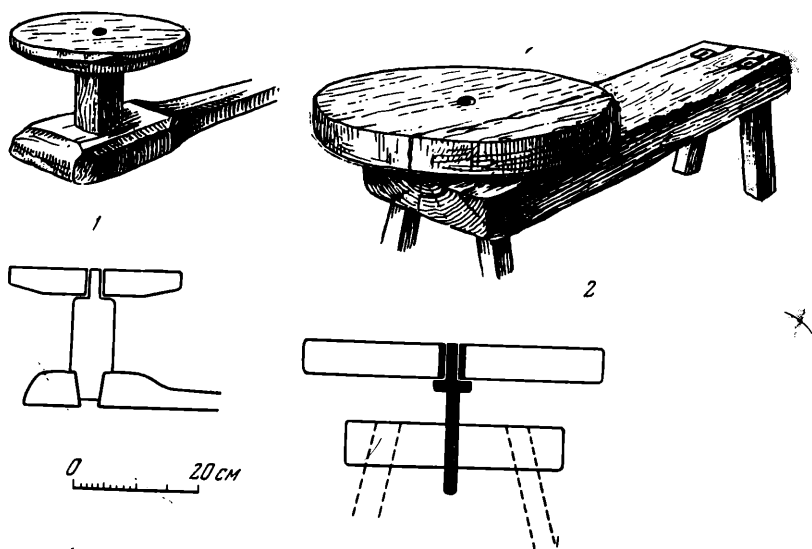

Рис. 6. Этнографические образцы гончарных кругов с одним скользящим подшипником

1 — Уймюнские селения Бийского у. Томской губ., Западная Сибирь; 2 — дер. Снегирево Кунгурского р-на; дер. Черепаново Баковского с/с Кудымкарского р-на Пермской обл.

кругов с неподвижной осью и сквозным отверстием в рабочем диске. Справедливость этого предположения удалось подтвердить находками деталей от самих орудий, существование которых было предсказано по следам ⁵.

Возвращаясь к майкопской керамике, следует заметить, что очертания рельефа углубленных оттисков у нее в тех случаях, когда он не оказался нарушенным позднейшими операциями в процессе изготовления предмета и его хранения в музеях, всегда однотипны. В профиле эти следы имеют устойчивые очертания донной части (рис. 4, 2). Здесь для нас опять важен предшествующий опыт: оказалось, что такого рода очертания донной части характерны для случаев следообразования только на ручных кругах с одним скользящим подшипником. Обнаружение на днищах майкопской керамики таких следов позволило предположить, что керамика майкопской культуры позднего этапа развития изготовлялась на ручном круге с одним скользящим подшипником.

Как мог выглядеть этот круг? Этнографически орудия с таким конструктивным устройством дожили в некоторых районах нашей страны до настоящего времени. Это наиболее простое в техническом отношении орудие формовки, сохранившееся до наших дней (рис. 6, 1, 2). Оно еще и сейчас с небольшими переделками применяется, например, в некоторых сельских очагах гончарства на территории Пермской обл. Известен такой же образец орудия из Западной Сибири, где его в конце XIX в. применяли русские

⁴ А. А. Бобринский. Древнерусский гончарный круг.

⁵ Там же.

переселенцы. Устроен этот круг просто: диск с отверстием, ось с плечиками и опорная плита, на которой крепится ось. При раскопках в Новгороде был обнаружен обломок рабочего диска от подсобного простейшего круга, относящийся к XI—XII вв.⁶ Вообще, судя по этнографическим наблюдениям, орудия этой конструкции чрезвычайно мало варьируют. Они различаются в основном размерами и способом крепления оси в основании, тогда как диск и ось, их устройство остаются фактически неизменных очертаний. Это обстоятельство позволяет предположить, что и круг майкопских гончаров

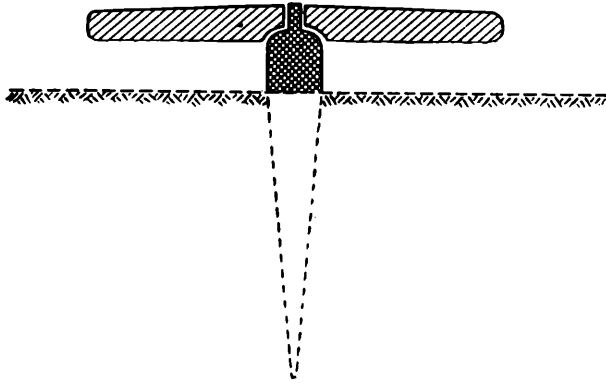

Рис. 7. Реконструкция гончарного круга из Ура (профиль)

принципиально не отличался от дошедших до нас орудий этой конструкции. Такое предположение может быть подтверждено и некоторыми документальными свидетельствами иного рода.

В этой связи нам хотелось бы коснуться вопроса о происхождении гончарного круга у племен майкопской культуры. Мы уже отмечали, что наши методы определения лепной и круговой керамики довольно несовершенны. Это обстоятельство при рассмотрении вопроса о происхождении круга на материалах другой культуры могло бы сделать такой вопрос недоступным для сколько-нибудь конкретного решения. Но в нашем случае эта проблема притуплена. Дело в том, что существует ряд важных фактов, указывающих на то, что в сложении майкопской культуры известную роль сыграли связи с цивилизациями Передней Азии⁷. По-видимому, в результате этих связей и появился у племен майкопской культуры гончарный круг, идея которого или сам он были переднеазиатского происхождения, где круговая керамика в III тысячелетии до н. э. уже прочно вошла в быт городских цивилизаций.

Для нас особенно важно то обстоятельство, что при раскопках в Уре был обнаружен гончарный диск именно от круга, способного оставлять на днищах следы, аналогичные тем, какие были зафиксированы на майкопской керамике, что может рассматриваться как археологическое подтверждение не только наличия связей, но и правильности интерпретации обнаруженных на майкопской керамике следов. Только орудие, подобное урскому кругу и образцам, сохранившимся до наших дней, могло оставить на днищах майкопской керамики отмеченные следы. По-видимому, мы вправе реконструировать орудие майкопских гончаров, ориентируясь на урскую находку (рис. 7).

Не совсем ясно, из какого материала делались орудия майкопских гончаров. На днищах не обнаружено бесспорных следов от дерева. Может

⁶ Там же, стр. 49, рис. 18.

⁷ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». — СА, XII, 1950, стр. 157—199; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

быть, как и орудия гончаров Ура, майкопские гончары делали диски глиняными. Если это так, то можно надеяться, что в дальнейшем будут обнаружены новые доказательства справедливости предложенной реконструкции.

Таким образом, в результате детального изучения поздней группы керамики майкопской культуры из Прикубанья, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии удалось установить чрезвычайно важный факт, а именно: определенная часть этой керамики изготовлена при помощи примитивного гончарного круга, близкого по своим конструктивным особенностям к подобным орудиям из древневосточных памятников III тысячелетия до н. э. Значение этого факта трудно переоценить — ведь до сих пор нигде в юго-восточной Европе, включая и Закавказье, применение гончарного круга для этого времени не зафиксировано.

В. А. САФРОНОВ

О ДАТИРОВКЕ РУТХИНСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

На датировках северокавказской культуры покоятся даты многих культур эпохи бронзы. В то же время датировка некоторых комплексов этой культуры слишком расплывчата. А ведь именно Кавказ часто является единственным звеном, связывающим археологические памятники Европейской части СССР с хорошо датированными по письменным источникам памятниками Ближнего Востока.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы уточнить абсолютную дату памятников типа могильников Фаскау и Рутха, т. е. более твердо датировать комплексы, соответствующие, за некоторым исключением, памятникам второй половины II тысячелетия до н. э., по Е. И. Крупнову, и третьего этапа северокавказской культуры, по В. И. Марковину².

Здесь не будут разбираться хронологические системы, предложенные исследователями в 20—30-х годах. Они хорошо разобраны в указанной выше книге В. И. Марковина, можно лишь сказать, что они устарели.

Большая работа по созданию хронологической системы северокавказских памятников эпохи бронзы была проделана в 50-е годы А. А. Иессеном³, Е. И. Крупновым⁴ и В. И. Марковиным⁵.

А. А. Иессен основными хронологическими вехами избрал клады (Привольненский, Костромской), которые блестяще датировал, а также уделил большое внимание датировке памятников новосвободнинского типа; однако хронологические рамки культуры в целом им не определены. Эта работа впервые была очень четко и убедительно проделана Е. И. Крупновым и в более развернутом виде — В. И. Марковиным. Интересующие нас памятники типа Фаскау, Рутха Е. И. Крупнов датировал второй половиной II тысячелетия до н. э., указав при этом, что между ними и кобанской культурой существуют памятники типа могильника Беахни-Куп. Кобанскую же культуру Е. И. Крупнов отнес к XI в. до н. э.⁶ В. И. Марковин относил могильники Фаскау и Рутха к третьему этапу своей периодизации, т. е. к 1500—1000 гг. до н. э.

¹ Доклад, прочитанный в 1964 г. на заседании сектора Средней Азии и Кавказа, публикуется в дискуссионном порядке.

² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии докобанского периода.— МИА, № 23, 1951; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, № 93, 1960.

³ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских» курганов.— СА, XII, 1950.

⁴ Е. И. Крупнов. Указ. соч.

⁵ В. И. Марковин. Указ. соч.

⁶ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры.— СА, 1957, № 1, стр. 82.

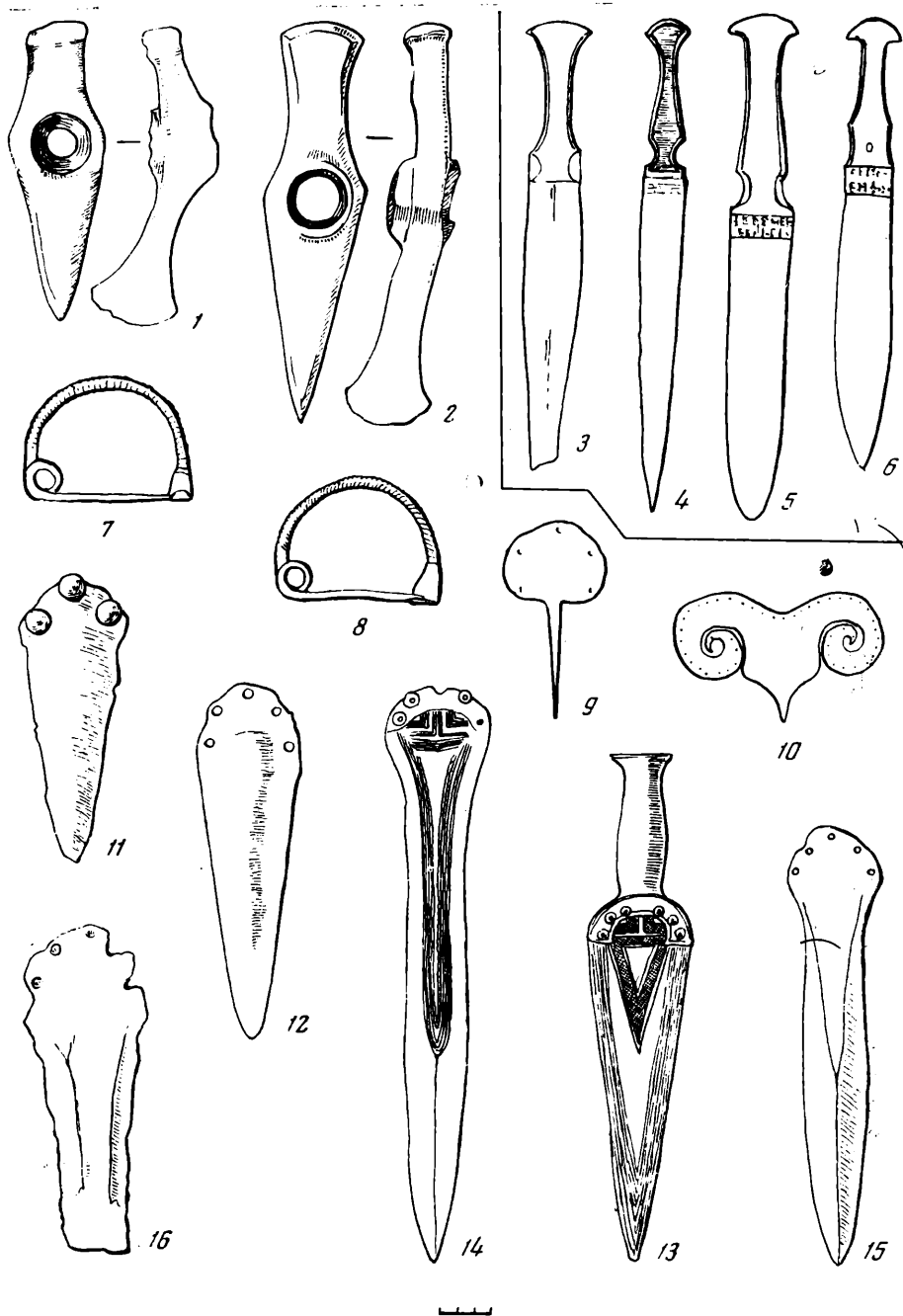
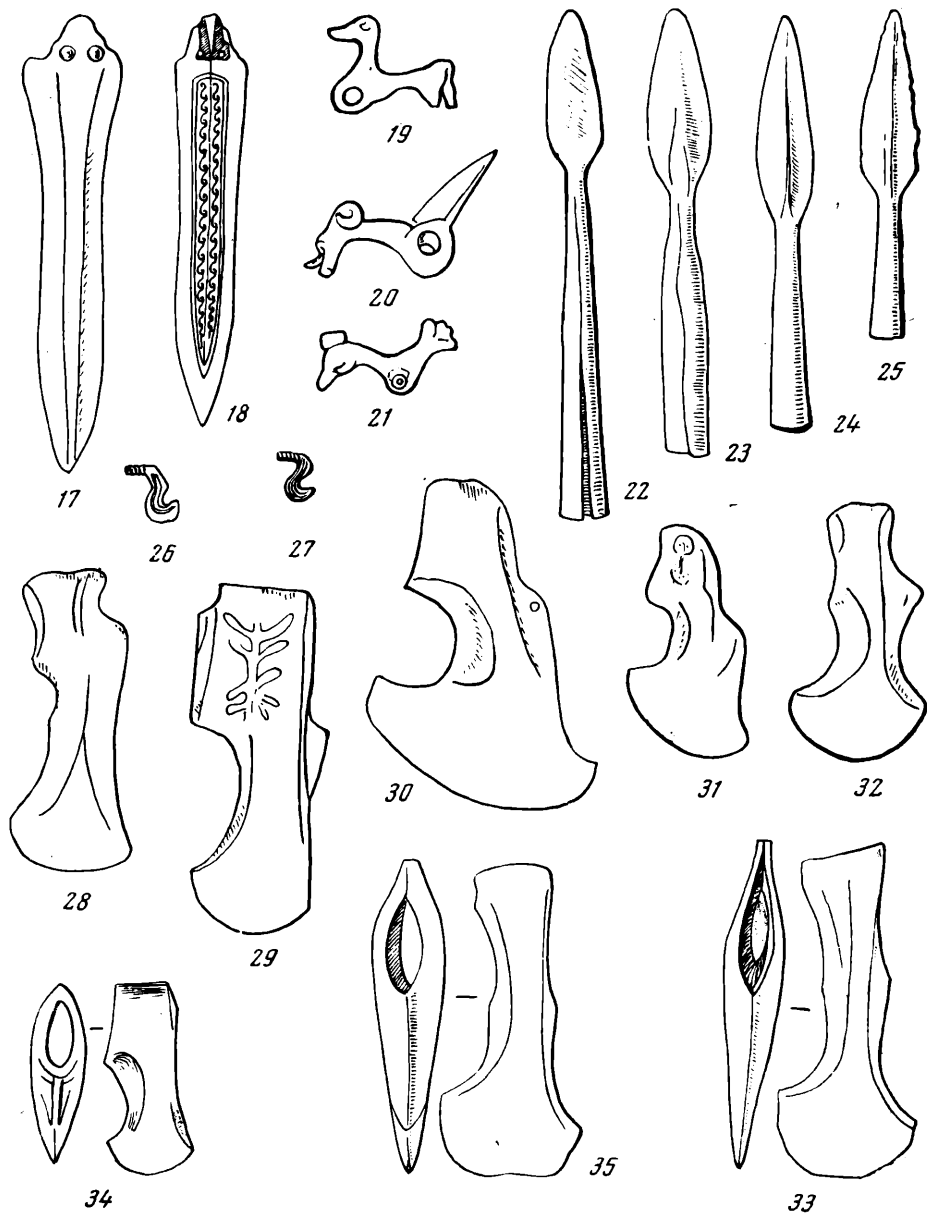

Рис. 8.

1—2 — топоры (Венгрия) (1 — Гюер-Гюшейтмиклош; 2 — Семиградье); 3—6 — кинжалы ближневосточного типа (3 — Фаскау; 4—6 — Луристан); 7—8 — арочные фибулы (7 — Италия; 8 — В. Рутха, комплекс 17); 9—10 — булавки (9 — Кобань; 10 — В. Рутха, комплекс 16); 11—18 — кинжалы (11 — Микены, вторая шахтовая гробница; 12 — ветеровская культура; 13 — Парма; 14 — Фротхайм; 15 — Ке-

либия; 16 — В. Рутха, комплекс 15; 17 — Кобань; 18 — Тлийский могильник); 19—21 — «рогатые» птички (19 — В. Рутха, комплекс 11; 20 — погребение под Нальчиком, кобанская культура; 21 — В. Рутха, комплекс 16); 22—25 — копья с прорезной втулкой (22 — Сиалк, некрополь «В»; 23—24 — В. Рутха, комплекс 15; 25 — Кобань); 26—27 — амулеты трубчато-обушных топориков (26 — ашерские дольмены, второй слой; 27 — В. Рутха, комплекс 16); 28—35 — секиры (28 — Пиленково; 29 — Талыш; 30 — Гоек-тепе; 31 — Грма-Геле; 32 — Макхунтаги; 33 — Орду, Турция; 34 — могильник у с. Галашки; 35 — Сазаккели)

М. Гимбутас на основании находки в Фаскау кинжалов так называемого талышского (ближневосточного) типа датировала могильники Рутха и Фаскау временем 1400 г. до н. э.⁷ Она ошибочно считала, что дата бытования последних 1450—1350 гг. до н. э. Но, как убедительно показал Е. И. Крупнов, кинжалы данного типа бытуют на Ближнем Востоке с начала II тысячелетия до XII в. до н. э. включительно, а на Кавказе один кинжал ближневосточного типа найден в комплексе IX в. до н. э.⁸ Кинжалы, почти идентичные кинжалу из Фаскау, обнаружены в Луристане, где они точно датируются надписями XIII в. до н. э.⁹ (рис. 8, 4, 5, 6).

Для того чтобы точно определить нижнюю хронологическую границу могильников Фаскау и Рутхи, постараемся определить время более ранних комплексов. Бесспорно, предшествующими рутхинскому этапу являются комплексы, содержащие металлические молоточковидные булавки с изображением змеек. По В. И. Марковину, булавки с одной парой молоточков встречаются в памятниках I и II этапа, а булавки с несколькими парами молоточков — в комплексах II этапа. Но никогда ни одна из этих булавок не была встречена в комплексах III этапа (рис. 9, 1—9). Для последнего характерны булавки с валютообразным навершием, которые сменили молоточковидные.

Интересным комплексом, содержащим булавки с одной или несколькими парами молоточков, является погребение из 8-го кургана близ станции Андрюковской¹⁰ (рис. 9, 4, 5). Помимо булавок, он содержит кинжал (рис. 9, 13), бусы, бляшку-медальон, характерную для комплексов II этапа северокавказской культуры (по В. И. Марковину), и горшок, родственный рутхинским, но типологически предшествующий им. Предметы погребения указывают на то, что этот комплекс предшествует памятникам типа Рутха, Фаскау.

А. А. Иессен справедливо отмечал, что кинжал из кургана 8 представляет почти полную копию кинжала из комплекса 7 Андрюковского кургана (рис. 9, 12), в котором были найдены также копье с прорезной втулкой и секира (рис. 9, 17), пока не нашедшие себе аналогий на Кавказе¹¹.

Остается непонятным, по каким причинам исследователи относили два этих комплекса к разным хронологическим горизонтам, считая погребение из кургана 8 более древним? Типологическое сходство обоих кинжалов и их территориальная близость позволяют сделать вывод о синхронности данных погребений и отнести их к комплексам, предшествующим рутхинскому этапу.

М. Гимбутас датировала погребение Андрюковского кургана 7 на основании сходства кинжала и копья (прорезная втулка) с талышскими типами, что не является хронологическим признаком. Кинжал действительно аналогичен талышским¹² (1450—1350 г. до н. э.) (рис. 9, 10, 15), но он имеет не меньшее сходство с кинжалами из более близких районов, например памятников Ленкоранского р-на (южный Азербайджан), и датируется там 1450—1200 г. до н. э.¹³ (рис. 9, 11). Кинжал из Андрюковского кургана 8 имеет лишь одну точную аналогию в памятнике русского Талыша, Хивери, датированном 1350—1200 гг. до н. э.¹⁴ (рис. 9, 14).

⁷ M. Gimbutas. Borodino, Seima and their Contemporaries.— The Proceedings of the Prehistoric Society for 1956, v. XXII, стр. 147.

⁸ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии докобанского периода, стр. 67—68.

⁹ R. Ghirshman. Perse, Proto-iraniens, Medes, Achemenides. Paris, 1963, стр. 282, рис. 342.

¹⁰ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 52, рис. 16.

¹¹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки.— МИА, № 23, 1951, стр. 114, рис. 51, 52; стр. 120, рис. 55.

¹² F. A. Schaeffer. Stratigraphie Comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, рис. 217, 8; рис. 219, 3.

¹³ Там же, табл. 227, 12.

¹⁴ Там же, стр. 423—424, табл. 236, 2.

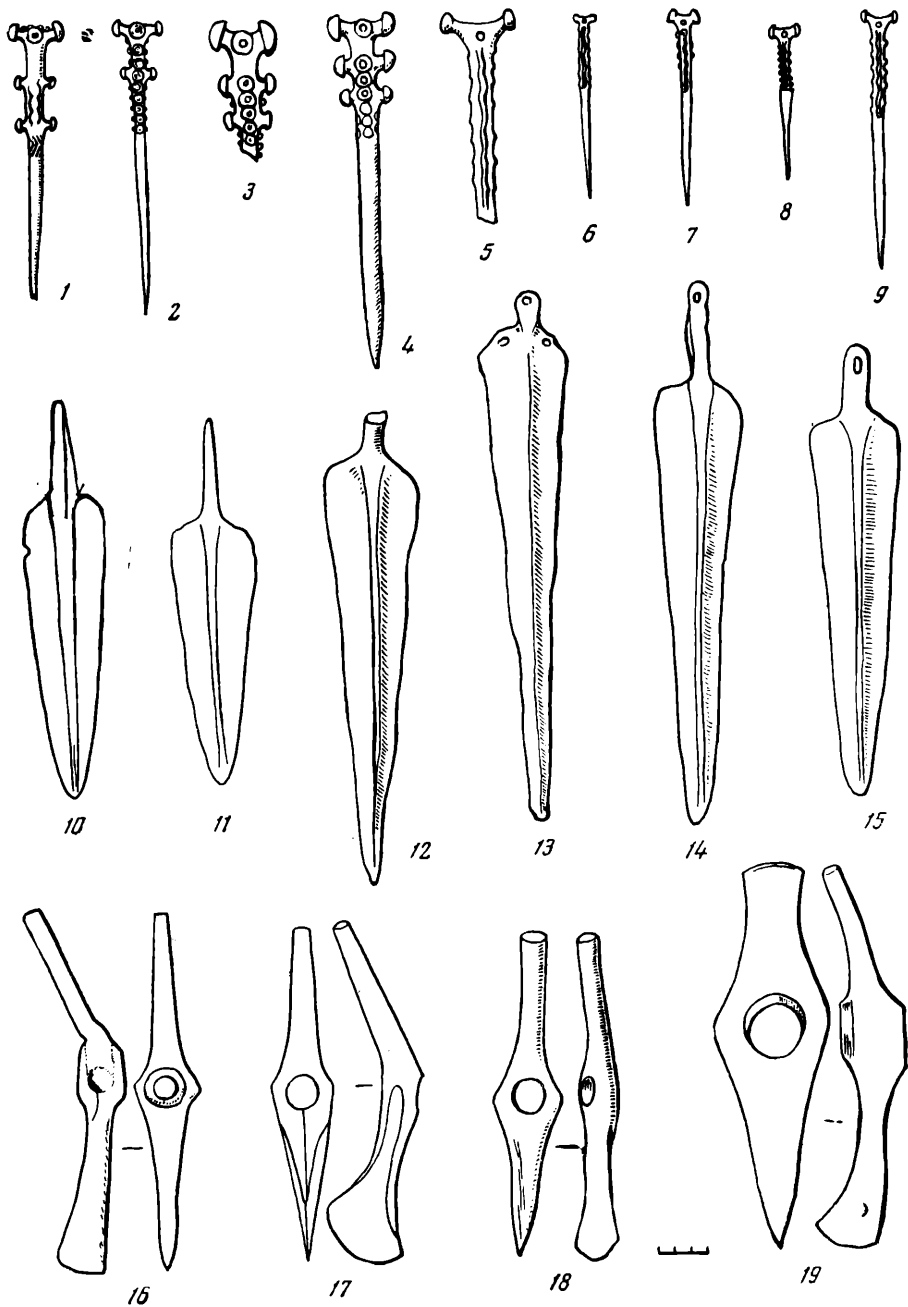

Рис. 9.

1—9 — булавки северокавказской культуры (1 — Кисловодск; 2 — ст. Андрюковская; 3 — с. Негем II; 4—5 — курган 8, быв. ст. Андрюковская; 6 — с. Летницкое; 7 — с. Благодарное; 8 — Пятигорск; 9 — х. Харина); 10—15 — кинжалы талышских типов (10 — Талыш; 11 — Ленкорань; 12—13 — андрюковские курганы 7 и 8; 14 — Хивери; 15 — Чайла-кен); 16—19 — секиры (16 — Троя VII А; 17 — Андрюковский курган 8; 18 — Нуиртура; 19 — Моношторпалу)

Таким образом, общий хронологический диапазон андрюковских кинжалов может быть определен 1450—1200 гг. до н. э., а наиболее вероятная их дата 1350—1200 гг. до н. э.

Редкая по изяществу бронзовая секира из Андрюковского кургана 7 имеет ряд бесспорных аналогий на территории современной Венгрии.

Сходство с предметами эпохи бронзы Венгрии и Румынии наблюдается в целом ряде синхронных памятников Северного Кавказа¹⁵. Связи Кавказа с данными областями не должны нас удивлять, так как эти области, по сути, пограничны — их разделяет лишь Черное море.

Уровень материальной культуры уже был достаточно высок, чтобы предположить наличие морского судоходства и эпизодической морской торговли Кавказа с областями нижнего Дуная. Тем более, что имеется достаточное количество примеров морских связей в раннебронзовую эпоху. Доказаны, например, связи эль-аргарской культуры (юго-восток Пиринейского полуострова) с культурами бронзовой эпохи Италии и Англии. Степень развития эль-аргарской культуры в начале II тысячелетия до н. э. вряд ли превышала уровень развития западного и восточного Причерноморья второй половины II тысячелетия до н. э.

В этой связи следует считать, что андрюковская секира скорее всего ведет свое происхождение от венгерских топоров, так как на Северном Кавказе похожих ей нет. Венгерские секиры, сходные с андрюковской, генетически связаны с боевыми топорами с массивным, оттянутым назад обухом. Несколько типологически более ранних топоров (рис. 8, 1, 2) такого типа были найдены в комплексах начала II тысячелетия до н. э. Большое разнообразие форм и ограниченность территории распространения (Румыния, Венгрия) позволяют предположить, что эти топоры бытовали здесь в течение длительного времени. Точные хронологические рамки их пока не установлены. Бесспорно, что секиры, судя по более совершенным формам, происходят от этих топоров и должны быть датированы несколько более поздним временем.

Но каким именно? Венгерские источники пока ответа не дают, так как секиры и большинство топоров найдены вне комплексов. Зато поразительное сходство венгерская секира из Моношторпалуй обнаруживает с единственной секирой из Трои VII А (рис. 9, 16, 19), на прочные связи которой с районами нижнего и среднего Дуная не раз указывали археологи. Так как более таких секир в Трое нет, то рассматривать ее следует как импортную или изготовленную по импортным дунайским образцам.

В то же время троянскую секиру с андрюковской сравнил А. А. Иессен, который на основании их сходства датировал погребение из кургана 7 временем 1200—1100 гг. до н. э.¹⁶ Однако привлечение этой аналогии не находило исторического объяснения. Сходство троянской и андрюковской секир объясняется тем, что обе они имеют одно, венгерское, происхождение. Причем, троянская и андрюковская секиры находят более близкое сходство с венгерскими, чем между собой. Секира из Моношторпалуй, близкая к троянской, менее совершенных очертаний, чем секира из Нуиртура, аналогичная андрюковской (рис. 8, 17, 19). Следовательно, андрюковская секира не могла быть изготовлена ранее троянской, датировать ее следует временем Троя VII А — 1300—1200 гг. до н. э.

Таким образом, если кинжал из Андрюковского кургана 7 датируется временем 1450—1350—1200 гг. до н. э., то секира из этого кургана и кинжал из Андрюковского кургана 8 уменьшают диапазон датировки и указывают на дату XIII в. до н. э.

Это лимитирует раннюю границу рутхинского этапа началом XII в. до н. э. Таковую датировку подтверждает значительная серия аналогий. Их

¹⁵ G. Wilke. Archäologische Parallelen aus Kaukasus und den unteren Donauländern.— Zeitschrift für Ethnologie. Bd XXVI. Berlin, 1904, стр. 87—103.

¹⁶ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки..., стр. 119.

ближневосточных районов следует указать Закавказье и Луристан. Если связи с Закавказьем прослеживались еще в предрутхинскую эпоху, то с луристанскими бронзами они намечаются, начиная с рутхинского этапа. На это указывает целая серия топоров, секир.

К сожалению, большинство луристанских топоров не датированы, но в этой связи совсем иное значение приобретает кинжал ближневосточного типа, найденный в могильнике Фаскау (рис. 8, 3). Не останавливаясь подробно на хронологии кинжалов, можно указать, что последние появляются в районах высоких цивилизаций, в частности в Египте в XVIII—XVII вв. до н. э. Далее, продолжая там бытовать, они продвигаются к северу. В Рас-Шамре такие кинжалы датируются XIII в. до н. э., в Ассирии — XIV—XII вв. до н. э., в Закавказье — 1350—1200 гг. до н. э., в Луристане такие кинжалы точно датируются надписями на них XIII в. до н. э.¹⁷ (рис. 8, 4, 5, 6).

Учитывая это, мы можем определить время появления данных кинжалов на Северном Кавказе XII в. до н. э., допуская их проникновение сюда с некоторым запаздыванием. На дату после XIII в. до н. э. указывает и секира из погребения могильника рутхинского этапа у с. Галашки¹⁸ (рис. 8, 34). По нашему мнению, она генетически связана с ближневосточными секирами типа, представленного в Гоек-тепе (рис. 8, 30), и стоит в типологическом ряду с секирой из могильника Грма-Геле (р-н Тбилиси) и секирами колхидско-кобанского типа (рис. 8, 32, 33, 35).

Секира из Гоек-тепе датируется XIV—XII в. до н. э.¹⁹, начало кобанской культуры — XI в. до н. э. Значит, секира из могильника у с. Галашки должна быть датирована XII в. до н. э.

Интересен и кинжал из погребения 15 могильника Верхняя Рутха. Е. И. Крупнов на основании находки кинжала относил это погребение к кобанскому времени. Действительно, кинжал имеет много общего с кобанскими, но все же ряд черт не позволяет относить его к последним. Все кобанские кинжалы имеют выраженные плечики и выступ посередине всего клинка (рис. 8, 17, 18).

У кинжала из упомянутого погребения утолщение для крепления рукоятки (по-видимому, на пяти заклепках) плавно переходит в клинок. Выступа нет, а нервюра доходит лишь до середины клинка. Точно такие же кинжалы широко распространены в дунайских районах (рис. 8, 12—15), причем местное происхождение их несомненно: они происходят, очевидно, из унетичских кинжалов. Рис. 8 показывает эволюцию этих кинжалов (рис. 8, 11—18).

В то же время кинжалы этих типов имеют много общих черт с кобанскими. Нам представляется, что происхождение кобанских кинжалов следует связывать с кинжалами «келибийских» типов²⁰.

Кинжал из погребения 15 (рис. 8, 16), вероятно, изготовленный по импортным венгерским образцам, является как бы промежуточным звеном между кобанскими и венгерскими кинжальными клинками. В датировке «келибийских» типов мнения исследователей расходятся, но, несомненно, они должны датироваться позже унетичских кинжалов (XVI—XIV вв. до н. э.), т. е. не ранее XIII в. до н. э. На основании этого мы можем отнести комплекс 15 к XII в. до н. э.

Дату XII в. до н. э. подтверждают и найденные в погребении 17 могильника Верхняя Рутха фибулы (рис. 8, 8). В Италии такие фибулы (рис. 8, 7) датируются 1200—1100 гг. до н. э.

¹⁷ R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 233—286.

¹⁸ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 82, рис. 38, 11.

¹⁹ J. Deshayes. Les outils de bronze de l'Indus au Danube. I. Paris, 1960, стр. 343.

²⁰ R. Nachman. Die frühe im westlichen Ostseegebiet und ihre mittel- und sudoseuropaischen Beziehung. Hamburg, 1957, стр. 165—167.

Е. И. Крупнов отнес данное погребение к кобанскому времени, но вещи из этого погребения, в частности желобчатый браслет и височные кольца, как правило, встречаются в докобанское время.

Таким образом, перекрестной датировкой определяется время многих комплексов рутхинского этапа как XII в. до н. э. Позднюю дату некоторых комплексов рутхинского этапа подтверждает и значительная их близость с кобанской культурой (рис. 8, 9—10, 19—21, 24—25). То обстоятельство, что более ранние комплексы, чем комплексы рутхинского этапа, датируются XIII в. до н. э., а кобанская культура — не позднее XI в. до н. э., позволяет отнести весь этап к XII в. до н. э. Уточнение абсолютной хронологии рутхинского этапа помогает более твердо датировать ряд памятников Европейской части России.

М. П. ГРЯЗНОВ

О ЧЕРНОЛОЩЕНОЙ КЕРАМИКЕ КАВКАЗА, КАЗАХСТАНА И СИБИРИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Древние племена Кавказа, несмотря на ярко выраженные своеобразие и самобытность культуры, всегда развивались в контакте со многими соседними племенами и народами. Вопросы культурного взаимодействия их с другими племенами и народами, культурных заимствований и влияний широко освещены в литературе, так как изучение их представляет собой огромную важность для решения очень многих вопросов в истории древнего населения Восточной Европы. Тем не менее далеко еще не все отраженные в археологических памятниках явления культурных взаимосвязей Кавказа и других стран изучены, освещены или хотя бы выявлены.

А. А. Иессен, исследуя материалы Моздокского могильника, отметил наличие большого сходства одной группы керамики Северного Кавказа, а именно чернолощеной, с геометрическим орнаментом и часто инкрустированной белой массой со сходной с нею керамикой раннескифского времени на Украине и в низовьях Дона и гальштатской культуры в Австрии¹. При этом он указывал, что каждая из четырех групп керамики представляет самостоятельно сложившееся на местной основе производство; сходство же их между собой объяснял, «с одной стороны, конвергентным развитием керамического производства при сходных хозяйственных и технических условиях, а с другой — наличием межплеменных сношений».

К указанным А. А. Иессеном параллелям кавказской чернолощеной керамики с геометрическим орнаментом и белой инкрустацией можно добавить еще и другие, им не отмеченные. Четверть века тому назад, когда публиковался Моздокский могильник, они еще не могли быть так отчетливо, как теперь, выявлены.

Моздокская чернолощеноя керамика представляет собой один из поздних вариантов своеобразной группы керамики, широко распространенной на Кавказе в предшествующий период — в эпоху поздней бронзы и раннего железа. В памятниках кобанской и ходжалы-кедабекской культур, а также Лчашенской и Ворнакской групп в Армении и, возможно, колхидской культуры в Грузии наряду с другими типами посуды характерна группа нарядных сосудов разных форм и размеров, объединяемых техникой их изготовления и своеобразными приемами внешнего художественного оформления. Это сосуды с блестящей лощеной поверхностью, преимущественно черного цвета. Орнамент геометрический, своеобразных форм, составленный из заштрихованных треугольников, ромбов и ромбов с «довесками» (рис. 10,

¹ А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 40.

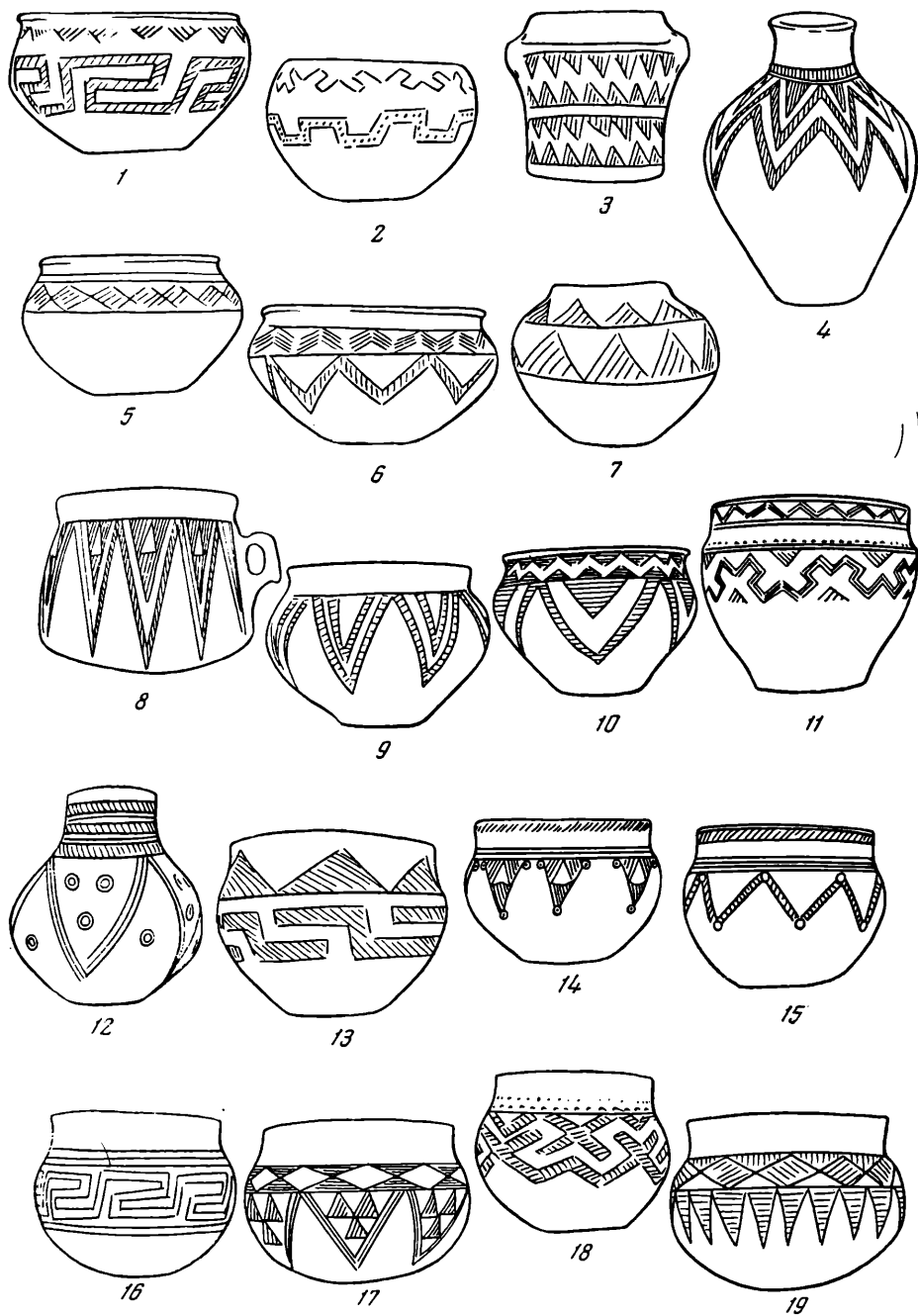

Рис. 10. Чернолощенная керамика

1—8 — Кавказ (1, 2 — Карабулак; 3 — Кобань; 4 — Кировакан; 5—7 — Головино; 8 — Бонисхеви); 9—13 — Казахстан (9—10 — Тагискен; 11 — Киргялда; 12—13 — Сангумр); 14—15 — верхняя Обь (14 — Большая Речка; 15 — Долгая Грива); 16—19 — Енисейские степи (16 — Колёны; 17—18 — Орак; 19 — Усть Ерба)

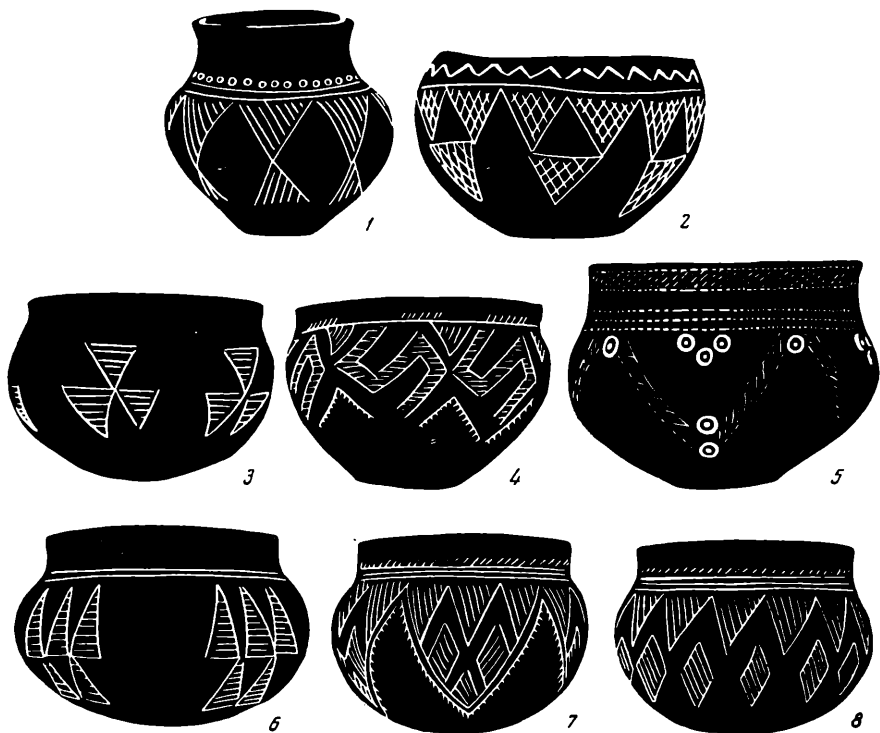

Рис. 11. Чернолощенная керамика с белой инкрустацией

1, 2 — Кавказ (1 — Кумбулта; 2 — Карабулак); 3, 4 — Казахстан (Тагискен); 5 — верхняя Обь (Большая Речка); 6—8 — Елисейские степи (6 — Карасук I; 7, 8 — Усть Ерба)

5, 7; рис. 11, 2, 8), из зигзаговых и меандровых заштрихованных полос (рис. 10, 2, 6), из фестонов, составленных из заштрихованных треугольников и полос (рис. 10, 4; рис. 11, 2, 7), и др. Очень часто тисненные или резные линии орнамента заполнены белой массой. Можно считать керамику этого типа характерной для поздней бронзы и раннего железа всего Кавказа, хотя в Армении она более скромна по орнаменту и не представляет столь яркой группы, как в кобанской и ходжалы-кедабекской культурах, а в Грузии известна лишь по единичным находкам.

За пределами Кавказа очень близкие типы керамики находятся не только в указанных выше степных и лесостепных районах Восточной Европы. Они широко распространены, по-видимому, во всех частях Великого Пояса степей. Также по преимуществу чернолощенная, с того же рода геометрическим орнаментом и также более или менее часто инкрустированная белой массой посуда характерна здесь для памятников поздней бронзы, как и на Кавказе, датируемой концом II и началом I тысячелетия до н. э. Такого рода керамику мы встречаем в низовьях Сыр-Дарьи, где недавно при раскопках богатых мавзолеев в могильнике Тагискен получена великолепная серия нарядной чернолощенной посуды (рис. 10, 9, 10; 11, 3, 4)². Найдена она и у подножия Тянь-Шанских гор, на р. Чу³. В Центральном Казахстане в нескольких могильниках типа Дындыбай-Бегазы собрана серия прекрасных образцов такой же посуды (рис. 10, 12, 13)⁴. На Оби она известна по нескольким могильникам карасукского времени (рис. 10, 14, 15)⁵.

² С. П. Толстов. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи.— СА, 1962, № 4, рис. 9—10.

³ Чуйская долина.— МИА, № 14, 1950, табл. XXXI.

⁴ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в центральном Казахстане.— СА, XVI, 1952; Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. VI.

⁵ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.— МИА, № 48, 1956, рис. 6 и 8 и табл. V и VI.

Наконец, в наибольшем количестве мы ее находим на Енисее по памятникам карасукской культуры (рис. 10, 16—19; рис. 11, 6—8)⁶.

Керамику указанных районов можно характеризовать точно теми же словами, без каких-либо поправок, какими выше была охарактеризована керамика Кавказа. Однако это не значит, что керамика Средней Азии и Южной Сибири подобна кавказской и принадлежит одному с ней типу. Каждому из этих районов свойственны свои, более или менее отличные от других, формы сосудов, свои особые орнаменты и их композиция. В каждом из них есть присущие только им одним орнаменты. Вместе с тем многие орнаментальные мотивы распространены весьма широко. Некоторые мотивы орнамента можно встретить в разных вариантах, как на Кавказе, так и в степях Казахстана и Сибири, вплоть до Енисея. Это не только простейшие орнаменты вроде заштрихованных треугольников и зигзагов, но иногда и более сложные, как, например, составленные из треугольников фестоны (рис. 10, 14, 17; рис. 11, 2, 3, 6) или особого вида меандровидная полоса. Последний узор распространен в западном Казахстане в позднеандроновское время, где он выполнялся широкой заштрихованной полосой (рис. 10, 11); на Кавказе он выполнен обычно одной линией (рис. 10, 2), на Енисее нам он известен в одном случае, выполненный гладким фоном между заштрихованными поясами (рис. 10, 18).

Отмеченное сходство одного из видов посуды у древних племен на обширных пространствах от Дуная до Енисея, от Кызылкумов в Средней Азии до границы сибирской тайги надо объяснять вслед за А. А. Иессеном тем, что при одинаковом в основном хозяйственном и бытовом укладе скотоводческих племен эпохи поздней бронзы и раннего железа и при широко развитом тогда межплеменном обмене некоторые формы хозяйственного и бытового инвентаря, а также и орнаментального искусства могли получить широкое распространение. Однако не надо думать, что чернолощенная нарядная керамика со своеобразным геометрическим орнаментом и белой инкрустацией, зародившаяся и развившаяся где-то в одном районе, распространилась затем в готовом виде среди всех скотоводческих племен в горных и равнинных степях, лесостепях. Как на Кавказе, так и на Енисее и в Казахстане можно видеть, что основные формы сосудов и их орнаментация тесно связаны своим происхождением с предшествующим местным развитием керамического производства. В каждом районе, как правило, вся керамика в целом, пройдя свой особый путь развития, вполне самобытна, и только один из видов ее, а именно нарядная чернолощенная посуда, также в общих чертах самобытная, имеет в то же время много сходных черт с подобной посудой других районов. Приемы изготовления нарядной посуды и ее орнаментации неоднократно заимствовались скотоводческими племенами друг у друга. Таким путем у племен разного происхождения, с разной культурой выработался во многом сходный тип посуды, распространенный в степях на тысячи километров.

---

⁶ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае.— МЭ, т. III, вып. 2, 1927, табл. XII, рис. 16, 17; С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, табл. X, XIII.

жено большое количество кремневых орудий, нуклеусов и отщепов, а также несколько черепков архаического облика, которые прямо нельзя увязать с кремневым инвентарем. Местоположение стоянки, связанной с древней протокой, позволяет определить время функционирования протоки Сарык-Су.

Следующая стоянка обнаружена в 20—25 км к юго-западу от Мингбулака среди песков барханного типа, в районе сел. Ак-Кум. Здесь не удалось расширить поиски, но нет сомнений, что в дальнейшем будет открыт еще ряд стоянок, которые и составят отдельную группу.

Третью группу образуют стоянки на берегах бывшего оз. Дам-Куль, ныне почти полностью осушенного и частично освоенного. Примерно в 4 км от сел. Мадьяр возвышается гряда барханов высотой до 10 м. В понижениях между ними и обнаружены каменные орудия в 1958 и 1963 гг. Эти стоянки находятся, очевидно, на месте южного берега оз. Дам-Куль. Западнее его, приблизительно в 8 км к юго-западу от сел. Баграбад, располагается большая стоянка. Само селение раскинулось на границе освоенных земель и песков в 2 км от Дам-Куля.

Четвертая группа (семь стоянок) располагается в районе животноводческой фермы Курджун-Куль, на территории бывшего оз. Ащи-Куль, примерно посредине пути между сел. Баграбад и Бачкир, на окраине Кокандского оазиса. В этом районе кремневые изделия находили преимущественно на поверхности песчаных гряд. Стоянки отдалены друг от друга расстоянием от 2 до 5 км.

Пятая группа (восемь стоянок) выявлена на Кзыл-Тюбинском массиве песков в южной части Каракалпакской степи. Находки встречены на поверхности песчаных гряд.

Во всех случаях никаких следов культурного слоя обнаружить не удалось. Исчезновение его возможно произошло в результате разрушения поверхности песчаных гряд. Но возможно также, что отсутствие культурного слоя свидетельствует о кратковременности стоянок; на стоянках нет керамики, которую можно было бы сопоставить с кремневым инвентарем. Здесь собрано около 2600 каменных изделий. Среди них имеются орудия, нуклеусы, а также отщепы и другие отходы производства, что позволяет говорить об изготовлении орудий на месте. На одной стоянке юго-западнее Баграбада обнаружено 357 кремневых изделий, в том числе 67 нуклеусов, 168 пластинок без ретуши и 49 пластинок с ретушью, а также отщепы. Судя по составу находок, здесь была мастерская, где изготавливали орудия. Кроме того, в коллекции 1958 г. насчитывается около 800 изделий. Состав находок одинаков.

Основная масса орудий сделана из светло-серой однородной кремнистой породы. Использовали также мелкозернистый песчаник, халцедон и кремень разного цвета — белый, зелено-серый, сургучного оттенка, черный и др. Все орудия изготовлены из мелких галек. В нашей коллекции более 200 экз. миниатюрных нуклеусов. Преобладают одно- и двуплощадочные нуклеусы, но имеются и многоплощадные. Встречены нуклеусы в форме правильного конуса и так называемый карандашевидной формы. Полученные с таких нуклеусов пластинки малых размеров, с вытянутыми пропорциями. Они узкие и тонкие. Весь набор орудий отличается подлинно микролитическим характером. Отмечено применение техники сечения пластинок на дольки. Обращает на себя внимание тщательность ретуширования, которая представлена на пластинках в разном сочетании.

Находки орудий составляют почти половину всех материалов. Большая часть орудий — это ножевидные пластинки с ретушью и орудия, изготовленные из пластинок. Пластинки имеют правильные очертания и отличаются мелкими размерами: 20—30 × 3,5—5 × 1,2—2 мм. Встречено большое количество микропластинок длиной до 1,5 см. Весьма характерно наличие на некоторых пластинках ретуши на одной продольной грани с брющка. В небольшом количестве представлены пластинки оригинальной формы,

лезвия которых вогнутой формы и покрыты миниатюрными фасетками тщательной ретуши, несколько напоминающие изделия, типичные для кельтеминарской культуры.

Следующую основную группу составляют скребки, среди них преобладают миниатюрные круглые скребочки диаметром до 1,2 см. Имеются концевые скребки на пластинах и скребки из галек. Представляет интерес один двусторонний скребок на пластинке. Четко выраженные резцы в коллекции отсутствуют, и только условно можно выделить два орудия с маловыразительными резовыми сколами. Кроме перечисленных, имеются единичные орудия, которые Г. Ф. Коробкова, просмотревшая все материалы с целью установления функционального назначения, определила как пластинки, использовавшиеся в качестве скобеля, сверла, резчика по дереву и кости и др.

Обращают на себя внимание два наконечника стрелы листовидной формы с двусторонней обработкой, овальные в поперечном разрезе, длиной около 2 см.

Особо надо отметить одно орудие в виде сегмента, а другое — в виде трапеции. Они определены условно, так как сохранились не полностью. В целом же можно считать, что орудия геометрических форм в собранных материалах отсутствуют. Это обстоятельство имеет весьма важное значение при определении возраста ферганских стоянок.

На одной из стоянок найдена овальная буса из белого камня с отверстием у края, несколько напоминающая бусы кельтеминарских стоянок низовьев Зеравшана.

Таким образом, стоянки встречены в северной, северо-западной, северо-восточной и южной частях Каракалпакской степи, что свидетельствует о широком освоении центральной части Ферганы уже в каменном веке. Находки кусочков бронзы на двух стоянках, а главное, обнаружение в 1958 г. экспедицией Агрлесопроекта бронзового листовидного ножа катакомбного типа (хранится в Ферганском областном музее) позволяет высказать предположение о заселении некоторых районов Каракалпакской степи и в последующую эпоху бронзы.

Местоположение стоянок и характер инвентаря не оставляют сомнения, что в центральной части Ферганы открыты стоянки охотников и рыбаков, чья культура характеризуется пластинчатой микролитической техникой. Судя по набору каменных орудий, ферганские памятники относятся к кругу тех микролитических культур, для которых типично отсутствие орудий геометрических форм².

Место ферганских комплексов среди аналогичных памятников Средней Азии и датировка их может быть установлена с помощью сравнения находок с материалами лучше изученных памятников. Сравнительное изучение показало значительное отличие группы ферганских стоянок как от комплексов пещеры Джебел в юго-западной Туркмении и неолитического поселения Джейтун в южной Туркмении, так и от кельтеминарских памятников Приаралья и низовьев Зеравшана. Состав орудий, отсутствие изделий геометрических форм, миниатюрность всего комплекса орудий позволяют выделять ферганские памятники среди всех известных в Средней Азии как своеобразный вариант культуры с пластинчатой индустрией. Вместе с тем можно найти некоторые общие черты между ферганскими и кельтеминарскими стоянками, выразившиеся главным образом в одинаковой технике расщепления кремня. Отмечаемое сходство является относительным, так как в Фергане отсутствуют ведущие для кельтеминара типы орудий. Кроме того, условия местонахождения стоянок на берегу древних озер, характерная малочисленность находок на стоянке, преобладание пластинчатых

² А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР.— СА, 1959, № 2, стр.: В. Е. Ларичев. К вопросу о микролитическом характере неолитических культур Центральной Азии, Забайкалья и Дунбея.— Тр. Бурят. КНИИ СО АН СССР, т. 3, 1960.

орудий, почти полное отсутствие изделий геометрических форм — все это также сближает указанные памятники. Большое сходство наблюдается с материалами навеса Ак-Танги, расположенного недалеко от Ферганской долины, возле г. Шахристан в отрогах Туркестанского хребта. Здесь во время раскопок В. А. Ранова выявлено шесть культурных горизонтов с мелкими пластинками, близкими к тем, которые характерны для центрально-ферганского кремневого инвентаря. С этими материалами мне удалось познакомиться при посещении раскопок в Ак-Танге. Эти слои Ак-Танги датированы радиоуглеродной лабораторией ЛОИА VI — началом IV тысячелетия до н. э.

Из приведенного сравнения можно заключить, что ферганские стоянки скорее всего следует относить к эпохе раннего неолита, но не исключена возможность и более ранней — мезолитической даты. Только дальнейшее накопление материала и исследования помогут уточнить вопрос о месте ферганских комплексов среди памятников эпохи неолита на территории Средней Азии и соседних стран. В этой связи важное значение имеют новые открытия неолитических стоянок в Синьцзяне, которые также относятся к кругу микролитических культур³.

Таким образом, в Фергане выявлен новый очаг неолитической культуры Средней Азии.

В настоящее время центральная Фергана представляет безжизненную пустыню. Однако открытие стоянок дает основание считать, что некоторые районы ее в эпоху неолита были освоены первобытным человеком. Природные условия в то время, вероятно, были иными и благоприятствовали развитию здесь охотническо-рыболовческого хозяйства. Наряду со стоянками с микролитической индустрией в центральной части Ферганы, в предгорьях, и в частности на адырах южной Ферганы, обнаружены каменные орудия эпохи неолита совершенно иного облика. Эти орудия изготовлены из галек и сходны с изделиями гиссарской культуры горных районов Таджикистана. Сообщая об этих находках, В. А. Ранов высказал предположение об одновременном существовании обоих типов неолитических памятников в Фергане. Если в дальнейшем это заключение подтвердится, то можно будет говорить о развитии в Ферганской долине двух разного облика неолитических культур, относящихся к разным хозяйственно-культурным зонам — степной и горной⁴.

С открытием неолитических памятников начала заполняться одна из лакун в наших знаниях о развитии первобытной культуры Ферганы. Но разрыв между эпохой неолита и древнеземледельческой чустской культурой конца II — начала I тысячелетия до н. э. до сих пор не заполнен. И на важность поисков памятников именно этого периода хотелось бы обратить внимание археологов, изучающих прошлое Ферганы.

---

³ У ч ж э н. Неолитические стоянки в восточной части Синьцзяна.— Каогу, 1964, № 7 (на кит. яз.).

⁴ В. А. Р а н о в. Каменный век Таджикистана (автореферат канд. дисс.). Душанбе, 1963, стр. 32.

В. М. МАССОН

К ЭВОЛЮЦИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СТЕН
ОСЕДЛЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Остатки оседлоземледельческих поселений на Ближнем Востоке и в прилегающих районах представляют собой холмы различной величины (теллитепе), образовавшиеся из оплывших руин глинобитных строений. Остатки таких строений удавалось обнаружить и при раскопках самих холмов, они шли до самого края холма, если только это не были руины города классового общества, где на краю обнаруживались, да и то не во всех случаях, остатки мощной крепостной стены. Это породило мнение о том, что первобытные поселения не имели оборонительных стен и что край такого поселка в древности образовывали сомкнутые стены жилых домов¹. Однако новыми раскопками в южном Туркменистане на энеолитических поселках Геоксюрского оазиса IV тысячелетия до н. э. были открыты оборонительные стены из сырцового кирпича². Еще более массивными оказались аналогичные сооружения на поселении эпохи бронзы — Алтын-депе³. Глинобитная стена была открыта и на раннеземледельческом поселении южной Турции — Хаджиларе, в связи с чем производивший раскопки Д. Мелларт высказал мнение, что большинство архаических теллей Передней Азии, считавшихся неукрепленными, в действительности имело оборонительные стены⁴.

Оказалось, оборонительные стены не всегда можно обнаружить из-за спецификации теллей-тепе как археологических объектов. В данном случае мы не имеем в виду стены из бутового камня, которые и лучше сохраняются, и сравнительно легко обнаруживаются археологами, как это, например, имело место в неолитическом Иерихоне⁵, энеолите Мерсина⁶ или Михайловке⁷. Если поселение, располагавшееся на вершине тепе, было окружено глинобитной стеной, то оказывается, как правило, что ее остатки, во всяком случае в верхних слоях, почти полностью уничтожены в процессе естест-

¹ См., например, Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ в 1952 г. — ТЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 284. Эту точку зрения разделял одно время и автор настоящей статьи (см.: В. М. Массон. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. Там же, стр. 247).

² К. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. — ИАН СССР, серия обществ. наук, 1960, № 2, стр. 58—59. Разбор всех известных материалов см.: И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, стр. 80—85.

³ Раскопки А. Ф. Ганялина, Д. Д. Дурдыева и А. А. Марущенко в 1959—1960 гг. Материалы не опубликованы.

⁴ J. Mellaart. Excavations at Hacilar. Second Preliminary Report 1958.— AS, v. IX, 1959, стр. 52 и сл.

⁵ К. Копуон. Jericho and its Setting in Neas Eastern History.— Antiquity, 1956, № 120.

⁶ J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, рис. 79—80а.

⁷ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівске поселення. Київ, 1962, стр. 48—61.

венного оплыва склонов. В этом отношении особенно показательны раскопки Алтын-депа. Здесь довольно массивная оборонительная стена была обнаружена лишь в слоях Намазга IV, тогда как для верхних слоев памятника (комплекс Намазга V) она оказалась (в исследованных местах) полностью

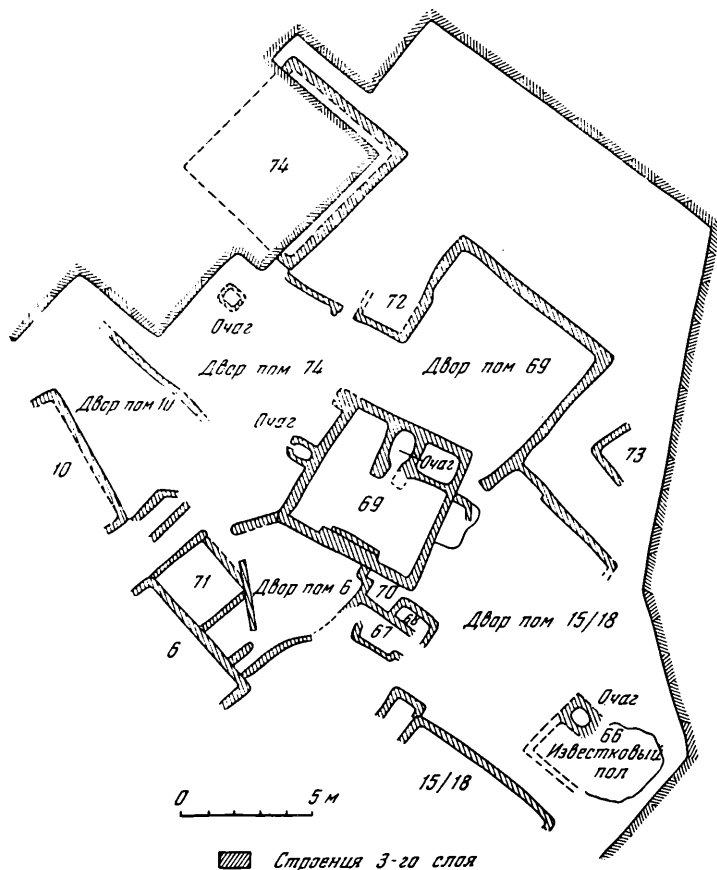

Рис. 13. План строений восточной части Джейтуна

уничтоженной временем. В связи с новыми данными и наблюдениями представилось особенно важным исследование с этой целью древнейшего из числа известных оседлоземледельческих поселений данного времени — Джейтуна (VI тысячелетие до н. э.). Поселение расположено в зоне первых гряд каракумских песков; в условиях сильной дефляции его окраинные части сильно разрушены. Поэтому, несмотря на значительные по объему работы, проведенные здесь⁸, вопрос о наличии или отсутствии ограды оставался открытым⁹.

Вместе с тем в сезон 1963 г. в ходе работ на памятнике удалось получить некоторые материалы для суждения по этому вопросу. Раскопочные работы были сосредоточены на восточной окраине Джейтуна, последнем не вскрытом участке этого поселения. Здесь был открыт ряд строений того второго горизонта Джейтуна, по которому идет вскрытие памятника (первый горизонт почти полностью уничтожен дефляцией). Застройка вскрытого участка повторяет основные принципы застройки Джейтуна, хотя отличается от планировки центра меньшей скученностью (рис. 13). Здесь, в ча-

⁸ В. М. Массон. Джейтунская культура. — ТЮТАКЭ, т. X, 1960; Он же. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-тепе. — СА, 1962, № 3.

⁹ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 27.

стности, расположены три двора, тяготеющие к ранее раскопанным жилым домам. Таков прежде всего двор помещения № 10, огражденный с востока узкой стеной и заполненный зольно-песчаными слоями с небольшой примесью строительных материалов. Далее следует двор помещения № 6, в котором на раннем этапе существовало хозяйственное строение — помещение № 71. Двор заполнен рыхлыми песчаными слоями с включением обломков строительных материалов. В южной части двора преобладают слои рыхлой коричневой земли, весьма характерной для джейтунских дворов. Наконец, третий двор расположен к востоку от жилого дома, к которому он тяготеет (помещения № 15/18). Он отличается значительными размерами (до 10 м в длину), с юга огражден плохо сохранившимся жилым домом — помещением 66. Двор заполнен уплотненными зольно-песчаными слоями с редкими включениями рыхлой коричневой земли.

Жилых домов на восточной окраине Джейтуна оказалось мало — всего три. Один из них — плохо сохранившееся помещение № 66 — с очагом у северной стены был упомянут выше. Лучше сохранилось помещение № 69. Это обычный для Джейтуна подквадратный в плане жилой дом с очагом у восточной стены. Белый известковый пол имеет следы сероватой окраски (посыпка золой). На западной стене дома расположен выступ, который за время существования дома был отремонтирован и утолщен на 20 см. Двор жилого дома расположен к востоку от него и огражден с трех сторон стеной. Значительно хуже сохранился третий жилой дом — помещение № 74, раскопки которого были завершены в 1964 г. Очаг его располагался у северной стены, пол сохранил следы посыпки золой. Двор этого дома довольно обширный по размерам и отличается от всех джейтунских дворов наличием двух очагов — одного, пристроенного к помещению № 69, и другого, расположенного посредине двора.

Таким образом, в 1963 г. в процессе раскопок удалось выйти на окраину поселения. К востоку от стен двора помещения № 69 какие-либо строения отсутствовали и вообще характер слоев резко изменился. Здесь преобладает коричневатый песок, лишенный примесей строительного материала, что указывает на отсутствие в древности в этом районе глинобитных сооружений. Судя по всему, на восточной окраине Джейтуна находился значительный незастроенный участок того песчаного бугра, на котором располагалось поселение. Таким образом, это единственное место на Джейтуне, где сохранился древний край застроенного поселка второго слоя: в остальных местах данный край уничтожен дефляцией (на юге см., например, помещение № 66). Вместе с тем оказалось, что здесь нет и оборонительной стены, забора. Однако стена выходящего сюда двора помещения № 69 оказалась необычной толщины — 50—60 см, тогда как на Джейтуне преобладают даже в жилых домах стены 25—30 см толщины. Очевидно, в исследованном районе древний край поселения замыкали утолщенные стены жилых и хозяйственных строений.

Для получения дополнительных материалов по этому вопросу в 1963 г. был осуществлен разрез северного края джейтунского поселка. Раскопки, проведенные здесь в 1958 г., установили, что постройки II слоя выклиниваются, разрушенные дефляцией, и составить представление о былом крае поселения невозможно. Вместе с тем оказалось, что внешние стены строений слоя III и слоя IV сохранились (рис. 14). При этом стена, отмеченная в слое III, имеет двойную для Джейтуна толщину 45 см, в то время как внутренняя стена того же строения вдвое тоньше. Можно было бы предполагать, что эта стена принадлежит глинобитному забору, ограждавшему Джейтун с севера. Однако проведенные раскопки вскоре достигли ее поворота внутрь поселения, установив, что перед нами внешний фас обычного по размерам жилого дома. Таким образом, и на северной окраине Джейтуна в слое III, как и на восточной окраине в слое II, внешнюю границу поселка образовывали утолщенные стены обычных строений.

При осуществлении описанного разреза была отмечена интересная деталь для слоя IV — наиболее древнего на этом участке. Так как в эту пору строения приходилось возводить прямо на поверхности бархана, а не на забутованных руинах более древних строений, была сделана специальная глинобитная подушка. Она играла роль фундамента для стен первых строений и спускалась по склону холма на расстояние свыше 1 м, предупреждая возможность выдувания песка непосредственно из-под стен домов.

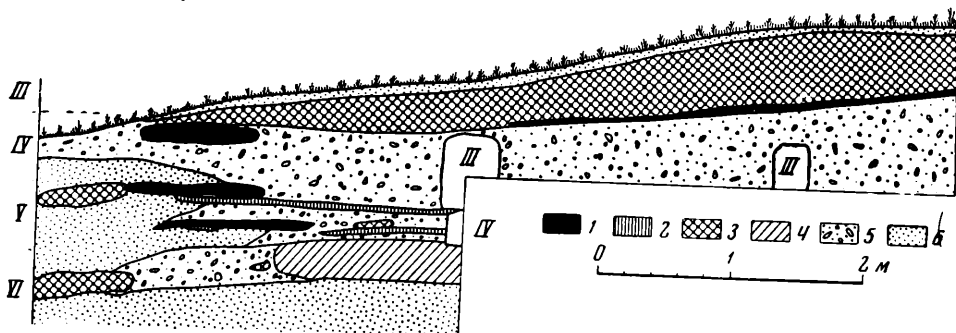

Рис. 14. Разрез северного склона Джейтуна

Условные обозначения: 1 — зольно-песчаные слои; 2 — глинобитные обмазки пола; 3 — отвалы строительных остатков; 4 — глинобитная вымостка; 5 — песок с обломками костей и мусора; 6 — барханский песок

Таковы имеющиеся материалы по вопросу о характере внешнего края джейтунского поселения. Необходимо отметить, что в настоящее время накоплен значительный материал об оборонительных сооружениях, обнаруженных на первобытных поселениях, что может быть темой специальной работы. При этом необходимо иметь в виду, что на разных этапах первобытнообщинного строя общественная значимость таких построек и соответственно их техническое решение будут различными. Ниже мы кратко остановимся на сооружениях этого типа, открытых в Средней Азии и на Ближнем Востоке.

Раннее появление оборонительных стен бесспорно и не должно вызывать особого удивления с точки зрения истории общества. Следует отметить, что широко распространенное мнение о том, что появление стен, ровов и укрепленных валов имеет место лишь на позднем этапе разложения первобытного строя и его перехода в раннеклассовое общество, основано, видимо, на неточном понимании высказываний Ф. Энгельса по этому вопросу. В его книге о происхождении семьи, частной собственности и государства имеется следующее часто цитируемое место: «Недаром высяты грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»¹⁰. И ранее в той же работе: «Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубчатыми парапетами каменные или кирпичные дома, сделался сосредоточием племени или союза племен,— показатель огромного прогресса в строительном искусстве, но вместе с тем и признак увеличившейся опасности и потребности в защите»¹¹. Бесспорно, что здесь речь идет о периоде интенсивного разложения первобытного строя (высшая ступень варварства по схеме Моргана — Энгельса), но также ясно и то, что здесь имеется в виду довольно высокая ступень фортификационного искусства, с которой отнюдь не следует сопоставлять защитные валы, частоколы и небольшие стены, находимые на многих первобытных поселениях, служившие для защиты от нападения живот-

¹⁰ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 164.

¹¹ Там же, стр. 163.

ных. Возможно, именно таково назначение стены из каменных глыб, сохранившейся в длину на 8,5 м и ограждавшей вход в палестинскую пещеру Эль-Вад в пору мезолита¹². С течением времени в действие вступают и другие факторы. Плотность населения возрастает вместе с его численностью и учащаются встречи отдельных коллективов. В первобытном обществе всякий не член данного рода или племени был потенциальным врагом. На это обратил внимание уже Л. Морган, писавший, что размножение племен было источником постоянных междоусобиц, которые он характеризовал как «состояние непрерывных военных действий»¹³. Переходом к прочной оседлости, вероятно, следует объяснять появление стен Иерихона (VII—VI тысячелетия до н. э.) или Хаджилара (вторая половина VI — начало V тысячелетия до н. э.). Отнюдь не следует преувеличивать значение и размеры этих сооружений. Стена Иерихона из бутового камня имеет толщину немногим более 1,5 м, а стена Хаджилара, возведенная из сырцового кирпича, достигает двухметровой толщины. Она сохранилась (в слое Хаджилар II) высотой также в 2 м, и едва ли в древности эта цифра была существенно превзойдена. Появление этих стен на раннеземледельческих поселках Восточного Средиземноморья следует связывать с большой плотностью населения в этих краях, причем населения, видимо, разноплеменного состава и находящегося в движении¹⁴. Вероятно, не случайно на том же Хаджиларе и на другом малоазиатском памятнике Чатал-Гуюке мы встречаем следы огромных пожаров (например, в слоях Хаджилар VI и II¹⁵ и Чатал-Гуюк VI и VII¹⁶). Вместе с тем на среднеазиатском Джейтуне, как мы видели, не отмечено преувеличенного внимания к обороне поселка. Нет следов специальной обводной стены и на небольшом позднейшегитунском поселке Чагаллы-депе¹⁷, и на раннеэнеолитическом Дашлыджи-депе¹⁸, также находящемся в южной Туркмении. Разумеется, нельзя полностью исключать возможности обнаружения таких построек в ходе раскопок новых памятников. Вместе с тем возможно, что обитатели джейтунских поселков принадлежали к одному племени или к замкнутой небольшой группе племен и не нуждались в усиленных мерах защиты. Это положение меняется с ростом численности населения и происходящим в пору энеолита разделением на две локальные общности, вероятно, соответствующие территориям двух племенных союзов. Небольшие поселения Геоксюрского оазиса в IV тысячелетии до н. э. обносятся стенами из сырцового кирпича. Само понятие стены в данном случае несколько условно, скорее это просто ограды или заборы-дувалы толщиной в 50—60 см. Но тем не менее их наличие весьма примечательно. Оборонительные сооружения обнаружены и на оседлоземледельческих поселениях III тысячелетия до н. э. в Закавказье¹⁹. Стена толщиной в 2 м, сложенная из сырцового кирпича, окружала по внешнему краю поселение II тысячелетия до н. э. Узерлик-тепе в Азербайджане²⁰. На крупных поселениях эпохи бронзы в Средней Азии появля-

¹² D. Garrod, D. Bate. The Stone Age of Mount Carmel. Oxford, 1937, стр. 13. Д. Гаррод, правда, предпочитает придавать этой стене какое-то культовое значение, что не вполне обосновано.

¹³ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1935, стр. 65, 72.

¹⁴ См. например, о халафском движении из северной Месопотамии в сторону Сирии: В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 405—408.

¹⁵ J. Mellaart. Excavations at Hacilar, Third Preliminary Report, 1959.— AS, v. X, 1960, стр. 86.

¹⁶ J. Mellaart. Excavations at Catal Hüyük 1963.— AS, v. XIV, 1962, стр. 39.

¹⁷ О. К. Бердыев. Чагаллы-депе.— ИАН ТССР, серия обществ. наук, 1964, № 1. Радиокarbonная дата этого памятника 5036 г. до н. э. ± 110.

¹⁸ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы южного Туркменистана.— ТЮТАКЭ, т. X, 1960.

¹⁹ К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение южного Кавказа в III тысячелетии до н. э.— СА, 1963, № 3, стр. 16.

²⁰ К. Х. Кушнарева. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе, около Агдама.— МИА, № 67, 1959.

ются оборонительные сооружения более солидные, чем дувалы геоксюрских поселений. Мы имеем в виду Алтын-депе, где в слоях позднего Намазга IV (приблизительно вторая половина III тысячелетия до н. э.) были обнаружены остатки оборонительной стены²¹. Она шла по краю поселения и неоднократно надстраивалась, видимо, по мере накопления культурных слоев. Толщина стены, возведенной из сырцового кирпича, — от 2 до 4 м. Также варьирует ее направление: на вскрытом участке длиной около 100 м она образована как бы сочетанием отрезков стены, идущих под разными углами. Возможно, это связано с тем, что отдельные участки ее следовали направлению примыкающих домов, существовавших уже до постройки стены. В одном месте предположительно усматривается сооружение вроде башни. Перед нами, бесспорно, начальные этапы становления разработанных фортификационных систем, которые затем станут необходимым атрибутом классовых обществ. Весьма примитивны оборонительная стена Чуста²² и вал Дальверзина²³ — оседлоземледельческих поселений Ферганы конца II — первой трети I тысячелетия до н. э.

Лишь на грани первобытного и раннеклассового обществ складывается фортификационная система крепостных укреплений с регулярно расположенными башнями, сложными предвратными сооружениями. Что их сооружению придавалось огромное значение, подчеркивает тот факт, что легенды приписывают участие в этих работах богам и обожествленным героям. Так, стены Трои были возведены Аполлоном и Посейдоном, а стены Урука — Гильгамешом. В другом шумерском городе — Лагаше — постройка одних ворот также приписывалась Гильгамешу, которые так и назывались «ворота, построенные Гильгамешом»²⁴, и, видимо, были довольно сложным сооружением. В Средней Азии этот этап исторического развития приходится на первую треть I тысячелетия до н. э., но крепостные стены этого времени пока неизвестны. Крупный центр Парфии этого времени — Елькен-депе был как будто окружен валами²⁵, а на маргианском Яз-Депе, имевшем даже мощную цитадель, сами стены в исследованных участках не сохранились²⁶. Термины, которые можно было бы применить к этим поселениям протогородского типа, кстати, отсутствуют и в Авсете, что, на наш взгляд, свидетельствует о более раннем происхождении связанной с поселениями терминологии, сохранившейся в этом памятнике. В. А. Лившиц даже считает, что в Авесте вообще нет упоминаний об укрепленных поселениях²⁷. Лишь на хорезмийском городище Кюзели-Гыр, относящемся уже к ахеменидскому времени, известна крепостная стена, фланкированная башнями, располагавшимися через равные промежутки в 32—36 м²⁸.

Таким образом, можно видеть, что оборонительные сооружения городов и поселений имеют длительную историю, уходя далеко вглубь, в эпоху первобытного строя, постепенно эволюционируя от утолщенных стен домов и заборов, как это характерно для Джейтуна, до сложных фортификационных систем. Изучение этапов этой эволюции в их соответствии с историей общества представляет бесспорный интерес.

²¹ См. выше прим. 3. Предлагаемая характеристика основана на личном осмотре раскопок.

²² В. И. Спришевский. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г. — ИАИ УзССР, 1958, № 6.

²³ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118, 1962, стр. 17—20.

²⁴ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего двуречья. В кн.: Шумер. М., 1959, стр. 168.

²⁵ А. А. Марущенко. Елькен-депе. — ТИИАЭ АН Туркменской ССР, т. V, 1959, стр. 62—63.

²⁶ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура. Маргианы. — МИА, № 73, 1959, стр. 73—74.

²⁷ История таджикского народа, т. I. М., 1963, стр. 145.

²⁸ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. — ТХЭ, т. II. М., 1958, стр. 144.

И. Н. ХЛОПИН

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ ГЕОКСЮРСКИЙ КРЕСТ

(К вопросу об ирано-месопотамском влиянии в юго-восточной Туркмении)

В 1956—1962 гг. в Геоксюрском оазисе Каракумским отрядом ЛОИА АН СССР были проведены большие комплексные работы по изучению истории и культуры компактной группы из девяти энеолитических поселений. Последний период в истории этой группы поселений назван геоксюрским, поскольку определяющей является своеобразная орнаментация керамики из верхних слоев поселений Геоксюр¹ и Чонг-депе. Одно из основных мест занимает мотив равноконечного креста, изображенного в большом количестве вариантов. Этот орнамент настолько своеобразен, что неоднократно привлекал внимание исследователей. Возникшие точки зрения сводились к тому, что он происходит из северной Месопотамии, где его прототип был встречен на чашах Самарры хассунского времени (V тысячелетие до н. э.), а затем распространяется по значительной территории Ирана, вплоть до южной Туркмении. Появление его в Геоксюрском оазисе на рубеже периодов Намазга II и Намазга III (начало позднего энеолита) объяснялось инфильтрацией групп чужеродных людей. Этим же объяснялось появление обряда захоронения покойников в коллективных погребальных камерах, а также ряда новых черт в манере изображения мелкой терракотовой скульптуры².

Прежде чем перейти к объекту нашего исследования, напомним, что в предшествующем культурно-историческом периоде, ялангачском, отмечено появление своеобразных геометрических узоров, которые в течение долгого времени рассматривались как влияние убейдской культуры северной Месопотамии³. При более углубленном изучении этой группы орнаментальных мотивов оказалось, что они возникли на местной основе и являются монохромным выполнением полихромных узоров, распространенных в ту пору на поселениях подгорной полосы Копет-Дага⁴. Однако следует отметить, что среди псевдоубейдской орнаментации мотив креста пока не обнаружен.

¹ В. И. Сарияниди. Энеолитическое поселение Геоксюр.— ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961.

² И. Н. Хлопин. Изображение креста в древнеземледельческих культурах южной Туркмении.— КСИА, вып. 91, 1962, стр. 17—18; Он же. Племена раннего энеолита южной Туркмении. Л., 1962, стр. 7—8; В. И. Сарияниди. Земледельческие племена юго-восточной Туркмении. М., 1963, стр. 7; В. М. Массон. Древнейшее прошлое Средней Азии. Л., 1962, стр. 24; Он же. Средняя Азия и Иран в III тысячелетии до н. э.— КСИА, вып. 93, 1963, стр. 19—22; Он же. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 430—434.

³ В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры.— КСИА, вып. 91, 1962, стр. 3.

⁴ И. Н. Хлопин. Псевдоубейдская орнаментация керамики в южной Туркмении.— КСИА, вып. 101, 1964, стр. 38—43.

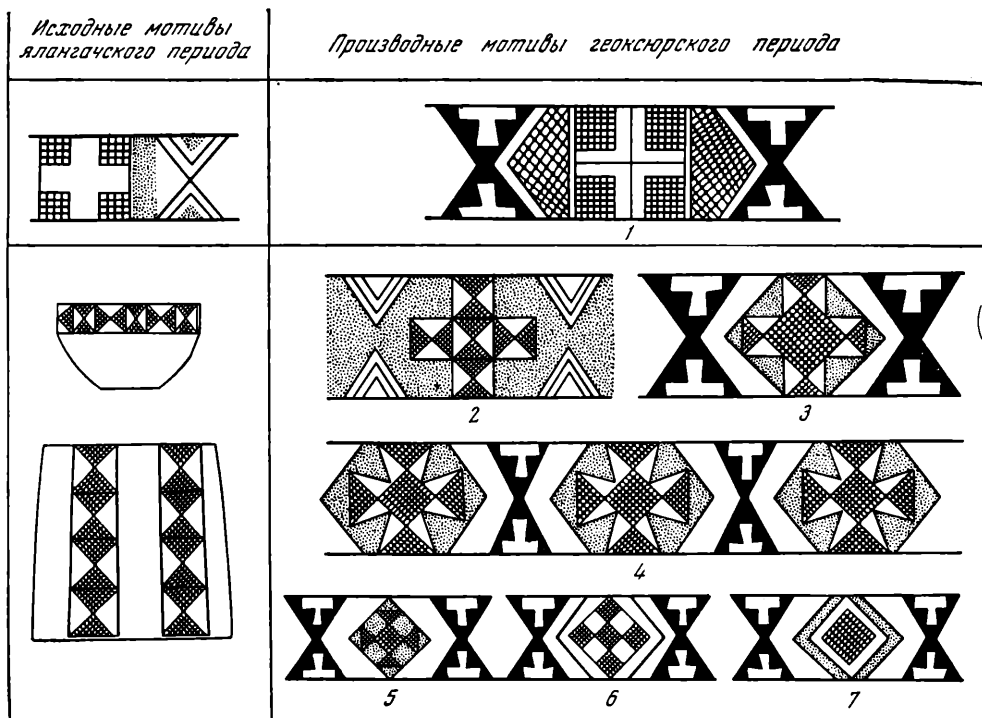

Рис. 15. Эволюция изображения креста на керамике

Теперь обратимся к рисунку креста геоксюрского периода. Как уже указывалось, данное изображение известно во многих вариантах, начиная с раннегеоксюрского времени. Один рисунок раннего креста (рис. 15, 1), хотя и занимает всю ширину фриза, по своему выполнению отличается от более поздних. Этому типу креста в отличие от других соответствует керамическая орнаментация типа Намазга II, и поэтому, как и многие другие мотивы некрестового орнамента, именно этот рисунок, видимо, следует считать возникшим под непосредственным воздействием полихромной орнаментации типа Намазга II.

На одной из чаш геоксюрского времени было встречено изображение равноконечного креста с оригинальным заполнением его внутренней поверхности (рис. 15, 2). Это — пять пар треугольников, сомкнуты вершинами, расположенных определенным образом. Горизонтальная поперечина креста содержит три таких фигуры, которые чередуются: в центре треугольники соединены в виде песочных часов, по бокам — в виде бабочки. На вертикальной поперечине эти же фигуры расположены друг над другом. У каждой из полос, взятой в отдельности, есть отчетливые прототипы в так называемой псевдубейдской орнаментации керамики ялангачского времени. Горизонтальная полоса представляет собой не что иное, как отрезок фриза, встреченного на чашах и сферических сосудах с отогнутым венчиком. Вертикальная полоса как бы целиком взята с баночного сосуда той же группы керамики. Каждая из них по отдельности может быть выведена в свою очередь из полихромной орнаментации типа Намазга II⁵. Вот от этого-то рисунка креста, видимо, и происходят все остальные варианты исследуемого изображения.

Действительно, крест на рис. 15, 3 построен по той же схеме, но вместо того, чтобы в центральном квадрате оставить незаполненными два треугольника, его заштриховали целиком. Нетрудно заметить, что середина креста

⁵ И. Н. Хлопин. Псевдубейдская орнаментация..., рис. 2, 16, 26.

стала вследствие этого непропорционально большой по сравнению с маленькими треугольниками в его лучах. Это получилось потому, что сторона центрального квадрата оказалась вдвое длиннее боковых сторон равнобедренных треугольников. В первом варианте это было не так заметно из-за общей дробности рисунка.

Положение было значительно исправлено в следующем варианте рассматриваемого изображения (рис. 15, 4). Оно стало более правильным и пропорциональным благодаря сокращению сторон центрального квадрата вдвое. В связи с нарушением первоначальных пропорций изменилась общая конфигурация креста — у него расширились лучи и он приобрел очертания «мальтийского» креста. Картуш или рамка, в которую он заключен во фризе, осталась прежней по выполнению, но в связи с сокращением размеров центрального ромба стала более изящной. Найденная пропорция составляющих крест элементов оказалась наиболее удачной и в смысле построения фигуры, и в смысле ее зрительного восприятия; очевидно, этим объясняется то, что именно такой рисунок креста встречается значительно чаще других.

Согласно законам развития орнамента, со временем происходит измельчение и дробление крестовидного орнамента. Крест уже не занимает всей высоты фриза, как прежде. Его помещают в ромбические просветы между пересекающимися лентами или между противостоящими вершинами треугольников с полукрестовым просветом. Однако крест по-прежнему заключают в красную рамку, причем если картуш первоначально имел форму шестиугольника, то теперь он превращается в ромб (рис. 15, 5). Отсюда уже совсем недалеко до шахматной доски (рис. 15, 6), целиком заполненного сеткой ромба (рис. 15, 7) и даже до обыкновенного мальтийского креста с закрашенной серединой.

Таким образом, мы постарались показать, что все варианты рисунка креста на керамике геоксюрского периода могут быть выведены из более ранних узоров на местной южнотуркменистанской энеолитической керамике. Это снимает, с нашей точки зрения, один из аргументов в пользу проникновения в эти места каких-то влияний с территории северной Месопотамии через центральный Иран.

Как известно, из всех девяти поселений оазиса к геоксюрскому периоду относятся лишь два. Сокращение числа поселений объясняется надвигающимся на жителей стихийным бедствием — постепенным высыханием оазиса, вызванным миграцией древнетедженской дельты⁶. В связи с этим сокращалось не только количество населенных пунктов, но также и реальная численность населения оазиса. Возникает вопрос, был ли смысл селиться в этих местах новому населению, даже если оно сюда и пришло в действительности?

В начале геоксюрского периода совершенно меняется облик поселений оазиса. На смену однокомнатным домам ялангачского периода приходят многокомнатные. Это было связано, надо полагать, с определенными изменениями в общественных отношениях живших там людей; скорее всего начало геоксюрского периода может быть одновременно становлению патриархальных отношений в роде. Для закрепления в сознании людей происшедших изменений членов семей, составляющих род, и после смерти стремились оставлять вместе. Поэтому мы наблюдаем изменение обряда погребения — члены каждой семьи последовательно погребаются в специальных гробницах из сырцового кирпича. Все это заставляет нас усомниться в необходимости поисков прародины народа с толосами за пределами южной Туркмении. Скорее всего в них погребались внуки и правнуки тех, кто в ялангачское время населял однокомнатные дома.

Выше мы постарались показать, почему в геоксюрском периоде в оазисе не происходило инфильтрации чужеродного населения. Если это действи-

⁶ Г. Н. Лисицына. Древние земледельцы в дельте Теджена.— Природа, 1963, № 10, стр. 100—102.

тельно было так, что у его жителей вряд ли возникала потребность заимствовать извне чуждую им иконографию предметов своего поклонения. Скорее всего, надо полагать, что в Геоксюрском оазисе представлена непрерывная линия развития местной терракотовой скульптуры. Отмечаемое в некоторых деталях ее сходство с подобными предметами из южной Месопотамии и Элама может быть объяснено их конвергентным развитием.

Таким образом, в период существования Геоксюрского оазиса территория юго-восточной Туркении не подвергалась с нашей точки зрения, крупным вторжениям. Традиционные контакты связывали ее с жителями поселений подгорной полосы Копет-Дага.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. ЛЮБИН

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ ГРОТА ШАУ-ЛЕГЕТ

(Северная Осетия)

Шау-Легет (Черный грот) обнаружен палеолитическим отрядом Северокавказской экспедиции Института археологии АН СССР в 1959 г.¹ Грот находится в урочище Фаскау, на левой стороне Куртатинского ущелья (верхнее течение р. Фиаг-Дон), в 1,5 км к северо-западу от сел. Дзивгис, в основании известнякового массива Кариу-Хох (южная сторона Скалистого хребта).

Полость грота возникла в толще трещиноватых верхнеюрских известняков в результате выветривания и карстовых процессов. Очертание полости близко напоминает треугольник, в вершине которого изливался древний водоток, а широкое основание являлось входным отверстием (рис. 16, 1). Максимальная ширина этого отверстия — около 4 м. Глубина полости (от линии нависания карниза до вершины треугольника) 7—8 м. Максимальная высота свода 4—5 м. Полость грота можно разделить на две почти равные по своей длине части: внутреннюю, суженную, наклонную, имеющую скальное дно (к вершине треугольника эта скальная ступенька повышается до 1,5 м), и устьевую, расширенную, имеющую ровный земляной пол.

Площадка перед входом в Шау-Легет обрамлена каменной оградой (сухая кладка) высотой до 1 м. Ширина огороженной площадки или двора (от линии нависания карниза до кладки) достигает 1,5—2 м, длина — около 6 м. Площадь, которая представляет интерес в раскопном отношении (устьевая часть грота и дворик), таким образом, не велика — 20 м². Небольшие раскопы, поставленные в 1959 и 1961 гг., вскрыли всю площадь устьевой части грота (рис. 16, 1) и обнаружили всю свиту пещерных отложений вплоть до скального дна мощностью свыше 3 м.

Поперечный разрез (рис. 16, 2) зафиксировал следующие 11 слоев (сверху вниз):

Слой 1. Гумусный слой с небольшими блоками известняка (0,3—0,4 м).

Слои 2—10, 13². Единая толща известняковой супеси с большим или меньшим количеством щебенки (в слоях 3—7 ее меньше) и органических остатков³ (2,6—2,8 м).

В слое 1 найдены обломки костей мелкого рогатого скота (свыше 180), фрагменты каменного оселка и глиняной курительной трубки. Слои 3, 5, 7

¹ Начальник экспедиции — Е. И. Крупнов. Отряд работал совместно с Североосетинским республиканским музеем краеведения.

² Слои 11 и 12, прослеженные на другом разрезе (продольном — F—Q—Z), здесь отсутствуют.

³ Подробное описание разреза см.: В. П. Любин. Новые данные о мезолите горного Кавказа (Осетия). — МИА, № 126, 1965.

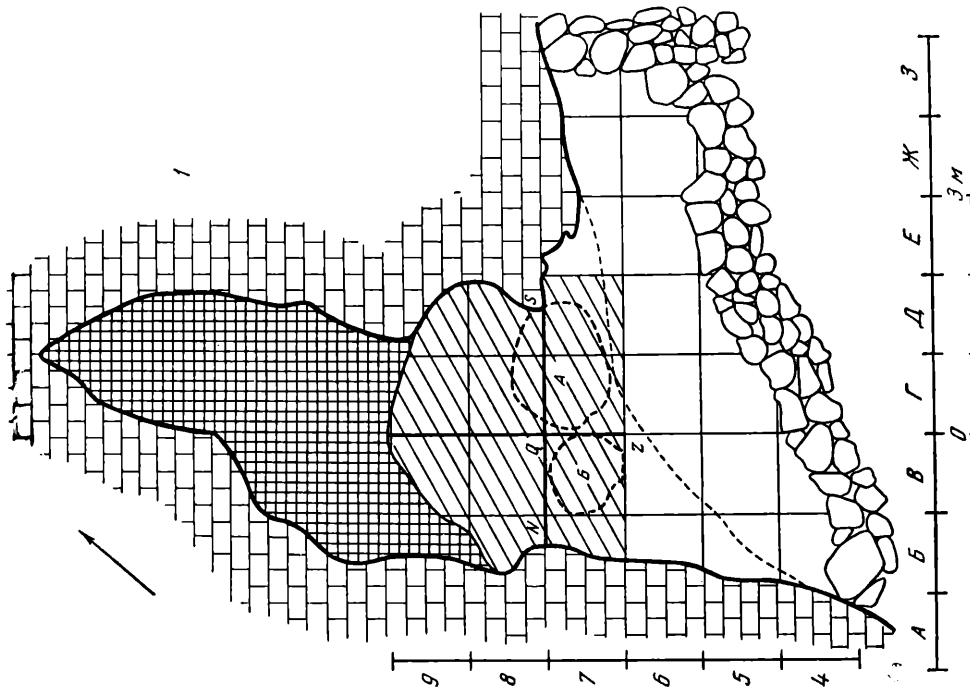
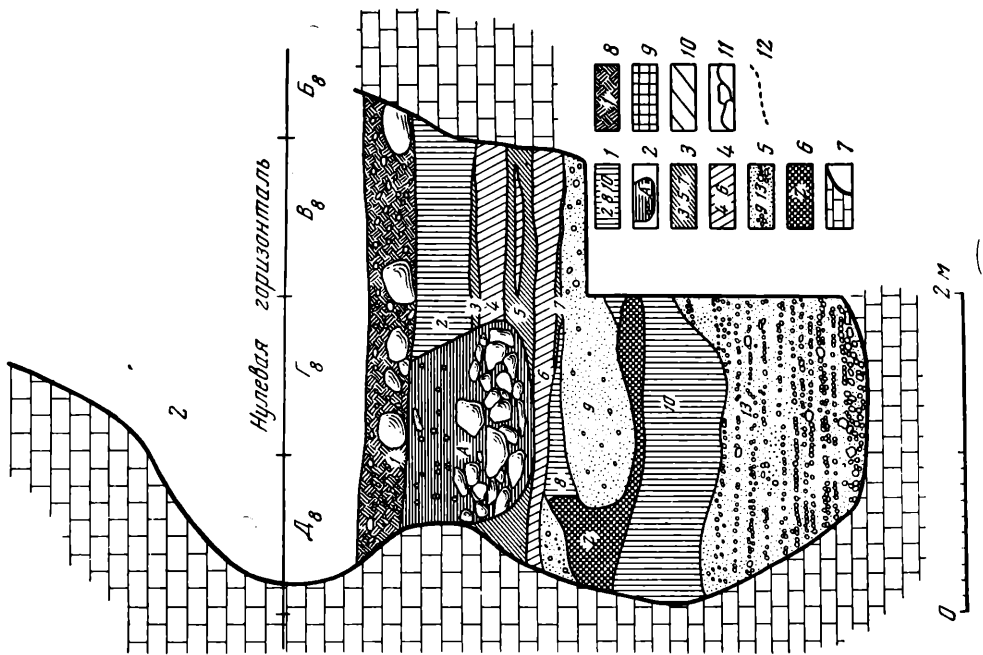

Рис. 16. Грот Шю-Легет: 1 — план; 2 — поперечный разрез по линии N—Q—S

Условные обозначения: 1, 4, 5 — слои известняковой сулсы и щебня; 2 — впускная яма А; 3 — культурные слои эпохи мезолита — конца верхнего плейстоцита; 6 — норы грызуна; 7 — скальная; 8 — гумусный слой; 9 — скальная сулсыя; 10 — раскоп; 11 — ограда «дворика»; 12 — линия нависающа карниза

содержали культурные остатки эпохи мезолита — конца верхнего палеолита. Остальные слои стерильны.

В устьевой части грота обнаружены две впускные ямы энеолитической эпохи *А* и *Б* (рис. 16, 1), которые, судя по разрезу (рис. 16, 2), были впущены в толщу известковистой супеси в тот период, когда образование последней закончилось, а отложение слоя 1 еще не начиналось.

Впускная яма *А* (см. план и разрез на рис. 16, 1, 2). Размеры: глубина 0,82—0,85 м (между 0,75 и 1,57 м от нулевой горизонтали), наибольший диаметр 1,2 м. Границы (с востока — стена пещеры, с остальных сторон — белесая толща супеси) прослежены хорошо. По всей окружности (кроме пристенного участка) имеет подбой величиной в 0,15—0,25 м.

Заполнение ямы — темная, местами очень зольная, углистая земля, переполненная обломками известняка и культурными остатками (фрагменты керамики, обломки зернотерки, кремневые нуклеусы и др.), резко контрастирует с толщей супеси, в которую она впущена. Заполнение разбиралось четырьмя горизонтами.

В нижней части горизонта 1 и на дне ямы (горизонт 4) обнаружены два зольных пятна (остатки кострищ?). Горизонт 3 был забит беспорядочным навалом обломков известняка, которые проникали также в нижнюю часть горизонта 2 и верхнюю часть горизонта 4.

Во всех четырех горизонтах встречались обломки костей. Они были определены А. В. Таттар. В представленном ею перечне указаны: овца, коза, крупные копытные (корова, олень), снежная полевка (?), рыба. Кроме того, 104 обломка костей принадлежат мелкому рогатому скоту.

К е р а м и к а. В пределах всех четырех горизонтов встречен 171 обломок от восьми — десяти глиняных сосудов и свыше 30 обломков, принадлежащих очажным подставкам.

Лишь из восьми более крупных и достаточно хорошо сохранившихся кусков удалось восстановить первоначальный облик двух подставок: одной целой и одной неполной. Подставка, реставрированная полностью, имеет вид массивного прямоугольного «кирпича» с четырьмя роговидными выступами по углам и глубокой округлой в плане выемкой в центре верхней поверхности; над выемкой перекинута по дуге массивная овальная в сечении ручка (рис. 17, 9). Встречены куски от подставки аналогичной формы.

Два других фрагмента, очевидно, относятся к одной крупной подковообразной (?) подставке, образуемой массивным, квадратным в сечении (9 × 9 см) и выгнутым по дуге (с наружным диаметром около 60 см) керамическим брусом (рис. 17, 5). Полный облик подставки такого типа трудно воссоздать.

Заслуживает упоминания собранная из четырех обломков маленькая подставка в форме усеченного конуса (высотой в 7 см и диаметром основания, равным 6,5 см); в средней части высоты ее — ручка (рис. 17, 4). Ручка сделана в виде выступа, в котором потом пальцами продавлено отверстие. Своей моделировкой она в какой-то мере напоминает полушарные ручки закавказских сосудов эпохи ранней бронзы.

Сходство с закавказскими типами можно распространить и на всю группу обломков глиняных сосудов Шау-Лебет. Сосуды сделаны от руки. Подавляющее большинство черепков, в том числе и образцы толстостенных (толщина стенок достигала 1—1,2 см) крупных сосудов, имеет светло-желтый, оранжевый цвет и такое же светлое покрытие (ангоб). Поверхность сосудов, как правило, нелощеная; лишь отдельные, очевидно, лучше сохранившиеся или более тщательно отделанные сосуды выделяются сравнительно гладкой поверхностью. Остальная часть обломков сосудов имеет светло-бурый и серый цвет; часть из них — шероховатую поверхность. Несколько десятков обломков сохранили следы закопченности с наружной поверхности, реже — с внутренней.

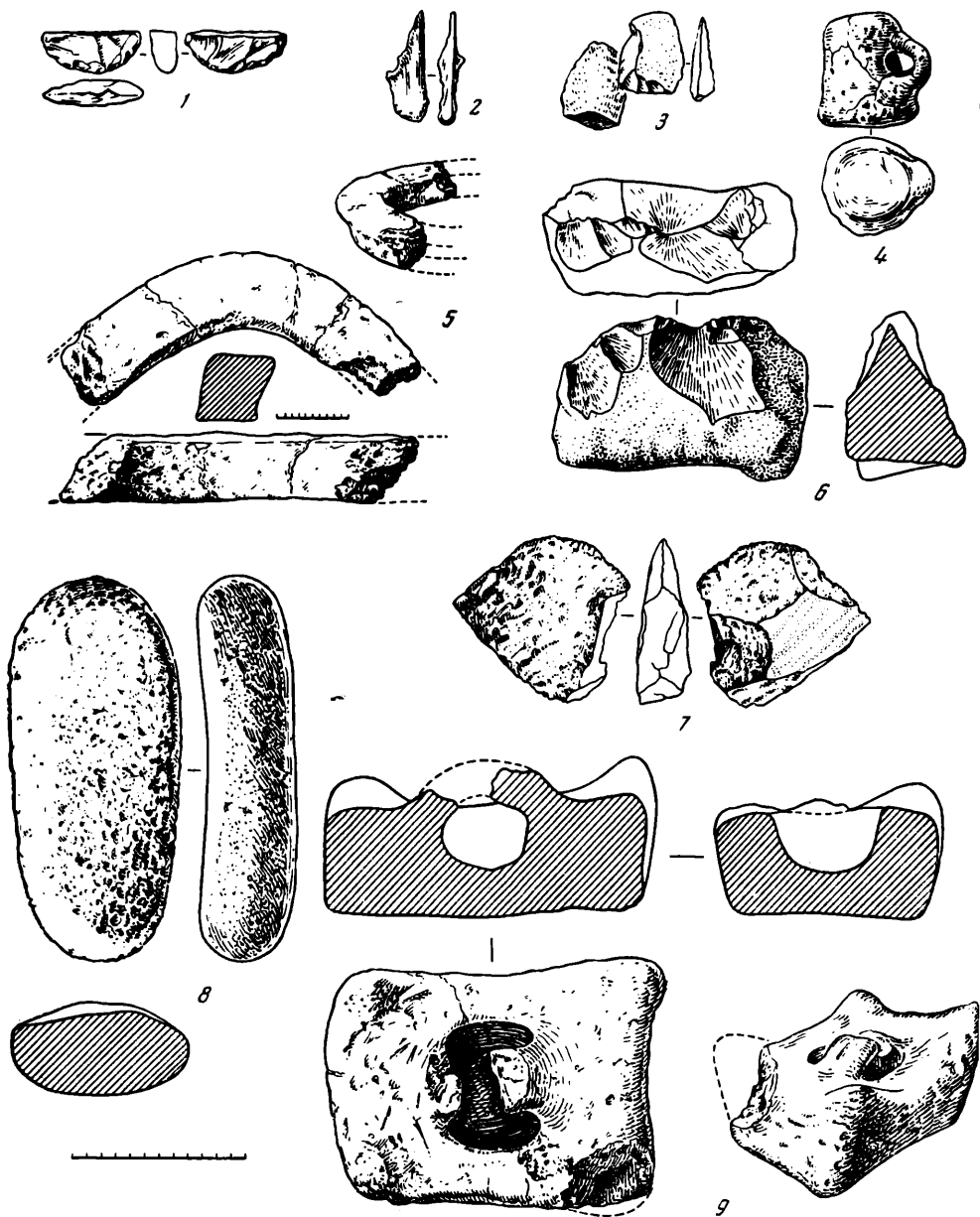

Рис. 17. Грот Шау-Легет. Находки из энеолитической впускной ямы А
 1 — обломок двусторонне обработанного орудия; 2 — костяное шило; 3, 7 — кремневые отщепы; 4 — керамический предмет; 5 — обломок «подковообразной» подставки; 6 — нуклеус; 8 — зернотерка; 9 — керамическая подставка

Наряду с фрагментами толстостенных сосудов встречены обломки небольших хорошо вылепленных сосудов с толщиной стенок 0,4—0,5 см. В составе коллекции 20 обломков венчиков (слегка отогнутых), два обломка доннышек (плоских) и шесть фрагментов, имеющих характерный для сосудов культуры куро-аракского энеолита плечевой уступ. Сосуды, которые удалось склеить, имели широкое горло и округлое тулово. По сравнению с энеолитическими, закавказскими сосудами, глиняные сосуды Шау-Легет своеобразны, в них отсутствует четкая моделировка формы, зеркальное лощение, чернение поверхности, орнамент.

Каменные поделки. Каменные поделки немногочисленны — всего 13 предметов. В их числе три зернотерки (крупные продолговатые речные валуны с сильной сработанностью рабочих поверхностей), два экземпляра — в обломках, третий, целый, изображен на рис. 17, 8, крупный валунаковальня (на одной из уплощенных сторон — многочисленные точечные выбоины), отбойник, валун-нуклеус (рис. 17, 6), фрагмент желто-кремневого двустороннеобработанного орудья (рис. 17, 1) и несколько грубых крупных отщепов (образцы см. на рис. 17, 3, 7).

Впускная яма Б (рис. 16, 1).

Отличается небольшими размерами (глубина 0,15—0,20 м, диаметр 1 м) и скудными находками; в ней обнаружены: каменный отщеп, около десятка мелких маловыразительных фрагментов керамики и несколько определимых обломков костей (косули, крупной овцы или кавказского козла, зайца и птицы).

Ряд особенностей расположения и заполнения впускной ямы А не позволяет рассматривать ее как яму хозяйственного назначения. В этом отношении важны следующие наблюдения:

1. Яма занимает более одной трети сравнительно узкого входа в грот (см. план на рис. 16, 1); ее юго-западный край находится в 0,15 м от края другой впускной ямы Б, которая, так же как и первая, расположена поперек трехметрового входа. Вряд ли это ямы хозяйственного назначения, их местоположение крайне неудобно.

2. Рыхлые известковистые супеси, в которые впущены обе ямы, легко осыпаются, поэтому разделяющая ямы тонкая перемычка должна была быстро разрушиться. Сказанное исключает возможность длительного пребывания здесь человека в энеолитический период и постепенный характер заполнения ям.

3. В гроте отсутствует синхронный ямам культурный слой, который удостоверял бы использование грота в качестве жилища; их не перекрывает одновременный им культурный слой, как это бывает в настоящих жилищах с ямами действительно хозяйственного значения.

4. Особенности заполнения впускной ямы А — наличие в разных горизонтах ее обломков одних и тех же роговидных подставок и сосудов, нахождение подставок в разбитом состоянии, забитость горизонта 3 камнями, сильное насыщение заполнения ямы золой и углями, которые местами отчетливо обрисовывали очажные пятна (в горизонте 1 и в горизонте 4, на дне ямы), позволяют связывать ее возникновение с выполнением какого-то культового обряда.

В заключение отметим следующее:

1. Описанный комплекс Шау-Легет наряду с остатками древних поселений, обнаруженных Е. И. Крупновым в районе селения Кобан⁴ в 1935 г., является связующим звеном между памятниками эпохи энеолита и ранней бронзы Закавказья и Северного Кавказа. Нет сомнений в принадлежности описанного комплекса Шау-Легет к кругу памятников так называемого ку-

⁴ Е. И. Крупнов. Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская АССР. Сел. Верхний Кобан, Камунта, Галиат и Джерахское ущелье. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 236—238; Он же. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.—МИА, № 23, 1951, стр. 22—26.

ро-аракского энеолита (вторая половина III тысячелетия до н. э.), сохраняющего весьма устойчивую однородность на значительной территории, выходящей за пределы Кавказа. Гончарная продукция Шау-Левет (подставки и остатки сосудов) имеет вместе с тем большее сходство с продукцией территориально наиболее близко расположенных северокавказских энеолитических памятников (Долинское и Луговое)⁵. Нельзя, однако, не отметить и своеобразие керамики Шау-Левет; роговидный кирпич вместо продольных желобков на верхней поверхности имеет округлую выемку с перекинутой через нее ручкой (рис. 17, 8). Эта особенность заставит, возможно, пересмотреть вопрос о трактовке такого рода предметов очажными подставками. Судя по сохранившимся обломкам, совершенно своеобразна и вторая огромная по своим размерам подковообразная подставка (рис. 17, 5).

2. Пещерные комплексы юга Осетии (пещеры Кударо I и Кударо III)⁶ и Шау-Левет — первые надежные свидетельства освоения в III тысячелетии до н. э. людьми среднегорных и высокогорных районов смежных участков южного и северного склонов Большого Кавказа. Эти люди, по-видимому, первыми принесли в глубину гор Кавказа земледельческо-скотоводческую форму хозяйства, основали здесь постоянные земледельческие поселения (Кударо I, верхний слой — зернотерки, вкладыши от серпов, Шау-Левет — зернотерки) и широко практиковали яйлажную систему скотоводства (во впускной яме А преобладает мелкий рогатый скот).

3. Такие комплексы, как Верхний Кобань, Шау-Левет и Кударские пещеры свидетельствуют о том, что в период энеолита на заре медно-бронзового века существовали бесспорные связи между насельниками северного и южного склонов Большого Кавказа. Связи эти осуществлялись, по-видимому, как посредством таких наиболее приспособленных для передвижения и существующих и в настоящее время перевалов как, Мамисоновский, Рокский и другие, так и посредством иных, ныне совершенно забытых и неиспользуемых перевальных путей и троп.

---

⁵ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. — МИА, № 3, 1941, стр. 171—172; Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. — КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95, 99—100, рис. 40, 2, 3, 5, 6; Он же. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. — СА, 1957, № 2, стр. 155, 157—158; Он же. Новые данные по археологии Северного Кавказа. — СА, 1958, № 3, стр. 98, 107.

⁶ В. П. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия). — Изд. Всесоюзного Географического Общества, т. 91. Л., 1959, стр. 179.

М. Г. ГАДЖИЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЮЖНЫХ СВЯЗЯХ ДАГЕСТАНА
В IV—III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.¹

В 1962—1964 гг. в центральной части горного Дагестана исследована древнее поселение, расположенное в урочище Гинчи (Советский р-н, в 2,5—3 км к востоку от сел. Тидиб), на правом берегу р. Гидерил-ор, на одной из верхних речных террас, в долине между двумя крутыми скальными откосами, возвышающимися над долиной хребтов². Здесь урочище широко открывается на юг, в сторону р. Гидерил-ор, а с трех других сторон ограждено хребтами, которые придают ему вид естественно защищенного места. Середина его прорезана небольшой Гинчинской речкой, впадающей в р. Гидерил-ор примерно в 100 м от поселения. В настоящее время площадь, занятая поселением, местами используется под пашню, а местами застроена помещениями хут. Гинчи.

Площадь раскопа 320 м².

Культурный слой залегает под толщей гумуса (0,15—0,20 см) и наносного слоя в виде ила с крупной щебенкой (0,30—0,65 м). Мощность культурного слоя колеблется в пределах 0,50—1,20 м. Верхний горизонт представляет собой тонкий пласт темной илистой земли с угольками и золой, содержит незначительное количество находок; он прослежен не на всем участке раскопа и незаметно переходит в нижележащий (средний) слой. Средний слой в виде золистой темной земли достигал в среднем 0,60 м толщины и был более насыщен находками; на разных уровнях этого слоя встречались простые очажные ямы с золой и обожженной землей. Нижний слой — светлый суглинок с угольками — имел толщину в среднем 0,10 м. По характеру керамики верхний горизонт отличается от двух нижних, но стерильной прослойки между ними нет.

Культурный слой был сильно потревожен в середине II тысячелетия до н. э., когда на месте поселения функционировал Гинчинский могильник с каменными склепами, впущенными в землю³.

На поселении обнаружены остатки бытовых сооружений: развалы каменных стен жилищ, простые очаги, хозяйственные ямы. Большой интерес представляют остатки жилищ. Обнаружены две параллельные стенки, плотно примыкающие к скале и образующие, таким образом, однокамерное большое жилище прямоугольной формы; стены его были возведены из больших необработанных камней, образующих внутренний и внешний панцирь с за-

¹ Доклад, прочитанный на научной сессии Института археологии в апреле 1964 г.

² Работы проводились первым горным отрядом археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

³ М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. — Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, X, 1962, стр. 166—188.

бутовкой из мелкого камня; толщина стен в среднем 1,5 м. В качестве третьей стены использована отвесная скала.

На открытой части поселения была обнаружена стена (возможно, оборонительная), сложенная аналогичным способом. Толщина ее доходит до 2 м.

На разных уровнях культурного слоя обнаружены открытые очаги. Они имели круглую или овальную в плане форму и линзовидное сечение, диаметр очагов 0,60—1,90 м, наибольшая толщина очажного слоя 0,20 м.

В материковой земле было вырыто девять ям, имевших в плане круглую форму; диаметры ям 0,60—1,05 м, глубина 0,25—0,60 м; ямы заполнены культурным слоем. Они служили в качестве хранилищ, а также для сброса мусора.

В культурном слое обнаружены два погребения. В одном — костяк лежал на правом боку в сильно скорченном положении с приподнятыми к лицу руками, головой на северо-запад. В другом — костяк лежал в таком же положении, но ориентирован был головой на ЮЮЗ, при нем найдена только одна подвеска из плоского речного галечника.

Раскопки поселения дали большое количество керамики, каменные и костяные изделия, расколотые кости животных.

Каменные орудия представлены зернотерками ладьевидной формы и терочниками (рис. 18, 9, 10). Некоторые из зернотерок достигают довольно крупных размеров (0,51 × 0,30 м) и имеют сильно сработанную рабочую поверхность.

К орудиям труда относятся также кремневые ножевидные пластинки треугольного или трапециевидного сечения (рис. 18, 1—4). Среди пластинок имеются два экземпляра, изготовленные из обсидиана. Рабочие края их подправлены тонкой ретушью. Многие из них в результате длительного употребления сильно заполированы по краю. Подобные пластинки использовались в качестве вкладышей для серпов у ранних земледельцев Древнего Востока⁴, Средней Азии⁵, юго-восточной Европы⁶. На Кавказе они характерны для памятников раннеземледельческих культур (Кюль-тепе⁷, Шому-тепе⁸, Тойре-тепе⁹ и др.) и являлись, очевидно, основными жатвенными орудиями до появления здесь, уже в эпоху бронзы, вкладышей из отщепов с двусторонне обработанной поверхностью, подобно тому как это было в юго-восточной Европе¹⁰.

Из кости изготавливались преимущественно проколки. Материалом для них служили обломки трубчатых костей, ребра животных, а иногда олени рога (рис. 18, 5, 7, 8); из трубчатых костей изготовлены два орудия типа скребка (рис. 18, 6).

Остеологический материал представлен как мелким, так и крупным рогатым скотом.

Все это наряду с прочной каменной архитектурой свидетельствует о сложившемся оседлом земледельческо-скотоводческом хозяйстве обитателей Гинчинского поселения.

Наиболее массовым и выразительным материалом является керамика. Керамика нижних основных слоев вылеплена от руки. Она делится на две группы:

⁴ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 39—81, 188—245.

⁵ Там же, стр. 11—38, 123—187.

⁶ С. Н. Бибииков. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы.—СА, 1962, № 3, стр. 3—13.

⁷ О. А. Аббалаев. Некоторые итоги изучения холма Кюль-тепе в Азербайджане.—СА, 1963, № 3, стр. 159.

⁸ И. Г. Нариманов. Древнейшие серпы Азербайджана.—СА, 1964, № 1, стр. 286, 287.

⁹ Там же, стр. 287.

¹⁰ С. Н. Бибииков. Указ. соч., стр. 12, 13.

Первая — довольно грубая, толстостенная, реже тонкостенная керамика, изготовленная из глины, со значительной примесью дресвы и речного песка; на одной черепке следы выгоревшей примеси соломы; основная масса имеет красный цвет разных оттенков или коричневатый, реже серый; поверхность обработана лощением, ангобирована или грубо заглажена; отдельные черепки имеют следы обмазки внешней поверхности жидкой глиной. Большую серию составляют черепки с отпечатками рогожи на внешней поверхности.

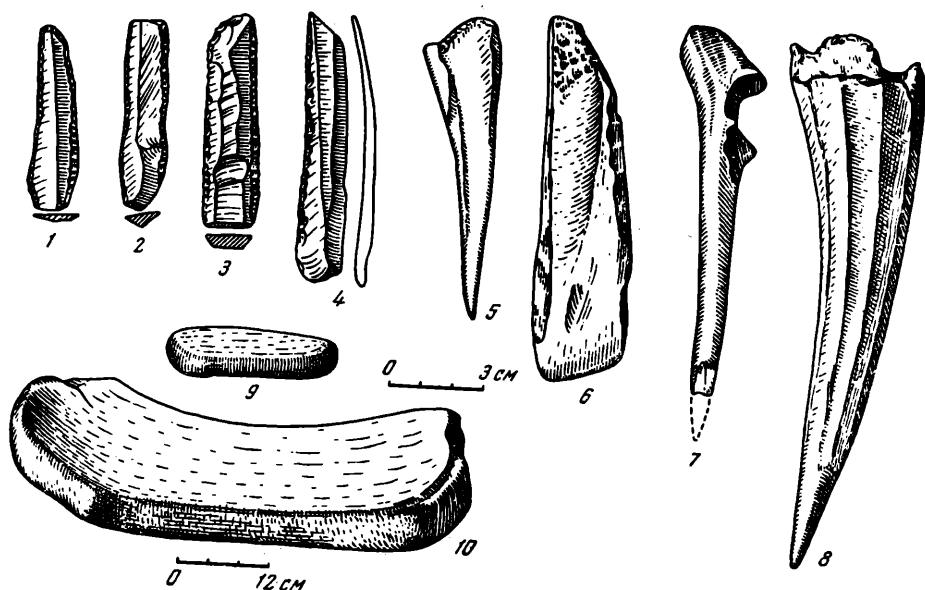

Рис. 18. Каменные и костяные орудия

Формы сосудов разнообразны. Это неглубокие миски в виде перевернутого усеченного конуса (рис. 19, 9), большие сосуды с широким плоским дном, сильно вздутым туловом, горшки с вздутым или яйцевидным туловом, среди которых имеются формы, приближающиеся к баночным (рис. 19, 10, 11), сосуды с высокой цилиндрической шейкой, резко переходящей к выпуклому тулову, баночные сосуды со сквозными отверстиями по всему тулову (рис. 9, 12), сосуды с отпечатками рогожи на внешней поверхности и рядами сквозных отверстий по закраине (рис. 19, 15) и, наконец, миниатюрные сосудики типа кружек, чашек.

Для первой группы характерны ручки двух типов: 1) вертикальные уплощенно-сегментовидного или овального сечения с круглым отверстием (рис. 19, 15); 2) ручки в виде горизонтальных выступов с вертикальным отверстием (рис. 19, 16).

Керамика украшена нарезным (вдавленным) елочным узором или рельефными валиками с пальцевыми защипами.

Своеобразие керамики этой группы состоит в том, что в ней наряду с многими местными особенностями прослеживается влияние древних культур юга. К особенностям местной дагестанской культуры относятся наличие большого количества примеси дресвы, обмазка внешней поверхности сосудов жидкой глиной, ряды сквозных отверстий на закраинах сосудов, орнамент в виде валика с пальцевыми защипами или надрезами, некоторые формы сосудов и ручек. Примесь дресвы в глине, сквозные отверстия на закраинах сосудов, грубая обмазка поверхности сосудов жидкой глиной известны

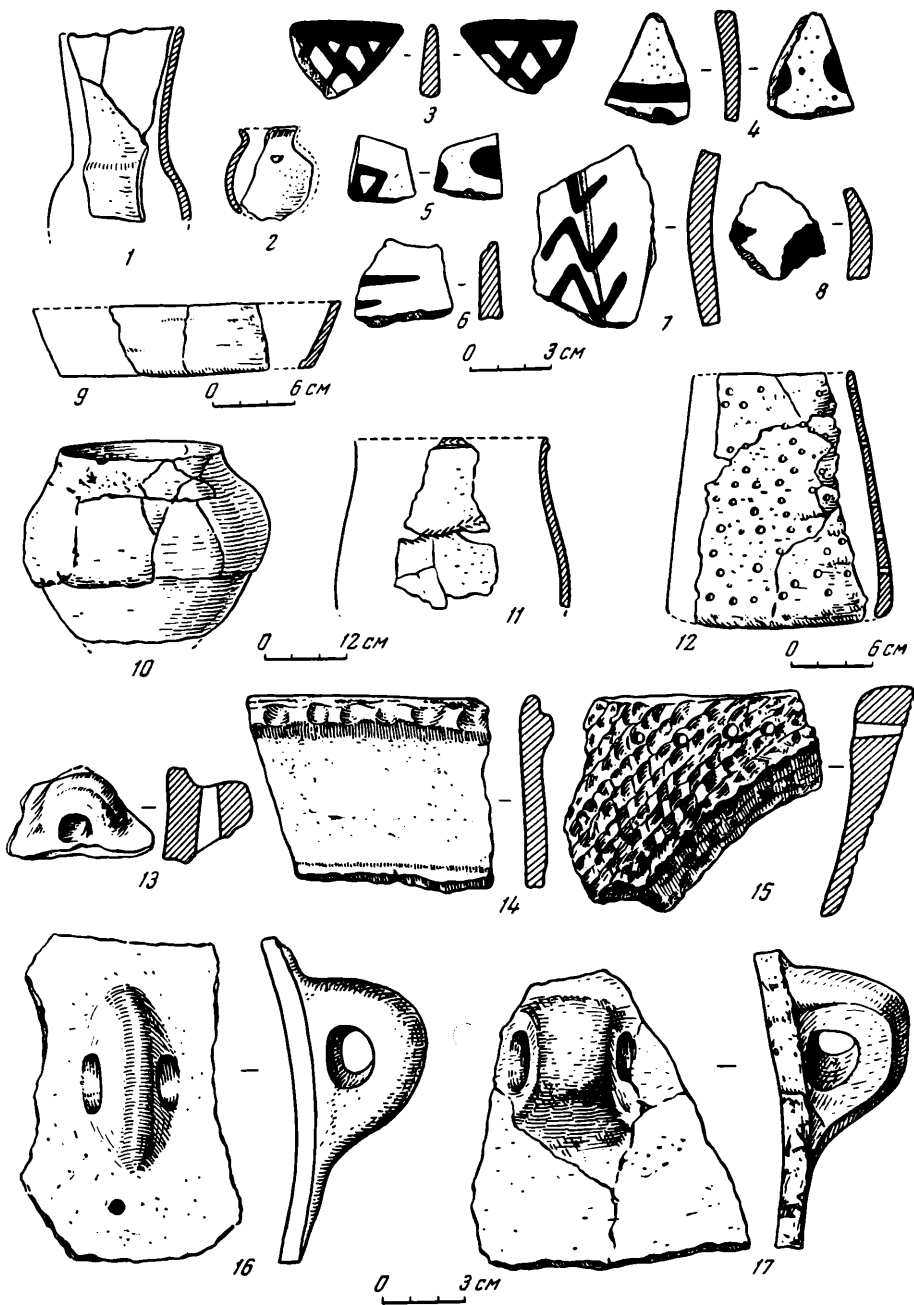

Рис. 19. Типы керамики

в памятниках Дагестана с эпохи неолита¹¹. Орнамент в виде валика с зашипами или надрезами, обмазка поверхности сосудов жидкой глиной характерны для керамики дагестанских культур III—II тысячелетий до н. э.¹²

Южными влияниями, очевидно, следует объяснить такие черты гинчинской керамики, как ангобирование и лощение поверхности, примесь соломы в глине. Известно, что это характерно для керамики памятников IV тысячелетия до н. э. Закавказья (Кюль-тепе I¹³, Шому-тепе¹⁴, Тойре-тепе¹⁵ и ряда памятников, выявленных за последние годы в Мильско-Карабахской степи¹⁶), северо-западного Ирана (Геой-тепе, период М)¹⁷ и восточной Турции (Тилки-тепе, верхний слой)¹⁸. На южные связи этой керамики указывают и своеобразные вертикальные ручки уплощенного сечения, аналогии которым имеются в соответствующих слоях Геой-тепе¹⁹ и Тилки-тепе²⁰.

Вторая группа керамики немногочисленна и отличается от первой меньшим разнообразием форм. Она представлена обломками преимущественно тонкостенных сосудов (иногда до 0,02 см толщиной); в глине незначительная примесь мелкого речного песка. Поверхность ангобирована или хорошо залощена. Цвет красный разных оттенков, реже коричневатый. Черепок плотный. Формы сосудов: небольшие кувшины с узкой высокой шейкой, слабо вздутым туловом (рис. 19, 1), миниатюрные сосудики с округлым туловом и ручкой в виде налепа с вертикальным отверстием (рис. 19, 2). Вторая группа керамики резко отличается от первой прекрасным качеством обработки, совершенством форм; ее, видимо, следует рассматривать как импортную.

Наличие импортной керамики подтверждается находением керамики с росписью (10 экз.). Она делится на два типа: 1) черепки толстостенных сосудов с заглаженной поверхностью розовато-коричневатого цвета и примесями дресвы в глине, аналогичные керамике первой группы (4 экз., рис. 19, б, 8); 2) плотные черепки тонкостенных сосудов с лощеной поверхностью светло-красного цвета, незначительными примесями мелкого речного песка в глине, как и черепки керамики второй группы (6 экз., рис. 19, 3—5). Краска коричневая и красная. Роспись геометрическая: ряды волнистых линий, прямые полосы, точки, скрещивающиеся полосы, образующие треугольники, ромбы. На тонких черепках роспись двусторонняя.

Расписная керамика, совершенно чуждая Дагестану, вместе с тем является характерной чертой раннеземледельческих культур Древнего Востока. По цвету краски и простой геометрической росписи гинчинскую керамику можно сопоставить с керамикой северных периферийных памятников раннеземледельческих культур Востока (Геой-тепе, период М²¹, Тилки-тепе²²) и близких к ним памятников восточного Закавказья (Кюль-тепе и др.²³).

¹¹ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 205, 206.

¹² А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э.—МИА, № 68, 1958, стр. 60; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет.—Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, VIII, 1960, стр. 335—346; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа.—МИА, № 100, 1961, стр. 96—97.

¹³ О. А. Абибуллаев. Указ. соч., стр. 162—163.

¹⁴ И. Г. Нариманов. Указ. соч., стр. 287.

¹⁵ Там же.

¹⁶ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток в IV—III тысячелетии до н. э.—КСИА, вып. 93, 1963, стр. 8—10.

¹⁷ T. Burton-Brown. Excavations in Azarbaijan, 1948. London, 1955.

¹⁸ A. Jenny. Schamiramalti. Praehistorische Zeitschrift, XIX, № 3—4, Berlin, 1928, стр. 280—304; E. B. Reilly. Tilkitepedekiilk Kazilar Turk Tarih Arkeologya ve Etnografya Dergisi, IV, Ankara, 1940, стр. 145—178.

¹⁹ T. Burton-Brown. Указ. соч., рис. 4, 32.

²⁰ A. Jenny. Указ. соч., рис. 2, б.

²¹ T. Burton-Brown. Указ. соч., табл. I, 31; табл. II, 628.

²² A. Jenny. Указ. соч., табл. 33, б.

²³ О. А. Абибуллаев. Указ. соч., стр. 163; А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 6—10, рис. 2.

Расписная керамика нижнего слоя Кюль-тепе также делится на два типа. Первый — представляет плотные черепки с примесью песка, хорошо обожженные, красного, желтого, коричневого и серого цвета, с лощеной поверхностью. Она резко отличается от второго типа керамики, изготовленной из глины с примесью соломы. Первый тип рассматривается автором как привозной, второй — как местный, расписанный в подражание привозному²⁴.

Очевидно, южными связями Дагестана в IV тысячелетии до н. э. следует объяснить появление расписной керамики и на Гинчинском поселении. Вместе с ней, видимо, проникла сюда и нерасписная керамика второй группы, которая отличается от первой, местной, лучшим качеством отделки.

В целом керамика нижних слоев Гинчинского поселения имеет ярко выраженные местные особенности и вместе с тем по ряду признаков сближается с керамикой памятников восточного Закавказья и прилегающей к нему южной Ванско-Урмийской области, представляющих периферию обширной переднеазиатской культурной области восточного ареала IV тысячелетия до н. э.²⁵ На южные связи культуры, представленной нижними слоями Гинчинского поселения, указывают наряду с керамикой находки ножевидных пластин из обсидиана, которого нет в Дагестане и который широко представлен в перечисленных выше памятниках, а также обычай хоронить умерших в пределах поселка; последний является, как известно, традицией раннеземледельческих культур Ближнего Востока²⁶.

Гинчинское поселение может считаться на Кавказе пока самым северным памятником, куда проникали влияния восточного ареала переднеазиатской культурной области.

Учитывая отдаленность Гинчинского поселения от основных центров переднеазиатской культуры и приведенные аналогии, нижние слои его могут быть датированы в пределах второй половины IV тысячелетия до н. э.

В верхнем горизонте культурного слоя поселения наряду с описанной керамикой появляется керамика иного облика. Найдено всего 36 фрагментов. Они характеризуются черным или серым порою блестящим лощением, неравномерным обжигом, придающим ее поверхности неодинаковую окраску. Внутренняя поверхность ее в ряде случаев имеет светло-розовую окраску. В глине содержится примесь дресвы и речного песка. Черепки принадлежат большим сосудам и небольшим горшкам. Среди этой керамики имеются две широкие пластинчатые ручки, не характерные для нижних слоев (рис. 19, 17). Описанная керамика типична для памятников Дагестана III тысячелетия до н. э. (Каякент, Великент, Мамайку-Тан, Мекеги и др.), которые представляют северо-восточный вариант южнокавказской культуры III тысячелетия до н. э.²⁷ Локальное своеобразие его в Дагестане заключается в том, что в керамике наряду со специфическими южнокавказскими чертами (блестящее черное или серое лощение, розовая подкладка) имеются и такие, которые не присущи южнокавказской культуре²⁸ и, как показывают материалы нижних слоев Гинчинского поселения, уходят своими корнями в местную культуру предшествующей эпохи (прием обмазки поверхности сосудов жидкой глиной, орнамент в виде рельефного валика с защипами или надрезами, ряды сквозных отверстий на закраине сосудов, некоторые формы посуды).

По хронологии южнокавказской культуры²⁹, верхний слой Гинчинского поселения может быть датирован в пределах первой половины III тысячелетия до н. э.

²⁴ О. А. Абибуллаев. Указ. соч., стр. 163.

²⁵ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 10.

²⁶ В. М. Массон. Указ. соч., стр. 47, 212.

²⁷ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 100.

²⁸ Там же, стр. 71—100.

²⁹ Там же, стр. 147—161.

Таким образом, материалы Гинчинского поселения знакомят нас с новой для Дагестана культурой, характеризующейся земледельческо-скотоводческим хозяйством и существовавшей здесь до куро-аракской культуры.

Своеобразие Гинчинского поселения заключается в том, что в разные периоды наблюдаются различные влияния: на первом этапе (нижние слои) — воздействие переднеазиатской культуры IV тысячелетия до н. э., на втором — этот памятник входит в ареал южнокавказской культуры III тысячелетия до н. э. Взаимодействие этих влияний с местными традициями, уходящими своими корнями в неолитическую эпоху, и определило характер данного памятника.

В. А. КУЗНЕЦОВ

ДРЕВНИЕ ВЫРАБОТКИ МЕДНОЙ РУДЫ
В ВЕРХОВЬЯХ Р. БОЛЬШОЙ ЗЕЛЕНЧУК

В июле 1961 г. мною были осмотрены древние выработки медной руды, расположенные на горе Пастуховой, в верховьях р. Большой Зеленчук, протекающей по Карачаево-Черкесской автономной области.

Гора Пастуховая (высота 2733 м над уровнем моря) находится на правом берегу Б. Зеленчука, против небольшого пос. Богословка, в 32 км к юго-западу от ст. Зеленчукской (рис. 20). В орографическом отношении г. Пастуховая входит в систему Бокового хребта, а в геоморфологическом — в высокогорный кристаллический район в осевой части Большого Кавказа¹.

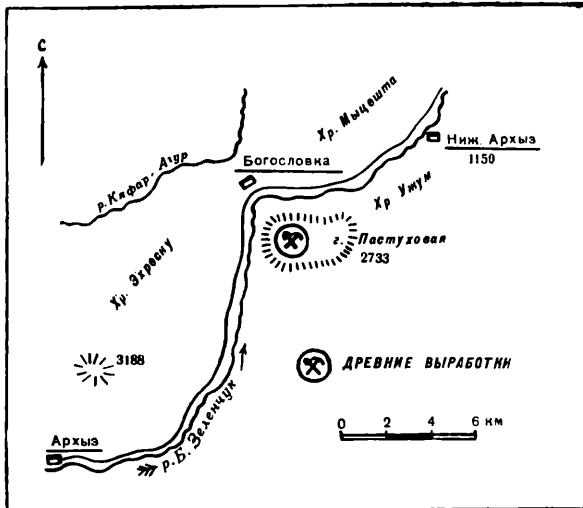

Рис. 20. Схема расположения древних выработок в верховьях р. Большой Зеленчук

Как выяснилось, древние выработки были обнаружены геологами А. Н. Смяновым и В. А. Величко при разведочных работах на северо-западном склоне горы. В зоне альпийских лугов и выходов материковых скал, при выявлении здесь жилы халькопирита, геологи наткнулись на древнюю шахту и штольни, приуроченные к этой жиле и почти полностью

¹ Н. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа, вып. 1. М., 1954, стр. 131, рис. на стр. 132; первые сведения о находках были получены нами от инспектора Зеленчукского отдела народного образования В. И. Рожкова.

выбравшие руду. Склон горы здесь достигает примерно 25° , а к северо-западу он имеет крутой травянистый склон к глубокой балке Волковой, по дну которой в Б. Зеленчук течет ручей. Со стороны пос. Богословка к выработкам довольно близко подходит горная тропа, доступная только для пешеходов и вьючных животных. Таковы топографические условия местонахождения.

Во время нашей разведки было обращено внимание на отдельно стоящую кварцево-карбонатную скалу, пробитую насквозь штольней в северо-западном направлении. Размеры входа в штольню $1,0 \times 0,70$ м, по мере углубления в скалу штольня сужается и на расстоянии 1,5 м от входа имеет размеры $0,70 \times 0,35$ м, приобретая вид узкого лаза. В глубину штольня прослеживалась на расстоянии 5—6 м, а затем делала поворот, очевидно, следуя направлению жилы. Зайдя к скале с северной стороны, мы увидели здесь выход штольни в виде такого же отверстия размером $0,70 \times 0,35$ м. Ориентировочная длина штольни около 20 м. В настоящее время она забита камнями и землей на довольно значительную высоту и указанные выше размеры могут не соответствовать подлинным размерам ее, которые можно установить только после раскопок.

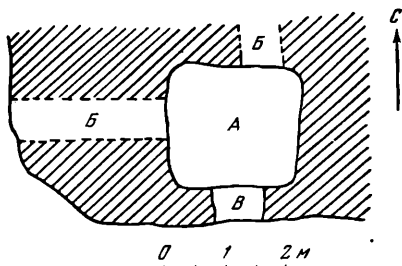

Рис. 21. Гора Пастуховая. План шахты: А — шахта; Б — штольня; В — окно

Примерно в 100 м ниже описанной штольни расположена древняя шахта, представляющая открытую выработку типа карьера (рис. 21). В плане она имеет почти правильную четырехугольную форму со сторонами $1,0 \times 1,10$ м. Глубина шахты до современного завала, состоящего из наплывшей земли и камней, — 2,20 м. Высечена шахта в такой же кварцево-карбонатной скальной породе, как и вышеописанная штольня. Несколько выше отметки современного завала хорошо заметны две штольни, пробитые в северном и западном направлении. Их входы прослеживались в виде отверстий, аналогичных первой штольне, но почти доверху закрытых наносным и обломочным материалом. Следовательно, после выборки халькопирита из шахты дальнейшая его добыча производилась через узкие щелевидные штольни, направленные по жиле. Западная штольня пробила скалу насквозь — ее выход был хорошо заметен с бокового выступа скалы, но проникнуть к отверстию без веревок было невозможно. Примерная длина этой штольни 5 м. Кроме того, в южной стене шахты, видимо, оказалась линза халькопирита, после выработки которой здесь образовалось «окно» размером $0,85 \times 0,60$ м. По словам А. Н. Смянова и В. А. Величко, древние рудокопы начисто выбрали руду из наиболее крупных и доступных линз, имевших производственное значение.

Между первой штольней и шахтой геологами была заложена траншея, разрезавшая склон и обнажившая мощный слой светло-серого суглинка, насыщенного камнями и щебнем. При рытье траншеи были найдены три предмета, относящиеся к древнему производственному процессу и проливающие свет на его эпоху. Это два каменных желобчатых молота и каменный терочник².

Сохранившийся молот (рис. 22, 1) был изготовлен из серого кварцита, длина орудия 25,2 см, поперечное сечение 15 см. Посредине проходит жолоб шириной до 3 см, предназначенный для крепления рукояти. Боковые поверхности отшлифованы, оба рабочих плоских конца имеют явные следы сработанности в виде неровностей и сколов.

² Один из молотов рабочими был выброшен в балку Волковую, другой молот и терочник — увезены в станцию Зеленчукскую и переданы нам.

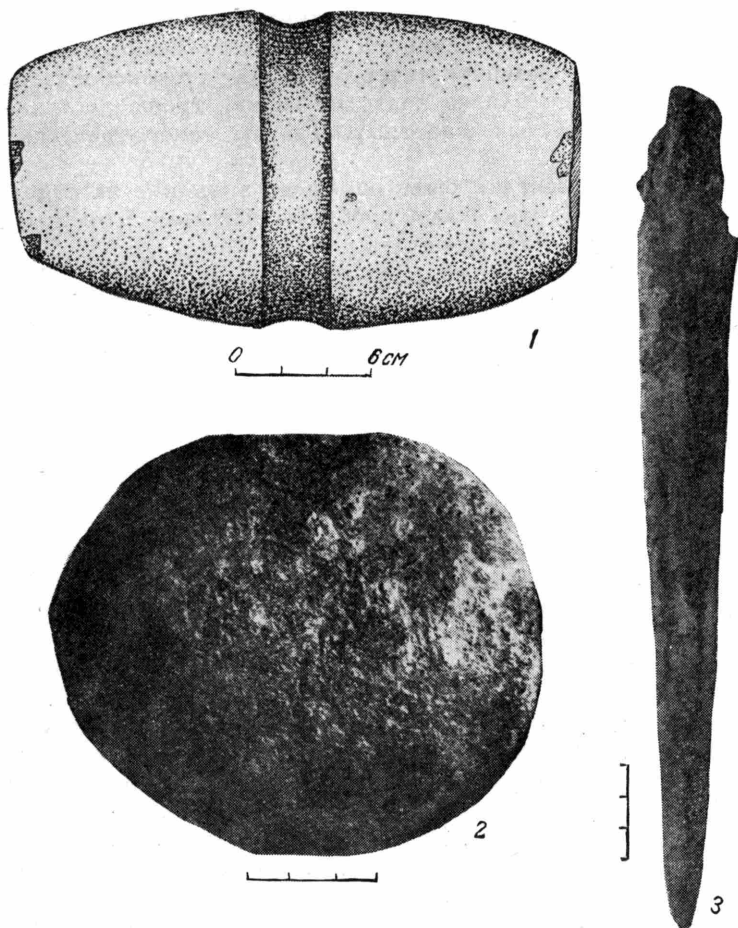

Рис. 22. Гора Пастуховая. Находки
1 — молот; 2 — терочник; 3 — лезвие бронзового кинжала

Терочник сделан из того же материала, но с гораздо меньшей тщательностью. У него грубо обработана только верхняя плоскость, захватывавшаяся рукой. Нижняя плоская рабочая поверхность покрыта неровностями и зазубринами. Диаметр орудия 11,8 см (рис. 22, 2), в сечении оно имеет полусферическую форму.

По свидетельству рабочих-находчиков, второй молот был совершенно аналогичен описанному, но несколько меньше по размерам. Мы тщательно осмотрели траншею, в которой были сделаны находки, и выброс из нее, но не обнаружили никаких следов культурных отложений.

Ниже траншеи на 600 м, на левом берегу ручья Волкового, был осмотрен геологический шурф, при рытье которого была разрушена «печь», как ее называли рабочие. Вероятно, это был остаток мощного кострища³.

В нескольких метрах выше шурфа над ним возвышается невысокая скала с маленькой плоской площадкой, покрытой дерном. Скала также кварцево-карбонатной структуры. По указанию В. А. Величко, рабочие сняли с ее верхней площадки дерновый слой и под ним нашли бронзовый кинжал

³ К сожалению, шурф оказался до верха заполненным водой и осмотреть разрез не было возможности; в лежащем рядом выбросе я обнаружил прокаленные камни и большое количество древесных угольков.

с отломанной рукоятью. Длина сохранившейся части 27,2 см, ширина 3,3 см. Кинжал двулезвийный, с острыми лезвиями (рис. 2, 3). Необходимо подчеркнуть, что «печь» и кинжал по местоположению приурочены к той же жиле халькопирита. Спектральный анализ металла, произведенный в лаборатории Института археологии АН СССР Е. Н. Черных, показал следующий состав:

Cu — основа	Sb — 0,025
Pb — 0,0025	Bi — 0,0015
Fe — 0,001—0,003	As — 3,0
Ag — 0,06	Ni — 0,018

Таким образом, кинжал изготовлен из обычной для северокавказской культуры эпохи бронзы так называемой мышьяковистой бронзы.

А. А. Иессен писал, что на Северном Кавказе «мы не знаем пока ни одной разработки, которую можно было бы отнести к раннему типу»⁴, т. е. разработки медных руд верхних горизонтов открытым способом. Тогда же он с сожалением отмечал, что совершенно недостаточен материал для хронологических определений и что наиболее ранняя из датированных выработок — Нижне-Баксанская — «вряд ли восходит ко времени более раннему, чем начало нашей эры»⁵. В свете сказанного остановится особенно важным вопрос датировки наших находок.

Сама по себе техника разработки медной руды на горе Пастуховой открытым способом, с применением небольших штолен и выбором верхних горизонтов является архаичной и, по А. А. Иессену, должна относиться к раннему типу. Уже на этом основании мы вправе предполагать значительную древность выработок. Более конкретный материал дают найденные предметы, в первую очередь каменные желобчатые молоты и терочник, использовавшиеся в древнем горном деле. Желобчатые молоты этого типа, но различных типологических и функциональных вариаций, имели весьма широкое распространение во времени и пространстве, появляясь еще в энеолитическую эпоху⁶ и существуя (по мнению Е. И. Крупнова) до кобанской эпохи⁷. Следовательно, период их существования относится к эпохе энеолита и бронзы. Напомним, что той же эпохой датируются желобчатые топоры и молоты севера Европейской части СССР и Финляндии⁸. Во всяком случае надо полагать, что каменные молоты выходят из употребления не позже раннего железного века, т. е. начала — середины I тысячелетия до н. э., будучи вытесненными гораздо более производительными железными орудиями⁹.

Исходя из вышесказанного, широкой датировкой наших выработок можно считать конец или вторую половину II тысячелетия до н. э. — II тысячелетие до н. э. Для уточнения даты может иметь некоторое значение кинжал, найденный в балке Волковой.

Как указывалось, и кинжал, и кострище приурочены к жиле халькопирита. Думается, что на этом основании возможно нижние и верхние находки объединить хронологически в один комплекс.

Типологически кинжал следует сближать с длинными (до 33 см) бронзовыми кинжалами такого же ромбовидного сечения, обнаруженными Н. И. Веселовским в 1897 г. в курганах 7 и 8 у ст. Андрюковской¹⁰. Кин-

⁴ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935, стр. 63.

⁵ А. А. Иессен. Там же, стр. 58—59.

⁶ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа.— МИА, № 100, 1961, табл. III, стр. 58—59.

⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 318—319.

⁸ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР.— МИА, № 29, 1952, стр. 107.

⁹ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 66.

¹⁰ ОАК за 1897 г. СПб., 1900, стр. 22, рис. 82.

жал из кургана 8 А. А. Иессен относит по хорошо датированному комплексу к «среднекубанскому» периоду, т. е. к середине — второй половине II тысячелетия до н. э.¹¹

Комплекс предметов из Андрюковского кургана 8 В. И. Марковин включает во второй этап северокавказской культуры, датированной им от XVII до XV в. до н. э.¹²

Приведенные датированные аналогии позволяют отнести кинжал из балки Волковой ко времени около середины II тысячелетия до н. э., чему соответствует хронология желобчатых молотов. Полагаем, что эту дату можно принять для всего описываемого комплекса горы Пастуховой¹³.

Следы древних выработок медной руды неоднократно отмечались на территории верхнего Прикубанья и раньше, причем в некоторых из них находились желобчатые каменные молоты¹⁴. Но специалистами-археологами они почти не были изучены, и наши знания основывались главным образом на отрывочных, а иногда и сомнительных данных. Это не давало возможности составить достаточно обоснованную относительную хронологию древних медных выработок Северного Кавказа, на что справедливо указывал А. А. Иессен.

Находки на горе Пастуховой значительно расширяют существующие представления об уровне древнего горного дела на Кавказе. Еще недавно считалось, что в эпоху бронзы «добыча руды, несомненно, производилась на поверхности ее залежей, по пещерам, без трудоемких работ по устройству штолен»¹⁵. Наличие вертикальных шахт и горизонтальных штолен свидетельствует о достаточно высоком для своего времени техническом уровне кавказского горного дела. Наличие каменных молотов и терочника красноречиво говорит о том, что производились основные операции обогащения руды — размол и концентрация, т. е. отделение полезной породы от пустой¹⁶. Следовательно, кавказские металлурги эпохи бронзы были хорошо знакомы с основными технологическими процессами выработки меди.

Древние выработки на горе Пастуховой дают ценный дополнительный материал к изучению прикубанского очага металлургии и металлообработки. В последние годы накопление нового материала идет быстрыми темпами — кроме горы Пастуховой и Б. Карабека¹⁷, стали известны две древние штольни по добыче меди в верховьях Медной балки на р. Муху (притоке Теберды)¹⁸. В дальнейшем первоочередному исследованию должны подвергнуться выработки на горе Пастуховой, где мы можем ожидать обнаружения

¹¹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. — МИА, № 23, 1951, стр. 115; A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV. Helsinki, 1929; А. А. Иессен. Основные итоги и проблемы археологического изучения Северного Кавказа (тезисы доклада). — КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 9; Он же. Хронология кавказских культур эпохи энеолита и бронзы. — Тезисы докладов на пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1957 г. М., 1958, стр. 8.

¹² В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). — МИА, № 93, 1960, стр. 51—52.

¹³ Кстати отметим, что к той же эпохе относятся древние выработки с совершенно тождественными каменными орудиями в Западной Европе, особенно хорошо изученные в австрийских Альпах. См.: Б. М. Крамарев. История горного дела. М., 1923, стр. 6; J. Andree. Bergbau in der Vorzeit. — Vorzeit, Bd 2. Leipzig, 1922; Он же. Vorgeschichtlicher Bergbau auf Kupfer und Salz in Europa. — Mannus — Bibliothek, № 22. Leipzig, 1922 и т. д.

¹⁴ Сводку их см.: А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 66, карта 1.

¹⁵ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 135.

¹⁶ Дж. Ньютоном. Введение в металлургию. М., 1943, стр. 195—196.

¹⁷ Т. М. Миняева. Следы древних выработок металлических руд в ущелье р. Марухи. — КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 116—119.

¹⁸ Л. Н. Глушков. Отчет о работе археологической экспедиции Ставропольского краевого музея на Домбайской поляне в 1957 году. — Архив ИА АН СССР, Р—I, д. 1712 л. 7.

остатков не только добычи, но и плавки медной руды и производства бронзы. Интерес к этому памятнику повышается еще и тем, что специальными геолого-петрографическими исследованиями в верховьях Большого Зеленчука были отмечены выходы оловянной руды-касситерита, незначительные по современным представлениям, но, вероятно, имевшие значения в древности¹⁹. Исследования в этом направлении дадут новый материал для решения сложной проблемы древнего кавказского олова, теснейшим образом связанной с проблемой производства бронзы.

---

¹⁹ И. И. Бессонов. Геолого-петрографический очерк области верховьев Б. и М. Зеленчуков в Карачае.— Труды по геологии и полезным ископаемым Северного Кавказа, вып. I. Ессентуки, 1938, стр. 92.

Д. М. АТАЕВ, К. Х. КУШНАРЕВА

ДВА ПОСЕЛЕНИЯ В УРОЧИЩЕ ЧИННА (горный Дагестан)

В 1963 г. во время разведок¹ обследовано Хунзахское плато, расположенное на высоте 2000 м над уровнем моря. Северо-восточная его оконечность, заканчивающаяся высоким скалистым гребнем, носит название урочища Чинна. Оно находится примерно в 7 км к северо-востоку от сел. Батлаич и в 400 м от шоссеной дороги, ведущей от Хунзаха в сел. Уздалросо.

Значительная часть поверхности гребня представляет собой ровное место; с севера он круто прерывается вертикальным скалистым обрывом высотой около 50 м. Южная, менее крутая часть постепенно переходит в площадку, огражденную каньоном глубиной до 20 м, вырытым селевыми потоками. Таким образом, получилась естественно укрепленная площадь.

Пространство между гребнем и каньоном покрыто развалинами циклопических кладок; размеры глыб $2 \times 1,5 \times 0,7$ м. На ровной площадке гребня находятся также строительные остатки иного характера: это помещения, стены которых сложены из мелкого плитняка и камней со следами подтески. Они представляют собой остатки средневекового поселения, обследованного М. И. Артамоновым (1937) и К. Ф. Смирновым (1951)².

Под навесом, на небольшой площадке размером 80×5 м, расположенной примерно на 50 м ниже края обрыва, обнаружена лепная керамика, отличающаяся от найденной наверху средневековой посуды.

Раскоп площадью 8 кв. м вблизи скалы показал, что площадка являлась в недалеком прошлом загоном для скота. Под верхним слоем (1,5 см) был светлый золистый слой (30—35 см) с вкраплениями угольков, мелких дробленых костей и незначительного количества керамики. Самый нижний темный золистый слой (20—25 см), обильно насыщенный угольками, содержал основное количество керамики и костей животных. Его подстилала прослойка песка и мелкой щебенки без находок, лежащая непосредственно на скале.

Большое количество кусков глиняной обмазки указывает на существование здесь в древности легких каркасных жилищ, обмазанных глиной. Найден обломок обожженной глины, напоминающий край очага.

Керамический материал крайне фрагментарен, формы восстанавливаются не полностью. Вся керамика сделана от руки. По технологическим признакам она делится на следующие группы:

¹ Работы проводились горным отрядом Дагестанской археологической экспедиции; начальник экспедиции — Д. М. Атаев.

² М. И. Артамонов. Отчет о работе Северокавказской экспедиции ИИМК — РФИЯЛ, № 1602; К. Ф. Смирнов. Отчет о работе в Дагестане в 1951 г. — Архив ИА.

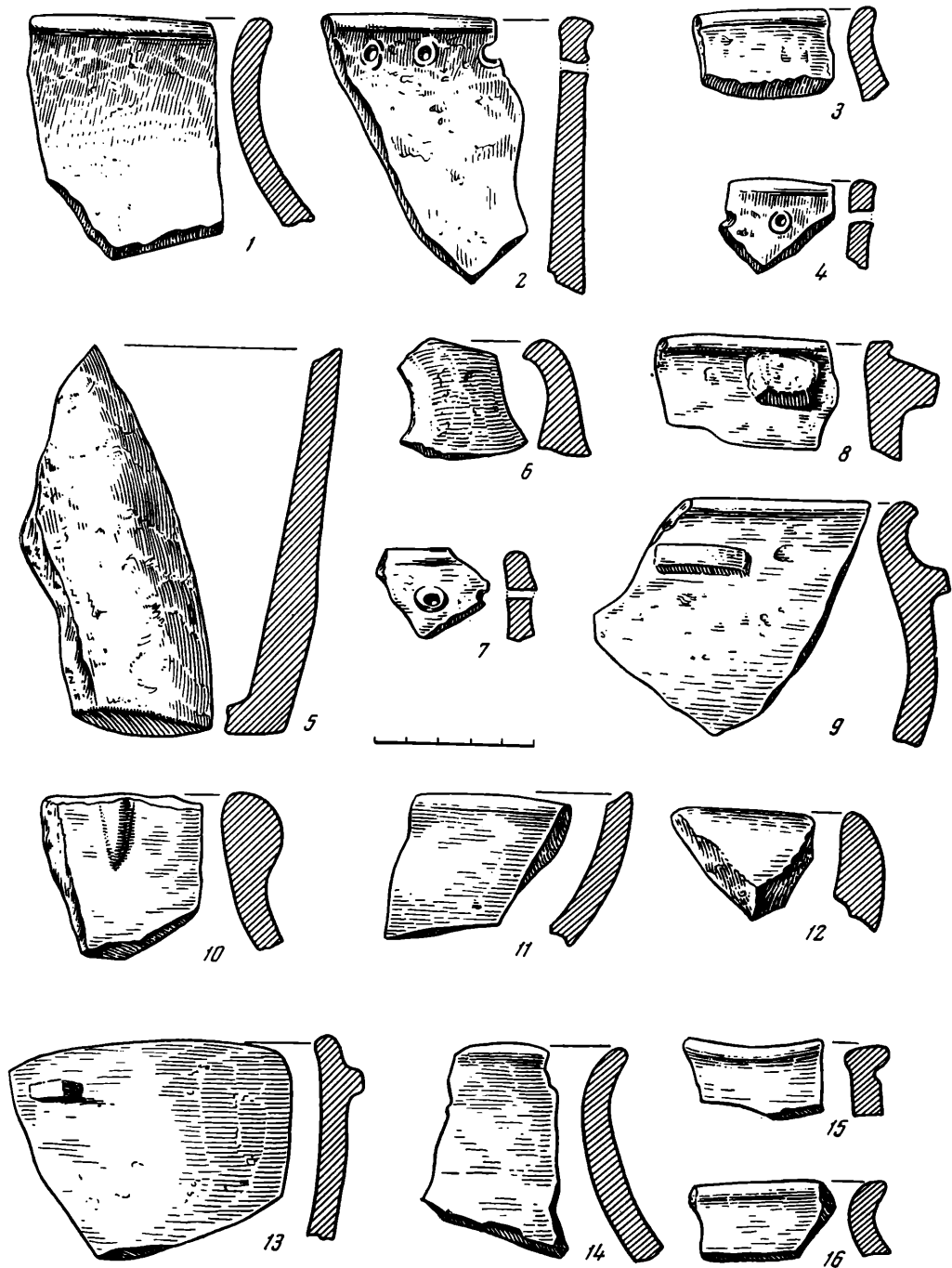

Рис. 23. Урочище Чинна.
Керамика древнего поселения

1—9 — керамика I группы; 10—16 — керамика II группы

1. Грубая посуда бурого цвета из крупнозернистого теста с большим количеством примеси дресвы и шамота, обжиг слабый, поверхность шероховатая, в некоторых случаях обмазанная тонким слоем глины и затем глаженная пучком травы. По форме это горшки различных размеров с плоским дном и слегка отогнутым венчиком (рис. 23, 1—9); на отдельных сосудах под венчиком прямоугольные ручки-выступы или ленточные ручки (рис. 23, 6, 8, 9). Особую группу составляют горшки с прямыми стенками и широким срезанным венчиком; под венчиком ряд круглых небрежно сделанных отверстий (рис. 23, 2, 4, 7). Судя по закопченности стенок, посуду первой группы можно считать кухонной. Фрагменты ее составляют примерно 20—25% всей найденной здесь керамики.

2. Посуда, покрытая двусторонним лощением, изготовлена из хорошо отмученного теста, обжиг неравномерный, что придает поверхности различные оттенки, главным образом бурые и розовые, качество лощения невысокое. Некоторые черепки двуслойные, что указывает на тот же способ изготовления путем наращивания стенок. По форме это: 1) горшки различных размеров с плоским дном и слегка отогнутым венчиком; встречаются петлевидные ручки, а также ложные ручки-защипы, имеющие в сечении треугольную форму (рис. 23, 10, 14—16); 2) глубокие миски со слегка загнутым внутрь венчиком, маленьким днищем и четырехугольными выступами-ручками (рис. 23, 11—13). Судя по незначительной закопченности стенок, посуда эта использовалась главным образом для хранения продуктов (крупные горшки) и в качестве столовой (миски). Керамика этой группы составляет 65—70% всей посуды.

К этой группе примыкают немногочисленные фрагменты миниатюрных сосудов, не отличающиеся по технике изготовления; они выполнены с большей тщательностью и имеют черную прекрасно лощеную «агатовую» поверхность.

3. Третья группа представлена всего лишь двумя фрагментами: это так называемая тканевая керамика, выполненная способом обмазывания глиной внутренней стороны грубой мешковины и последующего ее обжига.

Помимо керамики, здесь найдены осколки кремня, некоторые со следами употребления, костяной предмет полусферической формы с отверстием посредине, костяное лощило и несколько костяных проколов.

Обнаруженные находки позволяют отнести памятник к III тысячелетию до н. э. Уточнение датировки поселения будет возможно лишь при проведении последующих раскопок.

Особый интерес представляет керамика первой группы, в которой ярко проявляются гончарные традиции, существовавшие на северо-восточном Кавказе в это время: она входит в круг широко распространенной в III тысячелетии до н. э. в Дагестане посуды, уходящей своими корнями в местную неолитическую эпоху. Особую группу здесь составляют черепки грубоватой лепки с прямым венчиком и сквозными отверстиями под ним (рис. 23, 2, 4, 7). Впервые ставшая известной по раскопкам А. П. Круглова на Каякентском поселении³, керамика эта сейчас представлена на ряде других поселений (Великент — Мамай-Кутан). Любопытно, что посуда с шероховатой обмазкой, появляющаяся в верхних слоях Великентского и Гунибского поселений⁴, а также в Гонобском и Ирганайском могильниках⁵ и являющаяся наиболее характерным, специфически местным признаком культуры

³ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.—МИА, № 68, 1958, стр. 26, рис. 4, 1—2.

⁴ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа.—МИА, № 100, 1961, стр. 97; В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана.—МАД, I, 1959, стр. 129, 132; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение.—МАД, II, 1961, стр. 95.

⁵ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане.—МАД, II, стр. 35; М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы.—МАД, II, стр. 115, рис. 8.

Дагестана уже во II тысячелетии до н. э., на нашем поселении полностью отсутствует.

Наиболее многочисленной является вторая группа керамики — горшки и миски более тонкой фактуры с лощеной поверхностью розовато-бурых оттенков. Эта керамика характеризует другую струю в гончарном производстве Дагестана и, бесспорно, увязывается с южной, куро-аракской культурой. Керамика этого типа зафиксирована на многих памятниках северо-восточного Кавказа III тысячелетия до н. э. Позднее она вытесняется другими

Рис. 24. Урочище Чинна.
Схематический план помещений средневекового поселения

типами. Лощеная керамика характерна как для приморских поселений (Каякент, Великент, Мамай-кутан и др.), безусловно, входящих в ареал куро-аракской культуры, так и для высокогорных районов (Гапшима, Гуниб, Чинна)⁶. По сравнению с закавказской посудой она менее тщательно изготовлена, имеет худшее лощение и более светлую окраску; здесь преобладающей формой являются миски, а полусферические ручки заменяются своеобразными ручками-выступами. Наиболее близки закавказской керамике миниатюрные чернолощенные сосуды великолепной отделки.

Наконец, «тканевая», керамика, неоднократно зафиксированная в ранних поселениях Кавказа⁷, встречена не впервые и в Дагестане⁸.

Чиннабское поселение является одним из немногих энеолитических поселений, открытых в горах Дагестана⁹; они находятся в различных топографических условиях, но все они имеют оседлый характер и базировались на земледельческо-скотоводческом хозяйстве их обитателей.

В отличие от остальных поселение в урочище Чинна, с нашей точки зрения, было временной сезонной стоянкой местных скотоводов. В пользу такого заключения говорят следующие обстоятельства: 1) северная ориентировка площадки, которую здесь, в условиях сурового климата, можно было использовать только в летнее время; 2) небольшой размер самой площадки, пригодной для размещения незначительного числа построек; 3) отсутствие остатков каменных сооружений и наличие, судя по находкам обмазки, легких каркасных жилищ; 4) незначительная толщина культурного слоя.

В Дагестане до настоящего времени такие сезонные поселения не были

⁶ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 23.

⁷ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 119.

⁸ А. П. Круляков. Указ. соч., стр. 39.

⁹ В. Г. Котович. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века. — Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, XII, 1964, стр. 181.

известны. В Хунзахском же районе это вообще первое поселение III тыс. до н. э.; в этом бесспорный научный интерес его открытия.

Средневековое поселение находится выше древнего, на ровной плоскости гребня (цитадель), в то время как часть построек разместилась на искусственно выровненных террасообразных площадках южного склона, спускающегося к оврагу. Таким образом, для поселения было выбрано место, которое являлось превосходно защищенным убежищем.

Помимо развалин древних циклопических стен, здесь зафиксированы многочисленные остатки средневековой цитадели: фундаменты массивных стен с проходами и подводящими к ним древними дорогами, развалины башен, фланкирующих проходы, многочисленные жилые постройки и пр. Стены помещений сложены из известнякового плитняка и рваных камней с подтеской.

Основной раскоп (площадь 600 м²) был заложен на двух террасообразных площадках (рис. 24). Строительные остатки представляют собой основания каменных стен, возведенных прямо на скале. Всего на обеих площадках было окуптурено 40 помещений. Все они имели прямоугольную форму. На верхней — располагались 18 помещений. Южные стены нижней площадки смыкались, образуя одну сплошную глухую стену толщиной 0,7 м; последняя была вытянута по краю второй террасы с запада на восток на протяжении 60 м. В стене имелся проем шириной 2,5 м, по обеим сторонам которого находились два небольших в плане прямоугольных помещения, выходившие за внешнюю общую стену помещений второй площадки. Восточное помещение примыкало к стене, в то время как западное было отделено от нее пространством шириной около 1 м. Очевидно, оба эти помещения являлись остатками башен, защищавших вход.

Непосредственно около западного помещения начинается небольшая улица, являющаяся продолжением прохода и ведущая на верхнюю площадку.

Культурный слой в помещениях верхней террасы, где сохранился обычно лишь один ряд кладки стен, был либо очень незначительным (0,2 м), либо отсутствовал полностью; в помещениях же нижней террасы благодаря лучшей сохранности стен (иногда до 1 м) культурный слой был значительно толще.

Раскопкам подверглись две башни, фланкирующие вход, и одно жилое помещение. Западная башня, отстоящая на 1 м от стены, была внутри завалена камнями стен, под завалом — культурный слой мощностью 0,3 м с включениями золы и угля. У северной стенки — угольное пятно и обожженные камни. Пол помещения служил скальный выход, имеющий в пределах постройки уступ. Стены восточной башни (размеры ее 3 × 2,34 м) вплотную примыкали к внешней стене, но не были связаны с ней. Под завалом камней был угольный слой, в котором находились остатки жердей и бревен. Ниже этого слоя зафиксирована прослойка сероатой глины, а под ней плотный зольный слой, лежащий на полуметровом слое обгорелой земли. Все это свидетельствует о сильном пожаре. Пол помещения — скальный выход с уступом, выравненным плоскими плитками. В северной стене значительно выше уровня пола находился проем, служивший, очевидно, своеобразным лазом, который вел за внешнюю стену.

Помимо башен, было раскрыто одно из жилых помещений прямоугольной формы. Оно было завалено камнями. Под завалом — слой плотной щебенки и мелких камней, ниже — тонкий глинистый слой обмазки на скале, выравненной мелкими камнями и щебенкой.

В центре помещения найден круглый камень, а рядом с ним — остатки обгоревшего бревна. В юго-западном углу обнаружена печь с дымоходом, представлявшая собой две поставленные на ребро плиты; на них горизонтально лежала третья плита, между нею и стенкой помещения проходил дымоход. Печь была сооружена на скальном возвышении, которому с помощью камней и глины была придана четырехугольная форма. Вся конструкция

напоминает разновидность современных аварских печей «коров», предназначенных для сушки зерна и выпечки хлеба.

На территории поселения и при зачистках собран большой археологический материал: обломки красноглиняных пифосов, покрытых сплошной штриховкой, кувшинов с носиками, украшенных точечным и врезным орнаментом, поливных чаш, стеклянных браслетов и пр. Комплекс этих находок позволил определить время жизни поселения IX—XIII вв.

Описанная средневековая крепость была одним из звеньев глубоко продуманной оборонительной системы, защищавшей немногие подступы Хунзахского плато. В настоящее время известны еще две крепости — Игитль и Матлас, запирающих подступы к плато с юга и запада. Расположение, размеры и назначение этих крепостей в большой мере сближает их с чиннабской. Согласно устной традиции и местным нарративным источникам, в этих крепостях жили вассалы аварского хана Сураката, прославившегося борьбой против арабов. В легендарной личности этого правителя улавливаются реальные черты исторического лица, одного из царей Серира — крупнейшего политического образования раннефеодального периода на Северном Кавказе, локализуемого исследователями на территории современной Аварии и ближайших к ней районов¹⁰. Нет сомнения в том, что дальнейшие раскопки Чиннабской крепости прольют некоторый свет на этот интересный период прошлого Дагестана.

---

¹⁰ W. Barthold. *Daghestan, Encyklopedie d'Islam*, vol. I, 1912, стр. 911; С. Т. Еремьян. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского царя Вараз-Трдата. — *ЗИВ АН ССРР*, т. 7, 1939, стр. 144; V. F. Minor sky. *A history of Sharvan and Derband*. Cambridge, 1958.

В. И. КОЗЕНКОВА

АНТРОПОМОРФНЫЕ СТАТУЭТКИ ИЗ СЕРЖЕНЬ-ЮРТА

Древнее поселение у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии, как показали раскопки, возникло в эпоху энеолита (III тысячелетие до н. э.). Жизнь на нем продолжалась со значительными перерывами до середины I тысячелетия до н. э.¹

Мало выразителен нижний так называемый энеолитический слой, лучше сохранился верхний основной слой поселения на холме 1. Стратиграфия памятника и комплекс находок дают возможность отнести наиболее интенсивный период жизни поселения к IX—VII вв. до н. э.

Находки верхнего слоя поселения эпохи поздней бронзы — раннего железа связаны с культурой центрального Кавказа и характеризуют восточный локальный вариант кобанской культуры.

Среди материалов из раскопок поселения Сержень-Юрт большой интерес представляет группа терракотовых антропоморфных статуэток, впервые обнаруженных в столь значительном количестве.

Найдено 35 статуэток, причем 27 — в слое (в большинстве у развалов жилищ) и 8 — в ямах. 15 экз. представлены в обломках. Техника изготовления статуэток чрезвычайно проста: они лепились ручным способом без применения формы. На поверхности статуэток отчетливо видны отпечатки пальцев и ногтей. По технологии все они делятся на две резко отличные группы: 1) статуэтки из хорошо отмученной глины ярко-красного цвета, без примесей в тесте, довольно слабого обжига; 2) статуэтки из коричневатой или черной в изломе глины, с примесью шамота, хорошего, но неровного обжига, в результате чего поверхность статуэток покрыта коричневатыми, серыми и черными пятнами. По технологии первая группа близка керамическим изделиям, характерным для энеолита Чечено-Ингушетии (Бамут, Луговое поселение, поселение Сержень-Юрт II), а вторая — керамике из основного верхнего слоя поселения Сержень-Юрт I IX—VII вв. до н. э. По количеству статуэтки второй группы значительно преобладают над первой.

В целом антропоморфные статуэтки из Сержень-Юрта отличает единство стиля, главной особенностью которого является схематизм изображения. Но имеющиеся различия в моделировке лица, головы, туловища, положении рук и ног, различия в позах позволили выделить восемь типов статуэток.

I тип (рис. 25, 1—3). К нему относится 10 экз. Группа характеризуется моделировкой туловища в виде конического столбика с подчеркнуто обозначенной талией. Руки-бугорки вытянуты вперед. Голова у большинства статуэток не сохранилась; только у одной она обозначена в виде удлиненного острого выступа. Две статуэтки иттифалличны. Высота статуэток от 2,5 см до 3,5 см.

¹ В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 году. — КСИА, вып. 103, 1965, стр. 67—74.

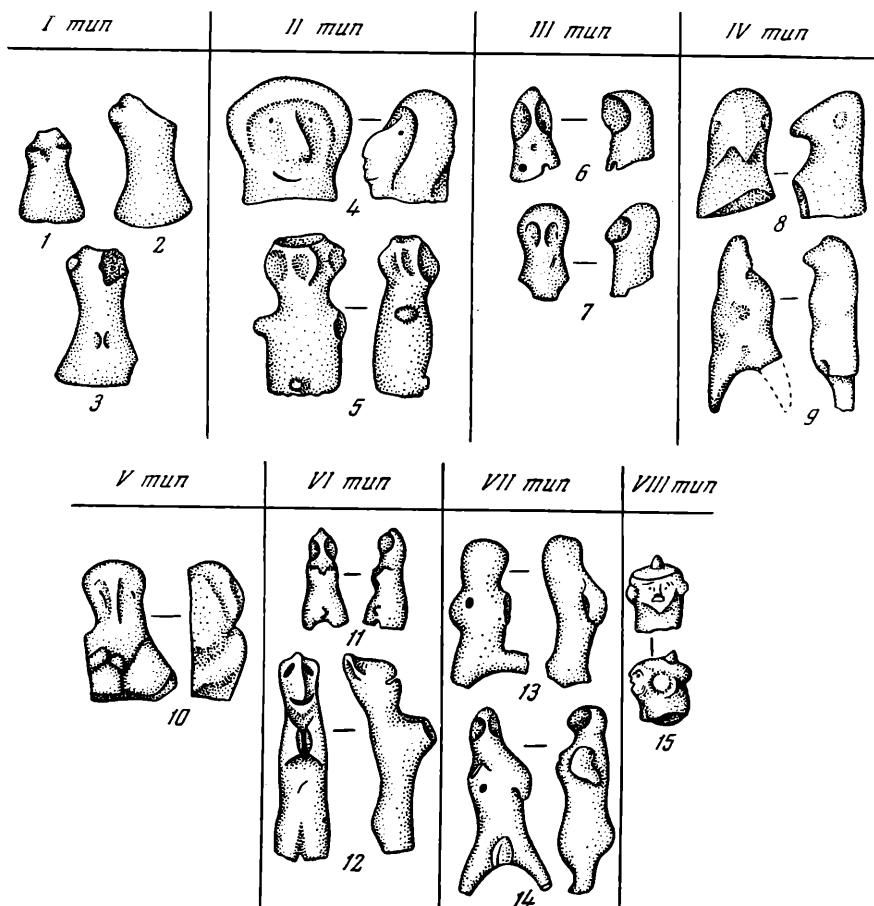

Рис. 25. Поселение Сержень-Юрт. Антропоморфные статуэтки

По составу глины и обжигу три статуэтки первого типа относятся к первой группе, а семь — ко второй.

Одна из трех статуэток первой группы найдена на поселении II в слое энеолитического времени.

На Кавказе имеются лишь отдаленные аналогии первому типу статуэток. Например, прием моделировки длинной шеи, наблюдаемый на сержень-юртовской статуэтке из поселения II, перекликается с одной из статуэток из кургана из Ульского аула².

Среди антропоморфных статуэток из Квацхелеби (Грузия) в слое, датированном серединой III тысячелетия до н. э., имелись экземпляры, формой туловища в виде столбика напоминавшие статуэтки первого типа³.

Таким образом, статуэтки, аналогичные первому типу, в виде примитивного столбика из глины, по-видимому, имели широкие хронологические границы. На юге Кавказа и в сопредельных с ним южных областях они встречаются в слое памятников преимущественно энеолитического времени, а на Северном Кавказе, учитывая их находки в верхнем основном слое поселения Сержень-Юрт I, следует предположить, что они доживают до эпохи раннего железа.

² Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России. — ИАК, вып. 35, 1910, табл. II.

³ А. И. Джавахишвили и Л. И. Глonti. Урбниси. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби. Тбилиси, 1962, табл. IV, 197.

II тип (рис. 25, 4—5) представлен одним целым экземпляром и одним обломком головы статуэтки. Статуэтки второго типа характеризуются туловищем в виде столбика (в чем выражается их некоторое сходство с первым типом), большой уплощенной головой с хорошо моделированным выступающим носом; у одной из статуэток глаза и ноздри нанесены углубленными точками, а рот прочерчен острым инструментом. Руки в виде бугорков расставлены в стороны. Иногда подчеркнут мужской признак. Высота более сохранившейся статуэтки равна 5 см.

По технологическим признакам статуэтки второго типа относятся ко второй группе. Некоторое сходство наблюдается с глиняной статуэткой из Дагестана, найденной А. Русовым при раскопках около Катартаг-тапа⁴. Типологически близка статуэткам второй группы и антропоморфная фигурка из Квацхелеби, датируемая началом III тысячелетия до н. э.⁵

Таким образом, статуэтки второго типа из Сержень-Юрта, так же как и первый тип, вероятнее всего, раннего происхождения, но доживают до эпохи поздней бронзы — раннего железа.

III тип (рис. 25, 6—7). Эта группа объединяет две головки с хорошо выделенной шеей и лицом, моделированным аккуратным защипом. По размерам головок можно предположить, что высота была не менее 10—12 см. У одной из статуэток грудь обозначена двумя отверстиями. По тесту и обжигу обе статуэтки можно отнести ко второй технологической группе.

IV тип (рис. 25, 8—9). В основу выделения этой группы положен прием моделирования головы. Статуэтки имели голову клиновидной формы и выступающий клювовидный нос. Обломок одной довольно крупной по размерам статуэтки изготовлен из хорошо отмученной глины и по технологическим признакам относится к первой группе. Вторая статуэтка почти целая, с раздвоенными ногами, схематически обозначенными руками в виде утолщения на груди. По обжигу и глине она относится ко второй технологической группе. Статуэтка небрежно изготовлена из темной глины. Обжиг неравномерный. Высота ее равна 5,2 см.

Статуэтки с моделировкой головки, как у статуэток четвертой группы, известны на Кавказе в памятниках эпохи бронзы. Например, в кургане у Ульского аула⁶, раскопанном Н. И. Веселовским, была найдена женская статуэтка, головка которой напоминает сержень-юртовские образцы. Близкую моделировку головы мы находим у глиняной статуэтки из Узерлик-тепе (Азербайджан) в слое начала — середины II тысячелетия до н. э.⁷

Таким образом, и в данном случае наблюдается явление длительного переживания архаических черт у одного и того же типа на протяжении многих веков, как это имело место у I—III типов.

V тип (рис. 25, 10). Представлен в коллекции только одним обломком верхней части статуэтки, изготовленной из черной, плохо промешанной и слабообожженной глины. Лицо моделировано схематично небрежным защипом. Задняя сторона статуэтки плоская, а спереди на груди грубым налепом изображены сложенные руки. Возможно, этому образу соответствует образ женщины с ребенком у груди, известный в глиняной, костяной и бронзовой скульптуре Кавказа и Передней Азии. Из кавказских материалов можно вспомнить случайную находку из Дагестана⁸ костяной статуэтки, примитивно трактующей образ женщины с ребенком у груди, бронзовые статуэт-

⁴ Протоколы Подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе. М., 1879, табл. XVI.

⁵ А. И. Джавахишвили и Л. И. Глонтти. Указ. соч., табл. IV, 282.

⁶ Н. И. Веселовский. Указ. соч., табл. II.

⁷ К. Х. Кушнарёва. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе, около Агдама. — МИА № 67, 1959, стр. 418, рис. 23; стр. 420.

⁸ В. И. Марковин, М. И. Исаков. Древняя костяная статуэтка из Дагестана. — КСИИМК, вып. 74, 1959, рис. 59, 1.

ки с Центрального Кавказа⁹, а также бронзовые женские фигурки кобанского времени из Абхазии¹⁰. По технологии статуэтка относится ко второй группе, что позволяет, вероятней всего, связать ее с верхним слоем.

VI тип (рис. 25, 11—12). 12 статуэток этого типа составляют самую многочисленную группу, стратиграфически относящуюся к верхнему культурному слою поселения 1. Девять из них найдены в слое вблизи развала жилищ и на вымостке, а три — в ямах. Статуэтки характеризуются моделировкой лица зашипом, иногда голова схематично обозначена выступом. Туловище утолщено, ноги раздвоены и широко расставлены. Существуют экземпляры с сомкнутыми ногами. Руки вытянуты вперед или вверх. Поза стоячая или полусидячая, корпус откинут назад. Некоторые из них иттифалличны. Высота статуэток различна: от 3 до 6,5 см. По составу глины и обжигу статуэтки относятся ко второй группе.

Если исходить из формального сходства, статуэтки шестого типа не имеют точных аналогий в кавказских материалах. Смысловое же содержание фигурок, выраженное в определенной устойчивости позы, в положении рук, в иттифалличности некоторых статуэток, заставляет вспомнить многочисленные параллели среди бронзовых статуэток, известных по раскопкам кобанских и синхронных с ними могильников, по материалам Казбекского клада и случайным сборам на Кавказе. Сопоставление некоторых из них приводит к мысли, что глиняные статуэтки из Сержень-Юрта I примитивно изображают те, хорошо известные в древности, мифологические персонажи, что и статуэтки из бронзы. Бесспорно, бронзовые статуэтки требовали большего мастерства при изготовлении, чем глиняные, и рассчитывались на длительное их использование при особо торжественных и важных церемониях. Не случайно поэтому их находили или в могилах (незначительное количество), или в особых местах массового поклонения языческим богам, в таких, например, как известные горные святилища в Дагестане¹¹. На поселениях же бронзовые идолы заменялись рядами глиняными, изготовленными в весьма примитивном стиле. Но, несмотря на силу традиции этого стиля, на незамысловатость фигурок шестого типа, в них все же ясно проглядывает стремление древнего скульптора приблизить трактовку их позы и жестов к бронзовым образцам. Например, полусидячие фаллические статуэтки шестого типа из поселения напоминают знаменитые мужские статуэтки из Казбекского клада¹², а также более грубую по исполнению статуэтку из Кобанского могильника¹³. Статичные фигурки с расставленными ногами и руками, вытянутыми вперед, типологически близки бронзовым статуэткам из дореволуционных собраний Ипполитова¹⁴ и Комарова¹⁵ и имеют сходные черты с бронзовыми мужскими статуэтками из случайных сборов в Азербайджане (р-н Ганджи), Дагестане¹⁶ и Осетии¹⁷.

VII тип (рис. 25, 13—14). Эта группа, включающая 5 экз, как и статуэтки шестого типа, стратиграфически относится к основному верхнему слою IX—VII вв. до н. э. Она объединяет статуэтки с небрежно модели-

⁹ П. Уварова. Могильники Северного Кавказа.—МАК, т. VIII. М., 1900, стр. 64, рис. 59; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г.—Изв. Русского Географического Общества, т. XX, 1884.

¹⁰ Б. Л. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. 1. Тбилиси, 1949, стр. 238—239.

¹¹ А. А. Иессен. Отчет о работах за р. Сулак.—ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 35; А. П. Круглов. Культурные места горного Дагестана.—КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 31—40.

¹² А. М. Tallgren. Kaukasische anthropomorphe Eiguren und der Vorderasiatische Kulturkreis.—Jahrbuch für Prähistorische ethnographische Kunst. Berlin. 1930, Fig. 3, 4, 7.

¹³ Труды V археологического съезда в Тифлисе. М., 1887, табл. X.

¹⁴ Труды III археологического съезда. Атлас. Киев, 1878, табл. V.

¹⁵ А. А. Захаров. Material for the Archaeology of the Caucasus.—Anthropomorphie bronze Statuettes. Swiatowit, XV, Warszawa, 1933, рис. 125.

¹⁶ Там же, рис. 2; стр. 82, рис. 59; стр. 102, рис. 122.

¹⁷ П. Уварова. Указ. соч., стр. 64, рис. 61, 62.

рованным туловищем и раздвоенными ногами. Поза полусидячая или стоячая. Характерный признак — заложенные за спину одна или обе руки. Имеется экземпляр, у которого обе руки заложены за спину, а левая нога поднята в сторону. По технологии статуэтки относятся ко второй группе. Сходная статуэтка, но из бронзы (с поднятой ногой) происходит из юго-восточной части Армении (Саракамыш), где она была найдена в районе развалин халдского (урартского) храма¹⁸.

VIII тип (рис. 25, 15). В отдельный тип выделена головка статуэтки с короткой шеей, широким уплощенным лицом, слегка выступающим носом и рельефно моделированными ушами. Рот и глаза нанесены острым инструментом в виде углублений. На голове статуэтки надета схематично изображенная «шапка» с острым выступающим шипом на макушке (возможно, имитация шлема). Статуэтка по составу глины относится к первой технологической группе и, вероятно, происходит из раннего так называемого энеолитического слоя.

На всех антропоморфных терракотах из Сержень-Юрта лежит отпечаток самобытности, и сходство в привлекаемых аналогиях наблюдается лишь в общих деталях.

Большинство исследователей предполагает, что антропоморфные статуэтки имели определенное отношение к верованиям и идеологии древнего населения Кавказа. А. А. Захаров относил группу кавказских статуэток из бронзы к изображениям типа божеств, сходных с богом Шамашем или Зевсом¹⁹. А. И. Джавахишвили и Л. И. Глonti увязывали антропоморфные терракоты из Квацхелиби с культом грузинского божества Телепинус-Тулепиа²⁰. В работе Л. Г. Цитланадзе мы находим отождествление некоторых бронзовых статуэток с образом божества пшавов и хевсуров — Квириа²¹.

В ряде культовых обрядов народов Кавказа сохранились отголоски широкого применения при ритуальных церемониях антропоморфных идолов. Таково, например, изображение богини плодородия и плодоносящей силы Тушоли у чеченцев²², а также матери вод у абхазов²³. Об этом свидетельствует обычай делать антропоморфные фигурки из теста, серебра и меди у кахетин, имеретин и армян²⁴.

Изучение новой группы антропоморфных терракот позволит более глубоко осветить вопросы идеологии и мировоззрения древнего населения, этапы развития кавказской пластики, взаимозависимость бронзовой и терракотовой скульптуры и, наконец, вопросы развития древнего искусства Кавказа во взаимосвязях с окружающим миром.

¹⁸ А. А. Захаров. Указ. соч., стр. 74, № 30, 32, 33, 35, рис. 32, 35.

¹⁹ Там же, стр. 66.

²⁰ А. И. Джавахишвили и Л. И. Глonti. Указ. соч., стр. 63.

²¹ Л. Г. Цитланадзе. К некоторым вопросам Казбекского клада (резюме на русском языке). Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1963, стр. 58—59.

²² Е. Шиллинг. Ингуши и чеченцы.—Религиозные верования народов СССР, т. II. М., 1931, стр. 33.

²³ Н. Джанашиа. Указ. соч., стр. 162.

²⁴ М. Плисецкий. Грузины.—Сборник. Религиозные верования..., стр. 107, рис. 36; А. В. Комаров. Краткий отчет археологических находок в Кавказском крае за 1882 г.—Изв. Кавказского общества истории и археологии, т. 1, вып. 2. Тифлис, 1884, стр. 41, рис. 8; В. В. Бардавелдзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 91, табл. VIII, 1.

Г. П. КЕСАМАНЛЫ

МЕДНЫЕ КОТЛЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА¹

В 1927—1928 гг. в окрестностях сел. Човдар Дашкесанского р-на Азербайджанской ССР были обнаружены два медных котла, представляющие большой интерес. Сел. Човдар расположено в 20 км к юго-западу от г. Кировабада, в одном из отрогов Гиналдага (Малый Кавказ), в бассейне р. Кошкар-чай. На территории сел. Човдар открыты древние погребальные памятники в виде каменных ящиков и курганов. Раскопки их были начаты еще до революции. В 1901 г. Э. А. Реслером², в 1903 г. Г. О. Розендорфом³, в 1905 г. В. А. Скиндером⁴ здесь был раскопан ряд каменных ящиков и курганов. В 1926—1928 гг. Д. М. Шарифов исследовал 32 каменных ящика и один курган⁵. Опубликованы только материалы раскопок 1926 г.⁶

В одном из каменных ящиков (№ 11), раскопанном в 1928 г., был найден один из описываемых котлов.

Этот ящик был покрыт большой плитой, а боковые стены сложены из девяти огромных плит. Размеры: длина (С—Ю) 156 см, ширина (З—В) 138 см, глубина 85 см (рис. 26, а). Костяк истлел. Инвентарь состоял из трех глиняных сосудов, медного котла, бронзового наконечника копья, трех бронзовых браслетов и ножа.

Наибольший интерес в комплексе представляет медный кованый котел⁷ (рис. 26, б). Он имеет форму усеченного конуса. К стенке его приклепаны с каждой стороны по две фигурные медные полоски. Концы этих полосок свернуты так, что образуются ушки. Из медного стержня шириной 1 см выгнута ручка почти трапецевидной формы. Концы этих ручек пропущены в ушки указанных фигурных полос и загнуты. Край котла отогнут наружу, а дно слегка выпуклое. От долгого употребления на дне котла в трех местах образовались трещины. На эти трещины были приложены медные пластинки и прикреплены с помощью заклепок. Венчик и ручки котла орнаментированы двойными волнообразными линиями. Размеры котла: высота 14 см, диаметр венчика 38 и дна 45 см, длина ручки 10 см.

¹ Доклад, прочитанный на заседании секции отчетной сессии ИА АН СССР в 1965 г.

² Археологические исследования Э. А. Реслера в Елизаветпольской губернии в 1901 г.— ИАК, вып. 12, 1904; ИАК, вып. 16, 1905.

³ Отчет ИАК за 1903 г.

⁴ В. А. Скиндер. Опыт археологической разведки. Пятигорск, 1906.

⁵ Д. М. Шарифов. Раскопки близ с. Човдар Ганджинского уезда.— Изв. Азкомстариса, вып. 4, тетрадь 2. Баку, 1927, стр. 239; Он же. Отчет (предварительный) об археологических разысканиях в окрестностях с. Човдар Ганджинского уезда в августе-сентябре 1928 г.— Архив Музея истории Азербайджана, д. 81.

⁶ Д. М. Шарифов. Раскопки близ с. Човдар.

⁷ Музей истории Азербайджана, д. 1702.

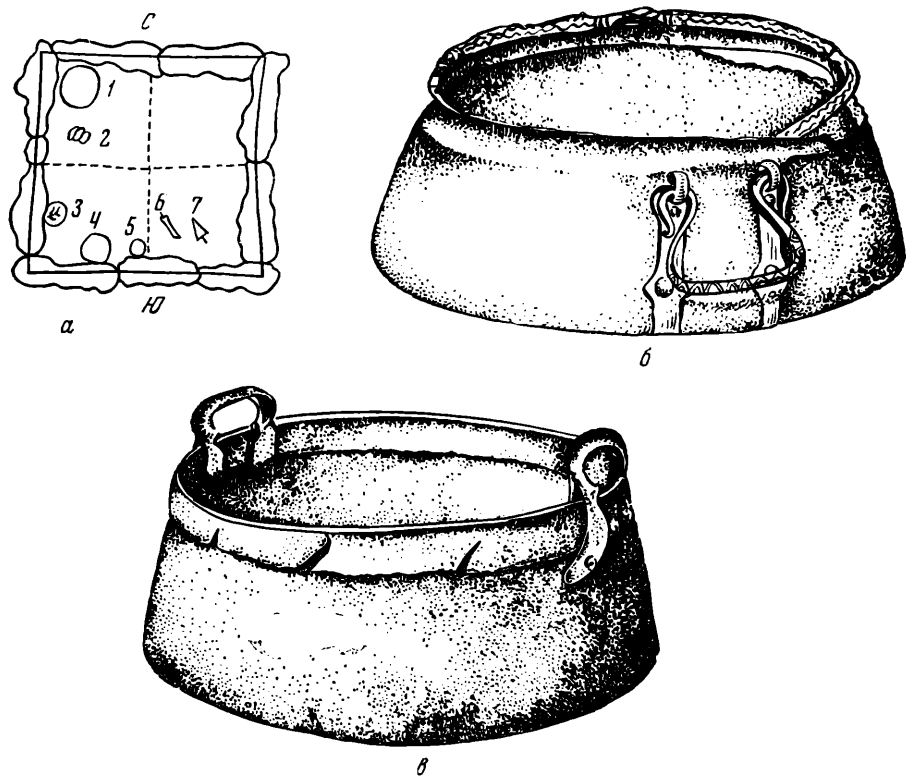

Рис. 26. Могильник у сел. Човдар

а — план погребения 11; 1 — медный котел; 2 — бронзовые браслеты; 3—5 — глиняные сосуды; 6 — бронзовый нож; 7 — бронзовый наконечник копья; б — медный котел из погребения 11; в — медный котел из с. Човдар, случайная находка

Обряд захоронения и обнаруженный в могиле инвентарь позволяют отнести данный комплекс к эпохе поздней бронзы и датировать его примерно рубежом II—I тысячелетий до н. э.

Весь комплекс, за исключением медного котла, находит ближайшие и многочисленные аналогии в памятниках так называемой Ходжалы-Кедабекской культуры⁸.

Из случайных находок в окрестностях сел. Човдар происходит еще один медный котел⁹. Он был найден в 1927 г. при земляных работах в местности Газ-Тун и доставлен Р. Петросяном в Музей истории Азербайджана. Этот кованый котел, подобно первому, сделан из цельного бронзового листа и имеет такую же форму (рис. 26, в). Верх котла обрамлен приклепанной медной полосой шириной 4 см. У котла дугообразные ручки, расположенные друг против друга и поднимающиеся вдоль его стенок. Дугообразная ручка сделана из стержня, концы которого расплющены и разрезаны по продольной оси. Ручка прикреплена к верху котла так, что одна половина находится внутри, а другая — снаружи. Ручка прикреплена к стенке двумя заклепками. Размеры котла: высота 22 см, диаметр венчика 40 см и днища 47 см, высота ручки 5 см, ширина 1,5 см.

⁸ Н. В. Минкевич-Мустафаева. Ходжалы-кедабекская культура.— Материальная культура Азербайджана, т. 4. Баку, 1963.

⁹ Музей истории Азербайджана, д. 529.

Бликие по форме медные котлы с такими же ручками найдены в Триалети (курганы V и XV)¹⁰ и в Тбилиси (Навтулуг, погребение 1)¹¹, в комплексах позднебронзовой эпохи.

Интересно отметить, что обломок подобного медного котла был обнаружен еще в 1901 г. Э. Реслером в Елизаветпольской губ. Азербайджана¹². К сожалению, точное место и условия этой находки не известны. Но по всей вероятности, как этот обломок медного котла, так и второй из описанных котлов по аналогиям относятся к эпохе поздней бронзы. Следовательно, мы можем сказать, что в конце бронзового века в Закавказье, в том числе и в Азербайджане, получает распространение металлическая посуда, в частности медные котлы. Техника их выделки свидетельствует о высоком уровне развития металлообработки, которого достигло население Закавказья в эту эпоху.

---

¹⁰ Б. А. К у ф т и н. Археологические раскопки Триалети, т. 1. Тбилиси, 1941; Государственный музей Грузии, д. № Ц₂ 247 и № Ц₃ 401.

¹¹ Д. К о р и д з е. Археологические памятники. Тбилиси, 1953, табл. XXVI (на груз. яз.).

¹² Государственный исторический музей, д. 35176, 37/2.

И. Т. КРУГЛИКОВА

РАСКОПКИ ГОРГИППИИ

Раскопки города Горгиппии, которую Страбон называл столицей синдов¹, проводятся систематически с 1960 г.²

Территория Горгиппии полностью перекрыта современным городом Анапой. Археологические раскопки в таких условиях связаны с большими трудностями и могут производиться только на местах новостроек или во дворах домов.

С 1959 по 1964 г. были проведены раскопки на шести участках (рис. 27)³.

Раскопы VI, VII, VIII (в районе кинотеатра «Родина» и к востоку от него) позволили исследовать участок горгиппийского некрополя. Раскопы I и V («Город» и «Кубанский») открыли часть ремесленного и жилого кварталов. На раскопе III («Берег») обнаружили рыбозасолочные цистерны, а раскопки в районе гостиницы выявили следы городского акрополя. Там, на участке, ближайшем к Греческому переулку, где в 1939 г. была обнаружена знаменитая статуя Неокла⁴, был разбит раскоп «Гостиница II». Зимой 1961/62 г. там была найдена целая серия надписей, в том числе рескрипт Аспурга 15 г. н. э.⁶, несколько обломков мраморных плит со списками имен горгиппийцев II в. н. э., обломки мраморной статуи, очень близкой по типу статуе Неокла (рис. 28). Часть из них была обнаружена случайно при рытье котлована в декабре 1961 г., другая — в раскопе. В том же районе в 1959 г. была вынута при рытье фундамента аттическая мраморная плита IV в. до н. э. с изображением погребальной трапезы⁷ и ряд других обломков мраморных статуй.

При земляных работах на этом участке были найдены: половина барабана колонны от здания дорийского ордера, крупные, хорошо обработанные известняковые блоки, части архитектурных деталей больших зданий, обломки мраморных и известняковых стел. На раскопе «Гостиница II»⁵ слои античного времени были вскрыты на площади 66 м². Материк находился на

¹ Страбон, XI, 2, 10.

² Работы проводятся Анапским краеведческим музеем совместно с Институтом археологии АН СССР; И. Т. Кругликова и Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе.—КСИА, вып. 95, 1963, стр. 66 и сл.; И. Т. Кругликова. Из раскопок в Анапе.—Искусство, 1963, IX, стр. 67 и сл.

³ Примерные очертания города были намечены В. Д. Блаватским в результате разведочных работ 1949 г. (см.: В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе.—КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 246—247).

⁴ М. М. Кобылина. Скульптура Боспора.—МИА, № 19, 1951, стр. 171 и сл. Там перечислены предыдущие публикации этой статуи.

⁵ Руководитель раскопа Т. М. Смирнова.

⁶ Т. В. Блаватская. Рескрипты царя Аспурга I.—СА, 1965, № 2, стр. 197 и сл.

⁷ И. Т. Кругликова. Мраморный рельеф из Анапы.—СА, 1962, № 1, стр. 282—289.

глубине 3,8—4,1 м. Наиболее ранний слой относился к концу V—IV вв. до н. э. В нем встречены обломки хиосских, фазосских, гераклейских, синопских амфор, а также амфор, центры производства которых не известны, обычно называющихся по внешнему виду амфорами с рюмковидными или с колпачковыми ножками, или типа «Солоха II»⁸. Здесь же обнаружены обломки черепиц, простых чернолаковых и расписных сосудов и остатки

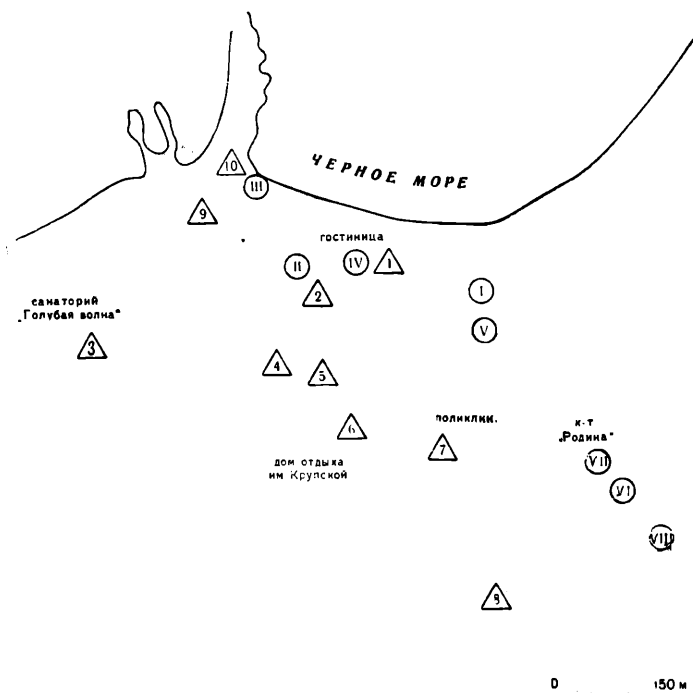

Рис. 27. Схематическое расположение раскопок и случайных находок на территории Анапы. Условные обозначения: о — места раскопок; Δ — случайные находки

I — раскоп «Город» (1959—1964 гг.); II — раскоп «Гостиница I» (1961 г.); III — раскоп «Берег» (1960 г.); IV — раскоп «Гостиница II» (1962 г.); V — раскоп «Кубанский» (1962 г.); VI — раскоп «Астраханский» (1963—1964 гг.); VII — раскоп к-т «Родина» (1958—1959 гг.); VIII — раскоп во дворе бани (1957 г.);

Случайные находки: 1 — статуя Неокла (1939 г.); 2 — рельефная плита IV в. до н. э. (1959 г.); 3 — клад пантикапейских монет (1954 г.); 4 — культурный слой с находками от V в. до н. э. по II в. н. э. (наблюдение за рытвом котлована в 1949 г.); 5 — мраморные плиты с надписями (1959 г.); 6 — обломок декрета и керамика (XIX в.); 7 — профилированный мраморный блок (1948 г.); 8 — саркофаг; 9 — культурный слой с находками IV в. до н. э.—III в. н. э. (наблюдение за рытвом котлована в 1964 г.); 10 — мраморный торс (Афродиты?)

вымостки из каменных плит. В слое III—II вв. до н. э. строительных остатков не было. Но к слою I в. до н. э.—I в. н. э. относится целый ряд каменных кладок и вымостка. Небольшие размеры раскопа не позволили выявить планов построек, которым принадлежали эти кладки. Одна из стен (№ 2—4) толщиной до 2,4 м была двупанцирной с бутом посредине и принадлежала, вероятно, большому общественному зданию. Среди забутовки найден обломок кирпича с вырезанным на нем сарматским знаком. Другая кладка (№ 8) толщиной 1,5 м представляла собой также фундамент большой постройки. Он был сложен из крупных, хорошо обработанных камней известняка с забутовкой между двумя панцирями. Во II или III в. н. э. стены

⁸ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83, 1960, табл. IV, 2; V, 14; VII, 20; X, 23; XVIII, 35 и др.

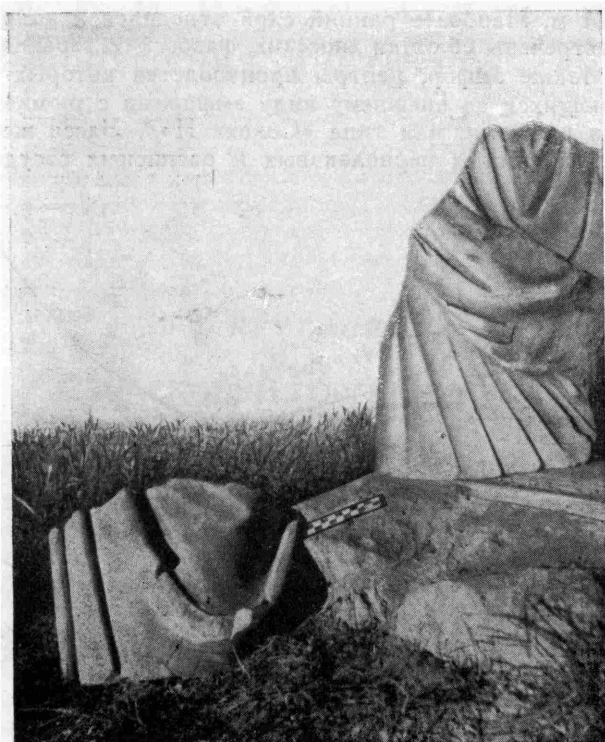

Рис. 28. Обломки мраморной статуи

этого здания, по-видимому, были разобраны, сохранился лишь его фундамент. К следующему слою II—III вв. н. э. относится вымостка из каменных плит, не перекрывшая, однако, кладок нижележащих слоев, что позволяет предполагать существование общественных построек до времени сооружения этой вымостки.

Раскоп «Кубанский»⁹ площадью около 60 м² был расположен на углу улиц Кубанской и Свободы во дворе строящегося детского санатория «Мотылек». Здесь раскрыта часть постройки II—III вв. н. э., при сооружении которой была прорезана вся толща культурного слоя до материка. Здание имело каменные стены и черепичную крышу. Черепица была однотипной: солены плоские с загнутыми краями, калиптеры полукруглые с продольными желобками. Единичные обломки двускатных черепиц, вероятно, использованных вторично, свидетельствуют о том, что и в эллинистическое время этот район входил в черту города. Об этом же говорят и найденные в культурном слое обломки амфор IV в. до н. э.: гераклеийских, рюмковидных и синопских, среди последних имелась ручка с клеймом:

Ἰστιαίου	Орел
ἄστινός (μου)	на
Νίμαχτος	дельфин

Такие клейма относятся Б. Н. Граковым к первой хронологической группе синопских клейм¹⁰ и датируются IV в. до н. э. В слое, заполнявшем поме-

⁹ Начальником раскопа была В. А. Устинова. Находки с этого раскопа хранятся в музее Харьковского государственного университета.

¹⁰ Б. Н. Граков. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 118.

щения, был найден ряд остро-
донных амфор редкой для Бос-
пора формы: из коричневой
глины с желобком на горле и
плоскими почти вертикально
опускающимися ручками, из
желтой глины с ангобом с раз-
дутым туловом и невысоким
горлом, а также обычные уз-
когорлые светлоглиняные ам-
форы и красноглиняные с же-
лобчатым туловом. Здесь же
встречались обломки мисок,
блюд, тарелок, покрытых
тусклым жидким красным ла-
ком, и несколько обломков
блюд, украшенных пятью
рельефными линиями с врез-
ными углублениями по краю.
Встречались также сероглиня-
ные сосуды с черным лоще-
нием, простые, сделанные на
гончарном круге, и лепные
закопченные сосуды типа
кастрюль. В одной из амфор,

Рис. 29. Светильники из раскопок гончарной
печи

найденных на полу помещения, были рыбы кости, в другой — кости свиньи. Помещение датируется монетами Савромата I, Римиталка и Савромата II, т. е. периодом II — начала III в. н. э. По-видимому, в первой половине III в. н. э. помещение перестало существовать. Но на месте разрушенного здания в IV в., возможно, продолжалась жизнь. В пользу этого предположения говорят находки в верхних слоях обломков краснолаковых мисок с орнаментом в виде рядов маленьких прямоугольников, оттиснутых штампом, относимых исследователями к IV в. н. э.¹¹ Раскоп «Кубанский» показал, что этот участок в античное время находился внутри городской черты и (судя по находкам импортных краснолаковых блюд и серебряной ложечки) в кварталах, населенных зажиточными горожанами.

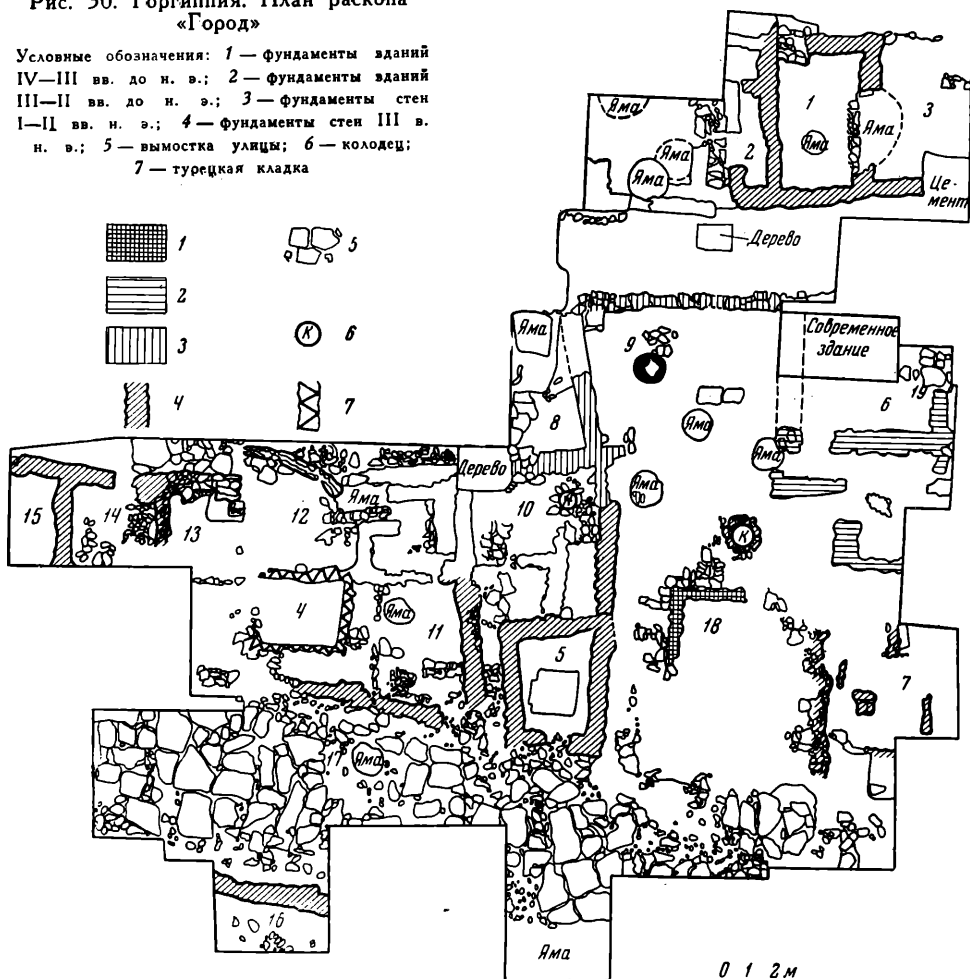
Третий из раскопов — «Город» площадью 775 м² исследуется систематически с 1960 г. Под верхним слоем турецкого и более позднего времени лежал слой II—III вв. н. э., к которому относится наибольшее количество строительных остатков (слой IV—V вв. н. э. здесь не выявлен). Среди них — большой отрезок улицы, вымощенной крупными каменными плитами, остатки гончарной печи и трех или четырех домов. Длина расчищенной части улицы, ориентированной с востока на запад, — 30,4 м, ширина — 7—7,5 м. По обеим сторонам к улице примыкали дома. Южная сторона улицы еще не расчищена. Здесь от здания II—III вв. открыт только фундамент одной из стен длиной 5 м. К северу от улицы находился участок, принадлежавший владельцу керамической мастерской. В юго-восточной части раскопа в 1962 г. было обнаружено основание гончарной печи. Она имела прямоугольную форму — 3,5 × 3,1 м. Судя по значительному количеству золы и сажки, топка печи находилась в ее юго-западном углу. От центрального столба, поддерживавшего под печи, сохранились лишь нижние плоские камни, положенные в виде прямоугольника размером 0,6 × 0,8 м. Основание печи было углублено в землю на 0,7—0,9 м ниже уровня почвы современного ей слоя. Этот уровень хорошо прослеживается благодаря на-

¹¹ Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. — МИА, № 85, 1958, стр. 310, рис. 20.

ходящимся вблизи печи кучам песка и глины, служившим, вероятно, для приготовления глиняного теста. Стены печи, сложенные в нижней части из камней и черепицы, были выложены внутри сырцовыми кирпичами. Внутри ее найдены один целый¹² и несколько обломков однотипных горшочков со стилизованными зооморфными ручками, обломки небольших алтариков и других керамических изделий. Там же найдена муфтообразная подставка

Рис. 30. Горгияппия. План раскопа «Город»

Условные обозначения: 1 — фундаменты зданий IV—III вв. до н. э.; 2 — фундаменты зданий III—II вв. до н. э.; 3 — фундаменты стен I—II вв. н. э.; 4 — фундаменты стен III в. н. э.; 5 — вымостка улицы; 6 — колодезь; 7 — турецкая кладка

под амфору (рис. 31, 2) с одним отверстием в стенке и монета Савромата II (196—210 г. н. э.), позволяющая относить время гибели печи к началу III в. н. э. В районе печи был найден бронзовый светильник (рис. 29), простой глиняный светильник с рельефным щитком, бронзовая статуэтка Афродиты¹³, железная мотыга (рис. 31, 1). К северо-западу от печи находился колодезь. Обширный двор отделял печь от здания с подвалом (№ 5), находившегося к западу от нее. Вход в помещение был с улицы. Через длинный коридор, находившийся с запада от этого помещения, можно было проникнуть в другие комнаты здания. Но из-за сильных перекопов и выборки камней стен в период с XV по XIX в. плана всего дома пока установить

¹² И. Т. Кругликова, Боспор III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований.— КСИА, вып. 103, 1965, стр. 5, рис. 5.

¹³ Там же, стр. 7, рис. 2.

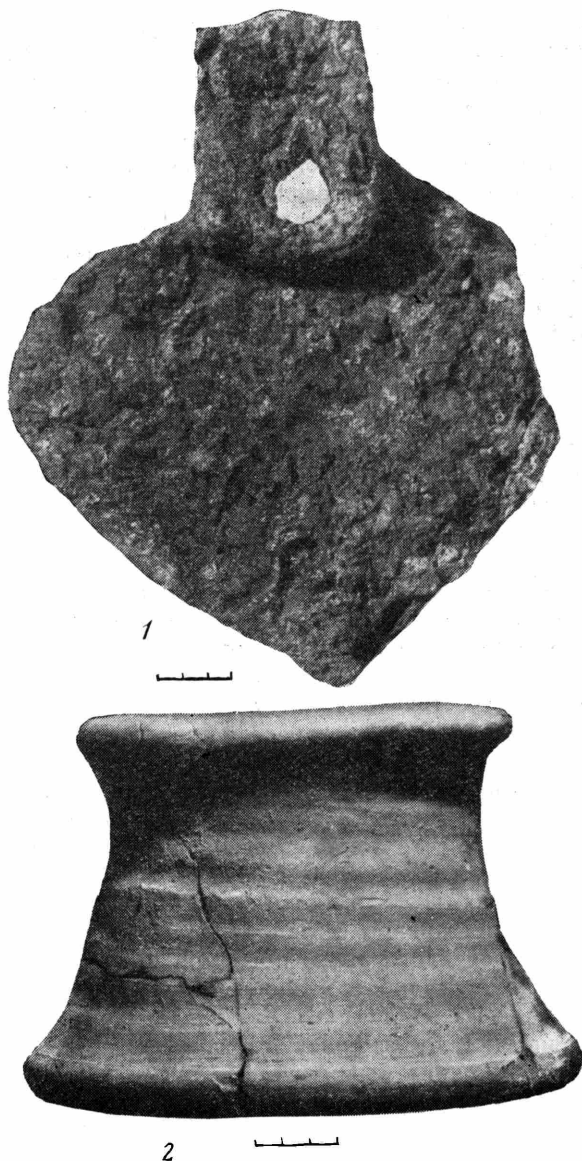

Рис. 31. Находки из раскопок Горгиппии
1 — железная мотыга; 2 — подставка под амфору

не удалось. В западной части раскопа в 1964 г. обнаружены каменный водосток, вымостка и остатки трех помещений III в. н. э. Принадлежали ли они тому же дому, что и помещение № 5, или соседнему — пока установить не удастся, так как большой участок с запада от помещения № 5 очень сильно перекопан в период существования турецкой крепости. Часть дома с помещениями 1 и 3, открытыми в 1960—1961 гг.¹⁴, принадлежала другому зданию, примыкавшему, вероятно, к параллельной, северной улице.

Раскоп «Город» свидетельствует о том, что этот район Горгиппии входил в черту города непрерывно с IV в. до н. э. по III в. н. э. Под каменными плитами мостовой обнаружено несколько слоев щебенковой и булыжной

¹⁴ И. Т. Кругликова и Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 67, рис. 24, 1.

вымосток, наиболее ранний из которых относится к периоду IV—III вв. до н. э. Некоторые из этих слоев являлись подсыпкой под плитяную вымостку, снимавшуюся при ремонтах; крупные плиты, вероятно, употреблялись опять, а отдельные мелкие часто оставались среди щебенковой подсыпки. Направление улицы не менялось, только уровень ее повышался при ремонтах, что свидетельствует об устойчивой планировке города. Устойчивой была и производственная топография района. По-видимому, здесь жили ремесленники и главным образом гончары. Кроме описанной обжигательной печи II—III вв. н. э., в 1958 и 1961 гг. здесь найдены остатки керамической мастерской III—II вв. до н. э.¹⁵ В 1964 г. в северо-западной части раскопа обнаружены остатки еще одной совершенно разрушенной обжигательной печи. Небольшой участок завала печи прорезан большой современной ямой и двумя античными фундаментами, относящимися к I и ко II вв. н. э. Плана печи восстановить не удастся. Печь, по-видимому, была уже разрушена в I в. н. э. Она существовала между II в. до н. э. и I в. н. э. Возможно, к тому же комплексу керамической мастерской, что и печь, относился большой пифос, находившийся в слое желтой глины в 1,5 м восточнее печи. Большое количество отходов металлургического производства говорит о том, что на этом участке города жили ремесленники и других специальностей.

На плитах вымостки улицы III в. н. э. и в слое, ее покрывавшем, в 1963 г. было найдено несколько кусков железного шлака, железная наковальня, кузнечные щипцы и кусочки бронзы — отходы литейного производства. Участок, откуда могли происходить эти предметы, находится к югу от улицы и еще полностью не раскопан, что затрудняет пока определение времени существования металлургической мастерской.

До настоящего времени еще не удалось обнаружить строительных остатков, которые относились бы к начальному периоду существования города на данном участке. Находки обломков расписных краснофигурных ваз позволяют утверждать, что жизнь здесь началась в начале IV в. до н. э. Именно IV в. до н. э. датируется основная масса ранних типов остродонных амфор: фазосских, гераклеийских, синопских и др. Ко второй половине IV в. до н. э. относятся наиболее ранние монеты с головой безбородого сатира вправо на лицевой стороне и протомой орлиноголового грифона или пегаса на оборотной¹⁶. Наиболее ранние из строительных комплексов также датируются IV—III вв. до н. э. Единичные обломки расписных ваз конца V в. до н. э. не дают достаточных оснований для более ранней датировки.

Раскоп «Астраханский» был разбит во дворе старого хлебозавода, где предполагалось сооружение двух жилых зданий. Исследовано три изолированных участка¹⁷. На них в течение 1963—1964 гг. было открыто 27 погребений, относившихся к эллинистическому и римскому времени. Преобладали простые земляные ямы, иногда перекрытые деревянными плахами, встречались могилы с каменными стенками и перекрытиями, а также могилы, выложенные черепицами. Все погребения — одиночные. У трех костяков во рту были медные монеты.

---

¹⁵ А. И. Салов. Археологические находки в Анапе. — СА, 1962, № 2, стр. 215—217 (датировка печи здесь ошибочна). См. И. Т. Кругликова. О гончарной мастерской Горгиппии. — СА, 1962, № 2, стр. 218—224.

¹⁶ Д. Б. Шелов датирует монеты этого типа периодом около 330—315 гг. до н. э. (см.: Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VII—II вв. до н. э. М., 1956, табл. V, 56, 57).

¹⁷ Раскопками некрополя руководили И. Т. Кругликова и Т. М. Смирнова в 1963 г. и Г. А. Цветаева — в 1964 г.

В. И. САРИАНИДИ

РАСКОПКИ В ЮГО-ВОСТОЧНЫХ КАРАКУМАХ

В 1964 г.

Изучение энеолитических памятников в юго-восточных Каракумах¹, продолженное в 1964 г.², сосредоточено было на поселении Геоксюр I. Основной задачей было изучение древней планировки поселения и выявление новых погребальных склепов (толосов) на северной окраине поселения³, где подобные памятники были обнаружены в 1963 г.

Необходимо было определить место толосов в общей системе планировки и установить соотношение толосов с близлежащими зданиями.

Раскоп № 3 (площадь около 600 м²) выявил планировку части древнего поселения, разделенного прямой улицей. К западу находились толосы и два необычных по своему назначению помещения (рис. 32).

Одно из них (помещение № 1) имеет в середине глинобитный очаг — диск с невысоким бортиком и центральным отверстием, заполненным золой и фрагментами керамики геоксюрского стиля. В середине западной стены имеется проход, ведущий к толосам. Пол помещения сплошь покрыт толстым горелым слоем хвороста.

Рядом расположенное помещение первоначально состояло из трех отдельных (№ 2, 3, 4) комнат. Позднее внутренние стены были разрушены так, что получилось одно обширное здание, в середине которого устроен квадратный очаг — подиум с центральным отверстием, заполненным золой. Внутри подиума находилась зернотерка, еще три лежали рядом на полу. Здесь же на обломке плоского камня друг на друге были установлены три каменные ступки, растрескавшиеся от воздействия огня. На полу помещения найдено три пестика — куранта, целая, сильно закопченная чаша с росписью геоксюрского стиля, женская терракотовая статуэтка и большая часть конического кубка из мраморовидного камня. В западном углу комнаты сохранились остатки полукруглого сооружения, своеобразного толоса; внутри найдено лишь несколько мелких костей от человеческих скелетов.

Стратиграфия здания такова: непосредственно на полу находился слой горелого хвороста 5—7 см, выше — кирпичный завал от рухнувших стен и кровли помещения. На последнее указывают обломки полуобожженных глиняных блоков со следами тростниковой основы. Нет сомнения, что оба помещения № 1 и 2 погибли в пожаре.

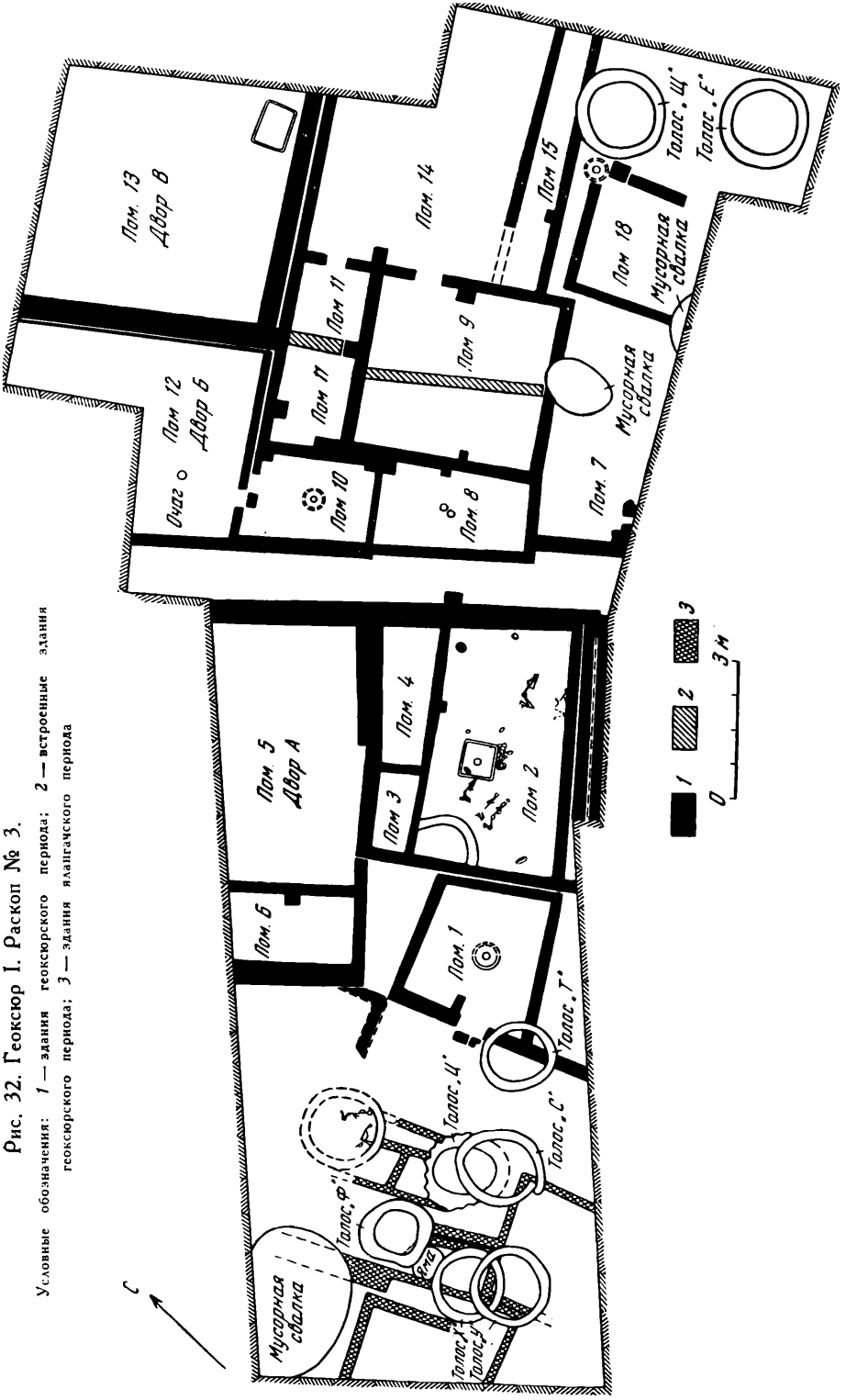
¹ Г. Н. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопин. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса. — СА, 1964, № 1, стр. 9—23.

² Работы проводились Геоксюрским отрядом Каракумской экспедиции. Состав отряда: В. П. Алексеев, К. Т. Качурис, П. М. Кожин, Г. Н. Лисицына, С. А. Панарин, В. И. Сарияниди (начальник отряда).

³ В. И. Сарияниди. Геоксюрский могильник. — МИА, № 130, 1965.

Рис. 32. Геокур № 1. Раскоп № 3.

Условные обозначения: 1 — здания геокюрского периода; 2 — встроенные здания геокюрского периода; 3 — здания валангачского периода

Строительный комплекс, расположенный по восточную сторону от улицы, отличается регулярной планировкой. Помещение № 8 с двойным бытовым очагом в полу являлось жилой комнатой. Большое помещение № 9 имеет проход во двор; в последний период комната была перегорожена на две части стенкой. Выделяются два обширных двора (А и Б), полностью не раскопанные. Судя по характеру помещений, весь этот восточный комплекс, видимо, имел жилое назначение. Следует лишь отметить необычную бедность керамического материала в сравнении с другими жилыми зданиями этого поселения, раскопанными ранее ⁴.

Стратиграфические наблюдения показывают, что если восточный комплекс существовал в геоксюрский период на протяжении по крайней мере двух строительных горизонтов, то западный комплекс относится к предшествующему ялангачскому периоду. Таким образом, западный комплекс включает некрополь (толосы) и два помещения с ритуальными очагами на полу, видимо, святилищами ⁵.

Здания к востоку от улицы составляют жилой комплекс. На основании полученных данных можно допустить, что с самого начала геоксюрского периода обжит был лишь восточный комплекс, западный же — находился в руинах. Здесь, на остатках стен ялангачского времени, стали возводиться толосы, которые со временем образовали небольшой некрополь. Помещения № 1 и 2 также в основе своей относятся к ялангачскому периоду и лишь были приспособлены под святилища в геоксюрское время (сооружение культовых очагов в центре), вероятно, связаны с захоронениями в толосах, на что указывает выход из помещения № 1, ведущий к некрополю.

Особого интереса заслуживает мощный горелый слой внутри обоих помещений. Судя по ряду фактических данных, можно предполагать, что они были сожжены преднамеренно. В этой связи особого внимания заслуживает полутолос в помещении № 2, скелеты из которого могли быть специально перенесены в другое место. Не было ли это связано с предполагаемым сожжением самого святилища? Не останавливаясь на детальном рассмотрении этого вопроса, отметим лишь, что погибшие в пожаре святилища известны и на других поселениях Ближнего Востока, в частности в Анатолии ⁶. Позднее здесь было произведено несколько одиночных захоронений.

Впредь до проведения дальнейших раскопок и в порядке предварительного предположения можно допустить, что именно жители восточного комплекса могли хоронить своих домочадцев в рядом расположенных толосах-склепах. После того как восточный комплекс оказался заброшенным, он в свою очередь также использовался для возведения здесь новых толосов. На это указывают толосы «Е» и «Ш», основания которых покоятся на разрушенных стенах бывших помещений восточного комплекса.

Раскоп № 2 был заложен в центральной части Геоксюр I к югу от старого раскопа 1956—1957 гг. ⁷

Раскопанный участок состоит из ряда помещений различного назначения. Комнаты южного участка раскопа плохой сохранности, стены сильно оплывшие и местами нарушены погребениями и мусорными свалками геоксюрского же времени (рис. 33).

Обширное помещение № 61, видимо, являлось двором. Внутри помещения № 50 расчищен толос «Ш» с небольшим входом с южной стороны. На полу расчищено два мужских, два женских и один детский скелет. На полу

⁴ В. И. Сариянди. Энеолитическое поселение Геоксюр.— ТЮТАКЭ, т. X, 1961, стр. 244—254.

⁵ В. И. Сариянди. Культовые здания на поселениях анауской культуры.— СА, 1962, № 1, стр. 46—48.

⁶ Ср. например, святилища слоя XIV и XV Бейчесултана. Seton Lloyd and James Mellaart, Beycesultan Excavations, Anatolian Studies, vol. VIII, 1958, стр. 104—106, табл. XX.

⁷ В. И. Сариянди. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 229—238.

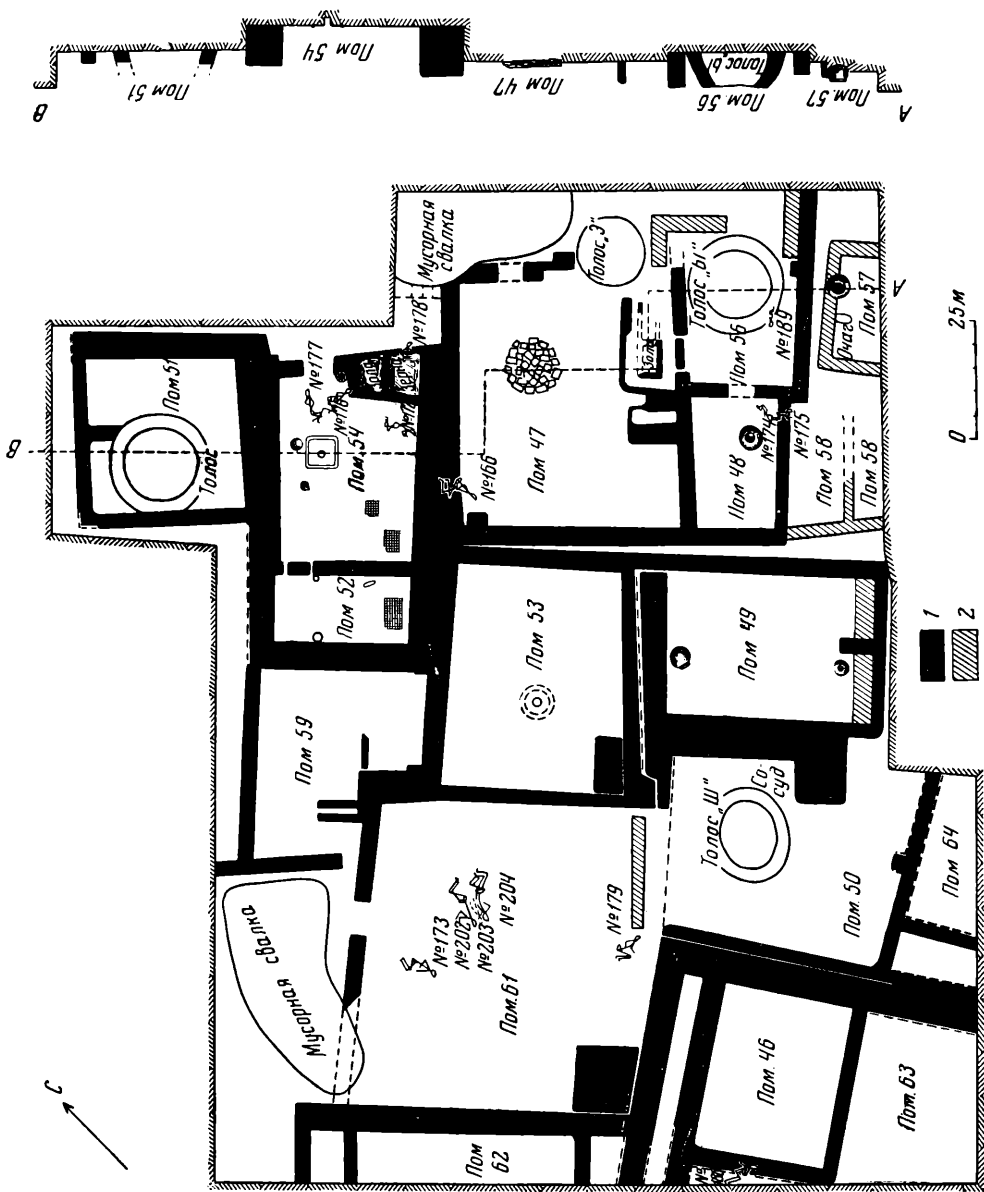

Рис. 33. Геоксюр I. Раскоп № 1.

Условные обозначения: 1 — здание 1-го строительного периода; 2 — здание 2-го строительного периода

помещения завал из кусков глиняной штукатурки, около пилястры — фрагменты раздавленного сосуда геоксюрского времени.

В помещении № 53 среди завала расчищено большое пятно из кусков краснообожженного кирпича. Ниже, непосредственно под этим горелым завалом, находятся остатки очага-диска. В помещении найдено несколько обломков женских статуэток и целый каменный сосудик.

Особого интереса заслуживают комнаты, вскрытые в северо-восточной части раскопа. Стены и пол помещения № 47 обожжены дочерна; в середине комнаты расчищены остатки круглого сооружения из кирпича, обломки которого в беспорядке находились и на полу; основание сооружения ниже пола комнаты. В центре восточной стены от пилястры отходят тонкие стенки, в их пределах сохранились остатки прямоугольного, возможно, двойного очага, заполненного золой. Здесь находилось наибольшее количество сильно обгоревших кирпичей и фрагментов керамики. В этом же завале найдена каменная ступка с остатками красной охры внутри и пестик. Первоначально комната № 47 имела проход в смежное помещение № 56, который затем был заложен. Здание погибло в пожаре.

Назначение помещения № 56 остается неясным; позднее внутри его был выстроен толос «ВІ». Это один из немногих геоксюрских толосов, сохранившийся полностью, на высоту семи рядов кирпича. Техника кладки кирпича (сомкнутые внутренние углы и разведенные в стороны внешние) позволяет предполагать купольный свод. С западной стороны толоса расчищен вход, заложенный кирпичами. Внутри, на полу, обнаружено два мужских, два женских и два детских скелета. Погребальный инвентарь отсутствует.

При возведении толоса «Э» (пока еще не расчищенного) была нарушена северо-восточная стена помещения № 47.

Второе горелое помещение № 54 было заполнено сверху строительным завалом; ниже до пола находились куски полуобожженных кирпичей. На полу прослежены остатки плетеной циновки, над ней — сплошной слой пережженного хвороста. У западной стены расчищен мощный завал пережженного кирпича, под которым на полу находится прямоугольный очаг — подиум с центральным отверстием, заполненным золой. Рядом с подиумом найдены растрескавшаяся от жара ступка с пестиком и сосуд. Между подиумом и западной стеной помещения, на высоте 15—20 см от пола, среди сильно обожженных кирпичей обнаружено четыре глиняных конусообразных изделия, у которых две стороны плоские, а третья — вогнутая с несквозным отверстием (рис. 34). Назначение их не ясно; возможно, они служили подставками.

В восточном углу помещения на высокой кирпичной платформе сооружен двойной очаг, одно отделение его заполнено было золой, а второе — обугленными зернами. Снаружи в торцовую стену очага вмазан деревянный столб, основание которого находилось на полу комнаты. В помещение вели два прохода. Один, в северной стене, сохранил порог, второй вел в смежную комнату № 52. Первоначально помещения № 52 и 54 были связаны между собой этим проходом, но позднее он был заложен. В закладке прохода найден медный наконечник копья, возможно, специально туда положенный. Помещение № 52 было заполнено строительным завалом, а на полу горелый слой менее интенсивный, чем в соседней комнате. В строительном завале найден целый каменный сосуд, зернотерка, ступка со следами охры и пестик. На полу прослеживаются остатки плетеной циновки. Оба помещения № 52 и 54 имеют один уровень пола и, несомненно, первоначально составляли единый взаимосвязанный комплекс. Оба помещения погибли в пожаре.

В помещении № 51, пол которого был покрыт слоем горелого хвороста и стены изнутри обожжены дочерна, впоследствии был выстроен толос. Он сохранился на высоту трех рядов кирпича, засыпан обломками кирпича от обвалившегося свода; на полу найдено только несколько фаланг от пальцев ног.

Помещения № 47, 54 и 58, найденные на раскопе 1, видимо, имели особое назначение. Наличие подиумов, ступок и пестиков объединяет их с аналогичными помещениями раскопа 3. Не исключено, что часть предполагаемых святилищ была связана именно с захоронениями в толосах. В этом отношении весьма показательны святилища Чатал Гуюка в Анатолии, где отмечены коллективные захоронения под «платформами»⁸, связываемые с захоронениями жрецов и их семей. Не решая вопроса об их принадлежности, важно отметить последовательный способ захоронения, как и на Геоксюре.

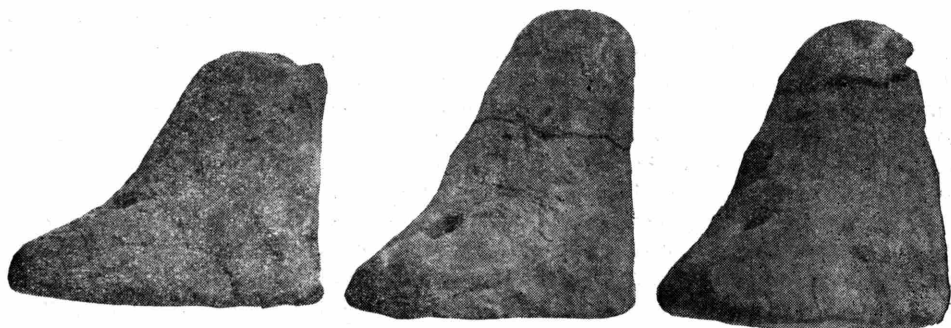

Рис. 34. Геоксюр I. Глиняные конусообразные изделия

Новейшие раскопки ряда поселений Ближнего Востока свидетельствуют, что очаги-диски и подиумы являются необходимым атрибутом древних святилищ. В ряде случаев прямоугольные очаги-выкладки, несомненно, имели более широкое назначение, играя роль обычных бытовых очагов (Мундигах, Хаджилар и др.). Очаги-диски чаще использовались в качестве своеобразных алтарей, в этой связи требует дальнейшего уточнения конкретное назначение очагов-дисков, найденных в Джахаб и Джудейде⁹.

В настоящее время получена большая антропологическая коллекция, насчитывающая около 150 черепов; это наиболее полная серия для всех памятников культуры Анау, и она, несомненно, прольет свет на сложные этногенетические вопросы, связанные с этническим составом племен IV—III тысячелетия до н. э.

Геоморфологические работы (руководитель Г. Н. Лисицына) были направлены на дальнейшее изучение древней ирригационной сети, выявленной в полевые сезоны 1960—1963 гг.¹⁰

Поперечные траншеи, заложенные в головной и хвостовой частях системы, вскрыли линзы каналов, заполненные аллювиальными и эоловыми отложениями. На основании полученных данных установлено, что в месте вывода каналов из русла древней реки приток воды был намного выше, чем в хвостовых частях, т. е. вода разбиралась на орошение полей в верхней и средней частях системы. Таким образом, налицо определенные практические навыки древних ирригаторов, которые рассчитали угол падения рельефа местности, что и давало им возможность забирать из естественного русла максимум воды, необходимый для орошения полей и для обеспечения водой жителей поселения.

⁸ I. Mellaart. Excavations at Çatal Hüyük, *Anatolian Studies*, т. XIV, 1964, стр. 92—93.

⁹ R. Braidwood and L. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch. Chicago, 1960, стр. 346, рис. 260, 263, 266.

¹⁰ Г. Н. Лисицына. Древнейшие оросительные каналы на территории Туркмении.— Гидротехника и мелiorация, 1964, № 9.

Особое значение имеет находка целой женской статуэтки геоксюрского типа на дне одного из каналов в 1 км от Геоксюр I, что лишний раз подтверждает одновременность каналов и поселения. Не исключено, что древние геоксюрцы в определенные периоды года шли к головной части каналов и бросали в них терракотовые статуэтки плодородия в надежде получить достаточное количество воды на свои поля.

Почвенные шурфы, заложенные на предполагаемых полях вдоль русел каналов, выявили, несомненно, окультуренные земли¹¹.

Разведками в Геоксюрском оазисе в 5 км к северу от поселения Муллали-депе была открыта временная стоянка, расположенная на трех небольших слабо выраженных всхолмлениях. Как показала шурфовка, они представляют собой небольшие песчаные бугры. На поверхности найдена разновременная керамика, каменные бусы, медная проколка и остатки двух разведочных керамических печей. Часть керамики сделана на гончарном круге, тесто плотное, хорошего обжига. Основные формы: банкообразные сосуды со скошенной придонной частью, кубковидные сосуды и чаши со сложно профилированными венчиками и другие, находящие прямые аналоги в комплексах Яз-депе III и отчасти Яз-депе II (V—IV вв. до н. э.)¹².

Вторая группа керамики вся вылеплена от руки, содержит примесь дресвы, черепок серый или черный. Часть ее украшена нарезными или зубчатыми орнаментами в виде заштрихованных треугольников, косых насечек, елочек и др. В целом это керамика степного типа эпохи поздней бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.).

Очевидно, после запустения Геоксюрского оазиса в позднеэнеолитическое время здесь еще продолжали функционировать незначительные водные протоки, а в эпоху поздней бронзы, вероятно, находилась небольшая временная стоянка — своеобразный перевалочный пункт в контактной зоне северных степных и южных земледельческих племен. Обнаружение этого пункта, с одной стороны, расширяет ареал распространения степных культур юга Средней Азии, а с другой — указывает на динамику расселения племен ахеменидского времени Теджен-Мургабского междуречья.

Ахеменидская группа (руководитель К. Т. Качурис) проводила обследование и разведочные раскопки компактной группы поселений VI—IV вв. до н. э. в 15 км к юго-востоку от г. Теджен. Изучение данного земледельческого оазиса середины I тысячелетия до н. э. имеет первоочередное значение, так как в непосредственной близости от поселений ясно прослеживаются древние русла каналов¹³.

Раскоп на поселении Овлия-депе II вскрыл часть верхнего строительного горизонта. Расчищено пять взаимосвязанных помещений прямоугольной формы, частично нарушенных более поздними погребениями XI—XII вв. В помещениях обнаружен большой керамический комплекс в виде банкообразных сосудов, мисок, кубков, хумов, сделанных на гончарном круге. Основная масса посуды относится к периоду Яз-депе III, лишь незначительная часть — к Яз-депе II¹⁴.

¹¹ Заключение Н. Г. Минашиной.

¹² В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, № 73, 1959, стр. 40—41.

¹³ К. А. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья.— ИАН ТССР, 1960, № 2, стр. 64.

¹⁴ Доклад К. Т. Качуриса 24 марта 1965 г. на заседании античного сектора ИА АН СССР.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА

ИЗУЧЕНИЕ ГЕОКСЮРСКОЙ ОРОСИТЕЛЬНОЙ СЕТИ В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ В 1964 г.

Эпоха энеолита (древнеземледельческая культура Анау) является временем расцвета хозяйственного комплекса, в котором одно из ведущих мест принадлежало орошаемому земледелию, возделыванию двух основных зерновых культур — ячменя и пшеницы с помощью искусственного полива.

В сентябре-октябре 1964 г. Геоксюрским отрядом Каракумской экспедиции ИА АН СССР были продолжены работы по изучению истории орошаемого земледелия в Средней Азии и исследованию древней оросительной сети IV—начала III тысячелетия до н. э., открытой в 1963 г. у энеолитического поселения Геоксюр I в юго-восточной Туркмении¹.

Как было установлено, ирригационная система эпохи энеолита, древнейшая из известных в настоящее время в Средней Азии, состояла из двух параллельных друг другу каналов, отходивших под прямым углом от ныне заиленного дельтового протока р. Теджен. Оросительная сеть, хорошо заметная на аэрофотоснимках, в то же время очень плохо прослеживается в рельефе, так как русла каналов полностью занесены осадками аллювиального и золотого генезиса и затакырены с поверхности. На отдельных участках при косом солнечном освещении они выделяются в виде незначительных всхолмлений. Основное направление оросительной сети ЗЮЗ—ВСВ. Протяженность каждого канала около 3000 м².

В течение двух полевых сезонов в разных частях системы через каналы были заложены поперечные траншеи, вскрывшие их русловые линзы, что позволило выяснить размеры этих оросительных сооружений и изучить характер заполнения. Данные, полученные в результате работ, показали следующее. Местность, по которой проложены каналы, представляет собой плоскую равнину; именно поэтому для осуществления тока воды в системе дно каналов постепенно углублялось в направлении от питающего русла к хвостовой части. В среднем падение дна каналов на 0,5 км составляло 35 см.

Одновременно с углублением ложа каналов менялась и форма их линз: в головной части системы они очень мелкие, пологие и широкие, а затем становятся более узкими и глубокими. Расчет поперечного сечения, сделан-

¹ Поселение Геоксюр I являлось центром небольшого древнеземледельческого Геоксюрского оазиса, расположенного в 26 км к востоку от г. Теджен (см. ст.: Г. Н. Лисицына, В. М. Массон, В. И. Сариянди, И. Н. Хлопин. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса. 1956—1962 гг.—СА, 1965, № 1).

² Г. Н. Лисицына. Древнейшие оросительные каналы на территории Туркмении.—Гидротехника и мелиорация, 1964, № 9; Она же. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965.

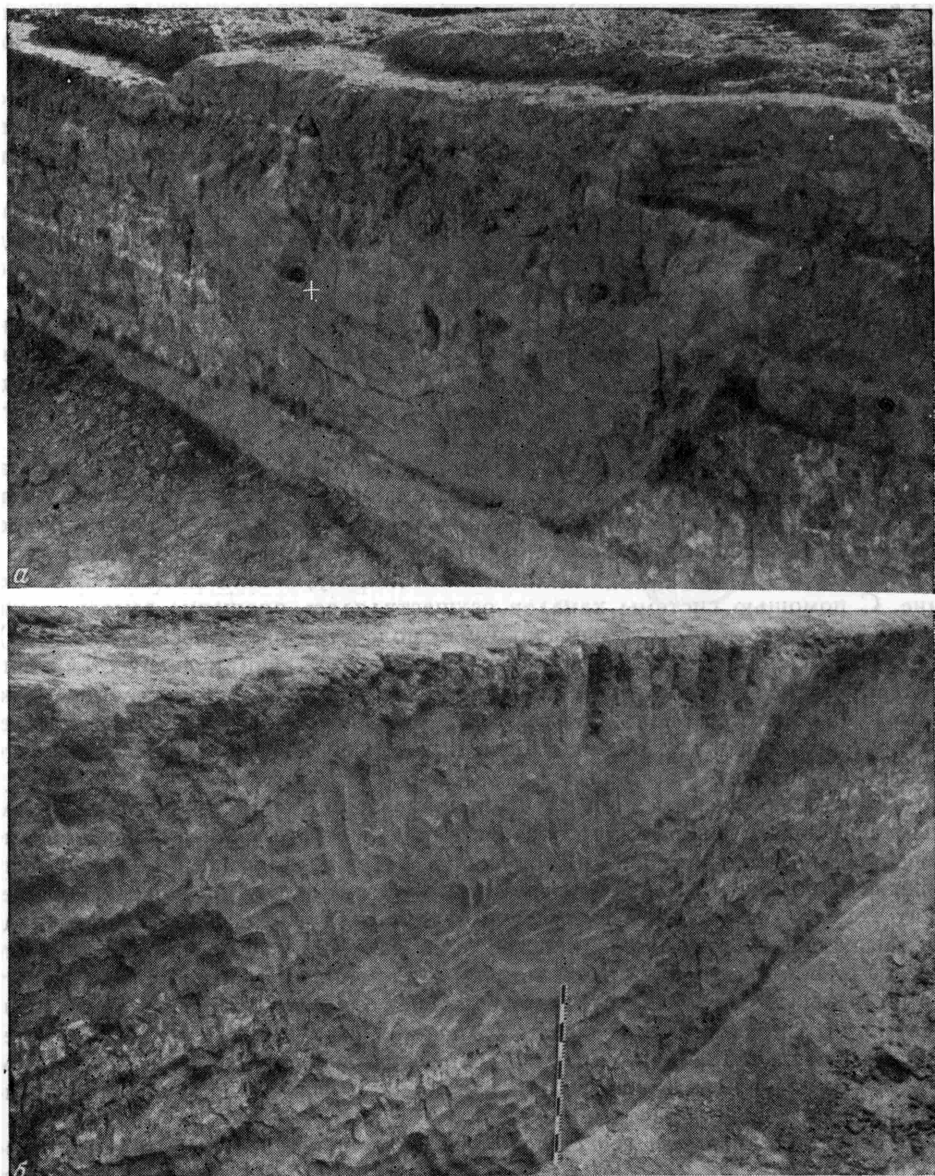

Рис. 35. Разрезы южного канала

а — в 300 м от питающего русла, крестиком отмечено место находки статуэтки; б — в 1600 м от питающего русла

ный в разных точках системы, показал, однако, их полную идентичность. Можно считать, что пропускная способность оставалась неизменной на протяжении по крайней мере 2 км (в хвостовой части траншеи еще не закладывались).

Характерно изменение заполнения каналов в направлении от питающего русла. В головной части системы они заилены значительно сильнее, чем в средней. Например, южный канал в разрезе, сделанном в 300 м от выхода из питающего протока, почти полностью заполнен илстыми отложениями и лишь в самой верхней части засыпан эоловым песком и перекрыт такырной почвой (рис. 35, а). В разрезе этого же канала в средней части системы

(1,6 км от питающего русла) аллювиальные отложения лишь маломощным слоем выстилают дно русла, а большая его часть заполнена эоловым песком (рис. 35, б).

Совершенно очевидно, что в верхнюю часть системы, особенно в периоды паводков, поступало очень большое количество воды. Значительная часть мелких взмученных частиц, проносимых весенними водами, отлагалась именно здесь, в верхних отрезках каналов, их русла быстрее заиливались и гребовали систематической очистки. Здесь же основная часть воды разбиралась на орошение полей. В средние части каналов, подходившие непосредственно к поселению, воды поступало значительно меньше, и она могла использоваться исключительно для хозяйственных нужд (рис. 35, а, б).

Поля древних геоксюрцев примыкали в основном к верхней части ирригационной сети. От южного канала в 300 и 450 м от головного сооружения под острым углом отходили боковые отводы, от которых в свою очередь непосредственно на поля выводились небольшие арыки; их следы почти стерлись временем.

В полевой сезон 1964 г. на территории предполагаемых полей кандидатом биологических наук Н. Г. Минашиной начаты специальные почвенные исследования, которые будут продолжены в дальнейшем. Изучение разрезов позволило выявить погребенный горизонт «окультуренных» почв.

Геоксюрская оросительная сеть, по-видимому, имела двойное назначение. С помощью системы каналов осуществлялось орошение земель, занимаемых под посевы (по самым скромным подсчетам засевалось около 50 га). С другой стороны, поскольку вследствие общей миграции дельты Теджена основной проток, на котором первоначально базировалось поселение Геоксюр I, переместился почти на километр к западу и многочисленное население осталось без воды, каналы были подведены прямо к поселению, что позволило сохранить его на прежнем месте.

Данные, полученные при изучении разрезов каналов, позволяют с полным основанием считать, что эта система для своего времени была вполне совершенным ирригационным сооружением. При создании ее был учтен опыт многих поколений земледельцев южной Туркмении, так как корни орошаемого земледелия уходят в IV тысячелетие до н. э., когда широко применялся так называемый лиманный способ орошения. Не исключено, что на местное население оказали влияние пришлые племена, принешие с собой опыт ирригационного строительства земледельцев Ближнего Востока. Как считает В. И. Сарияниди, в геоксюрский период на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. на территорию древней дельты Теджена вторглись племена, скорее всего из юго-западного Ирана (возможно, Фарса), и, видимо, ассимилированные местным населением³.

Косвенные аналогии геоксюрской оросительной сети имеются в клинописных текстах Ура (XVIII в. до н. э.)⁴. Для более раннего времени в Иране и Месопотамии фактических данных пока нет, хотя орошаемое земледелие здесь является древнейшим, и скорее всего именно в долинах Тигра и Евфрата возникли первые оросительные системы, положившие начало развитию ирригации. К сожалению, многовековая культура на одном и том же месте скрывает следы этих древнейших сооружений. В заключение следует остановиться на чрезвычайно интересном факте.

В упоминавшейся выше траншее, заложенной на южном канале в 300 м от начала системы (в 800 м от поселения), в месте отвода первого бокового канала, при зачистке стенки была найдена сильно поврежденная водой и временем женская статуэтка позднегеоксюрского типа (начало III тысячелетия до н. э.) (рис. 36, а). Она представляет собой типичную для этого

³ В. И. Сарияниди. Земледельческие племена юго-восточной Туркмении (в эпоху неолита и бронзы) (автореферат канд. дисс.), М., 1963.

⁴ А. А. Вайман. Два клинописных документа о проведении оросительного канала.— ТГЭ, т. V, 1961.

времени сидящую сильно стилизованную керамическую фигурку, от которой сохранилась часть торса и ног. Сбоку на торсе виден след от налепа, что могло быть либо деталью прически, либо статуэтка имела прилепленные конусообразные руки⁵. Она была найдена в верхних слоях аллювиальных отложений и попала в воду уже в то время, когда канал сильно обмелел. Очевидно, можно предполагать, что статуэтка была брошена в канал специально. Археологи считают, что керамические и каменные женские фигурки

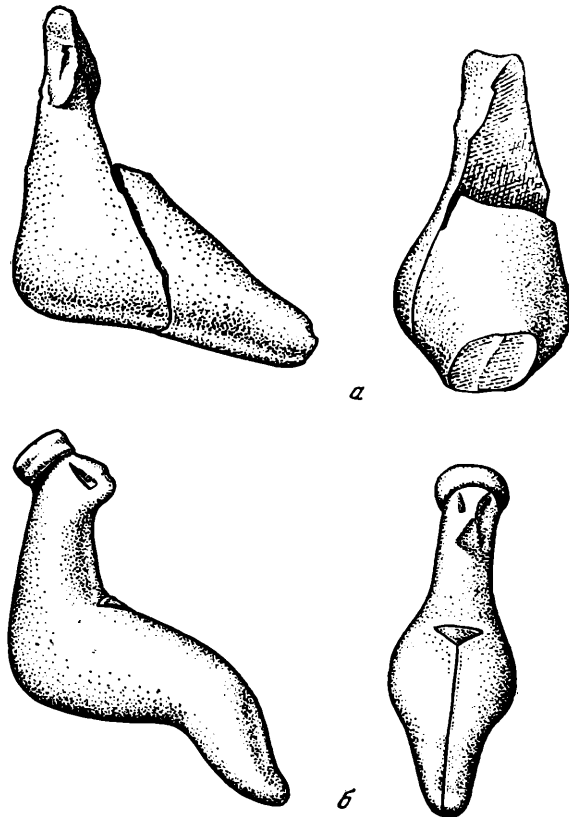

Рис. 36.

а — женская статуэтка, найденная в канале; б — поздненеолитская статуэтка

у древнеземледельческих народов имеют культовый характер и символизируют собой образ богини плодородия.

Б. А. Рыбаков пишет, что «главными молениями земледельцев тех областей, где не применялось искусственное орошение, были моления о воде»⁶. По-видимому, то же самое можно сказать и о земледельцах тех областей, где испокон веков применялось искусственное орошение, так как плодородие в этих районах теснейшим образом было связано с водой.

Здесь, в жарком климате, где реки часто пересыхают, молились о воде, чтобы она не иссякла в руслах и каналах, чтобы ее хватило для выращивания урожая и удовлетворения жизненно необходимых потребностей. Все это, по всей вероятности, влекло за собой определенные культовые обряды.

⁵ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка.— ТЮТАКЭ, т. X, 1960, табл. XI.

⁶ Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита.— СА, 1965, № 1, стр. 26.

Одним из таких обрядов могло быть бросание женских статуэток в реки и каналы, именно в головную часть каналов, откуда поступала вода. В данном случае это произошло тогда, когда в русле и каналах оставалось совсем мало воды и населению поселка угрожала засуха и голод.

Находка женской статуэтки в канале подтверждает связь женских терракотовых фигурок с культом плодородия. Кроме того, она интересна еще и тем, что является дополнительным датирующим материалом, лишний раз подтверждающим правильность отнесения оросительной сети к IV — началу III тысячелетия до н. э.

Д. Н. ЛЕВ

ПОГРЕБЕНИЕ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ БЛИЗ Г. САМАРКАНДА¹

Настоящая статья посвящена публикации богатого погребения эпохи бронзы в Самаркандской обл.

Оно было открыто при следующих обстоятельствах: 10 апреля 1964 г. учитель школы сел. Муминабад, расположенного в 22-х км на юго-восток от Ургута Самаркандской обл., сообщил в Самаркандский государственный университет, что на территории садвинсовхоза «Ургут» рабочий Мирза Ташев, копая ямы для посадки винограда, обнаружил в одной из них скелет женщины, глиняный сосуд и бронзовые украшения.

Археологический отряд Самаркандского государственного университета под руководством автора обследовал место находки в сел. Муминабад. Это селение расположено на холме Дарваза джар, между Ургутскими горами (примерно в 10 км от них к юго-востоку) и Зеравшанской долиной.

М. Ташев сообщил, что скелет лежал на левом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. Левая рука находилась под черепом, а правая — вытянута вдоль туловища. У фаланг пальцев левой руки стоял глиняный сосуд. У шейных позвонков — большое количество бронзовых бус и две серьги с широким раструбом на одном из концов. Перед лицевыми костями лежали два больших бронзовых кольца. На фалангах мизинцев обеих рук обнаружены два кольца из бронзы. На запястьях каждой руки одето по два бронзовых браслета. У кисти правой руки лежало бронзовое зеркало.

К сожалению, скелет был полностью разрушен Ташевым и вновь засыпан вместе с упомянутыми предметами.

Раскопками на глубине 0,60 м от современной поверхности в лёссовидном суглинке были обнаружены разбитые кости человека, фрагменты керамики и предметы украшения из бронзы.

Часть скелета оказалась неповрежденной и полностью подтвердила данные М. Ташева о положении и ориентировке скелета. Были найдены следующие предметы:

1) фрагменты глиняного сосуда с резным орнаментом в виде треугольников (рис. 37); 2) бусы, литые из бронзы, с хорошо выраженными следами от литейных форм. Поверхность покрыта плотной патиной. Диаметр их 0,3 см. Всего обнаружено около 900 бус, в некоторых из них сохранились остатки шерстяной нити (рис. 38, 9); 3) две бронзовые серьги с раструбом на одном из концов (рис. 38, 4); 4) фрагменты двух бронзовых колец, покрытых золотой фольгой, плохой сохранности (рис. 38, 8); 5) че-

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора Средней Азии и Кавказа 30 октября 1964 г.

четыре бронзовых выпукло-вогнутых браслета с разомкнутыми концами, хорошей сохранности (рис. 38, 1, 5, 6, 7); 6) круглое бронзовое плоское зеркало с ручкой-петелькой в центре, хорошей сохранности, поверхность покрыта патиной (рис. 38, 10); 7) два бронзовых кольца, одно из них — деформировано (рис. 38, 3); 8) пять бронзовых бусин, хорошей сохранности (рис. 38, 2).

Сосуд, найденный в погребении, является типичным для алакульского этапа андроновской культуры, известной сейчас во многих районах — от Енисея до Средней Азии.

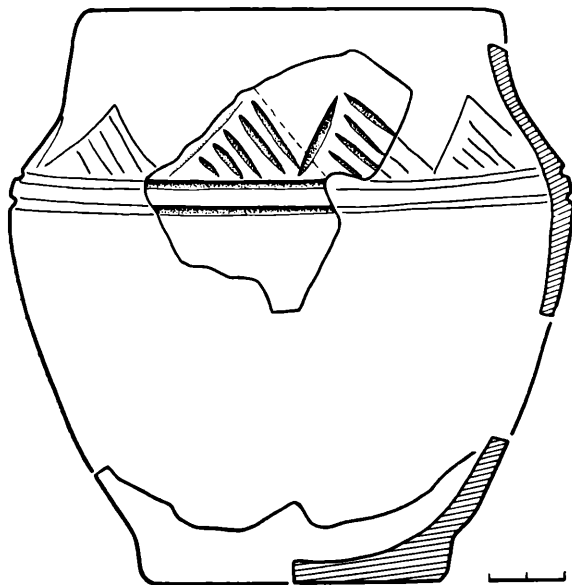

Рис. 37. Глиняный сосуд с резным орнаментом

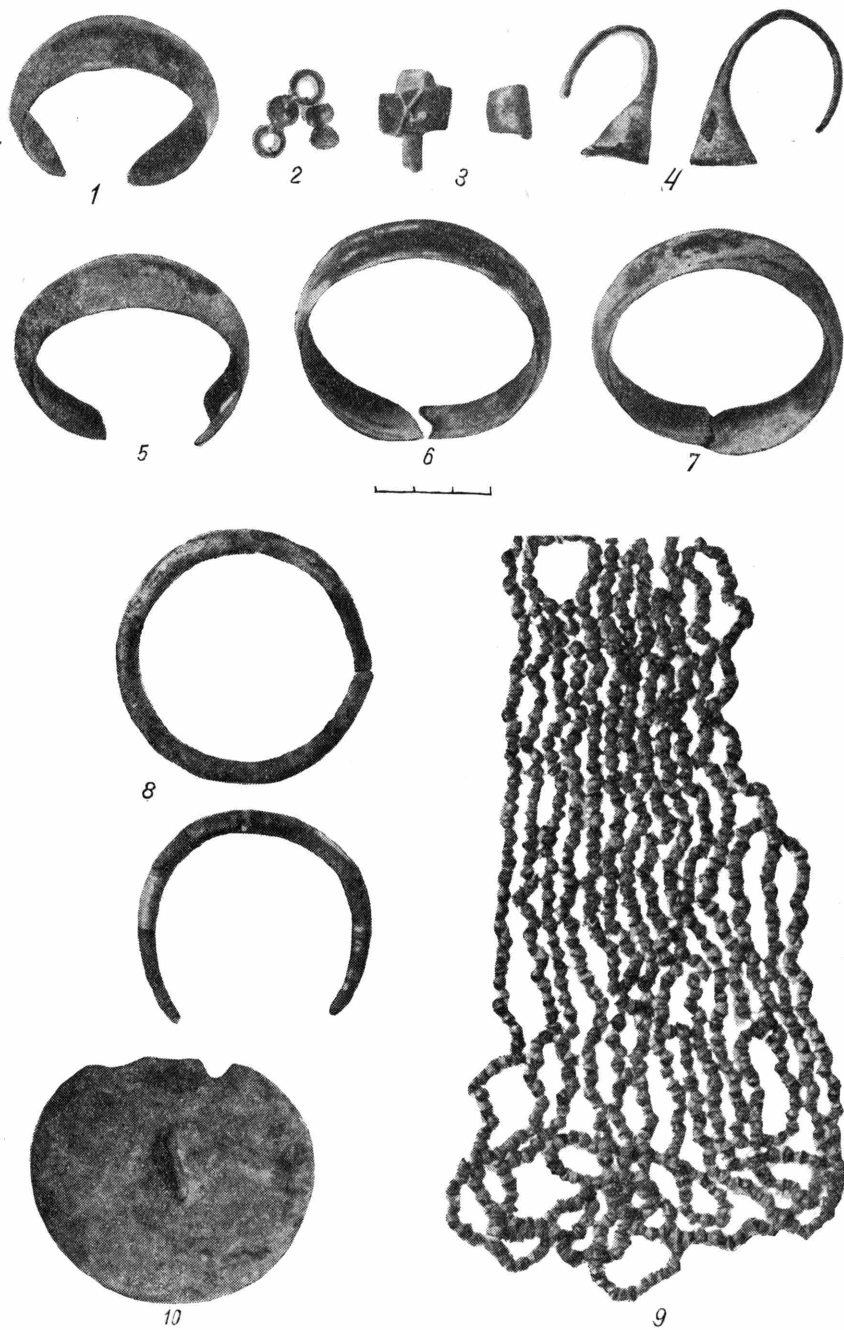
Серьги с раструбом на конце — наиболее характерные украшения андроновской культуры, широко распространены во многих памятниках Казахстана. В Узбекистане они найдены впервые. Помимо бронзовых, встречаются аналогичные серьги и золотые. Золотая серьга с раструбом была обнаружена С. С. Черниковым при раскопках в 1964 г. могильника андроновского времени у с. Предгорное, в 50 км к северо-западу от г. Устькаменогорска². При раскопках андроновского могильника Сангуыр II в Карагандинской обл. также были найдены бронзовые серьги с раструбом. Как отмечает М. К. Кадырбаев, бронзовые серьги с раструбом на конце относятся к категории наиболее распространенных украшений андроновских племен и встречаются, как правило, в погребениях с керамикой федоровского этапа³. А. М. Оразбаев эти серьги относит также к федоровскому этапу андроновской культуры⁴.

Выпукло-вогнутые браслеты характерны для памятников абашевской, срубной и андроновской культуры. Так, например, аналогичные браслеты обнаружены при раскопках в 1957 г. могильника Ельшибек в Карагандин-

² Устное сообщение С. С. Черникова, за которое автор выражает благодарность.

³ М. К. Кадырбаев. Могильник Сангуыр II.— ТИИАЭ АН Казахской ССР, т. 12, 1961, стр. 61.

⁴ М. К. Кадырбаев. Указ. соч., стр. 52, табл. II; А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы.— ТИИАЭ АН Казахской ССР, т. 5, 1958, табл. IV, V; К. В. Сальников. Бронзовый век южного Зауралья.— МИА, № 21, 1951, стр. 115.

Рис. 38. Находки из погребения

1, 5, 6, 7—бронзовые браслеты; 2—бронзовые бусины; 3—бронзовые деформированные кольца; 4—бронзовые серьги; 3—бронзовые кольца с золотой фольгой; 9—бусы свинца; 10—бронзовое зеркало

ской обл., где был открыт типичный комплекс вещей андроновского времени⁵.

Круглые плоские бронзовые зеркала с петелькой в центре также встречают аналогии в памятниках андроновской культуры. Подобные зеркала найдены в погребениях андроновского времени в урочище Каракудук в Джамбульском р-не, Алма-атинской обл. Исследователь этого памятника А. Г. Максимова пишет, что «бронзовые зеркала, правда с небольшой ручкой, известны в Сухулукском кладе, который А. Н. Бернштам датировал серединой II тысячелетия до н. э.»⁶ Подобные зеркала найдены и в других погребениях андроновского времени.

Открытое в горном районе близ Ургута Самаркандской обл. погребение женщины с очень богатым погребальным инвентарем можно отнести к середине II тысячелетия до н. э.

В отличие от других погребений андроновского времени, где покойники хоронились в каменных ящиках, здесь, в Муминабаде, покойник погребен в грунтовой могиле, надо полагать, что рядом будут обнаружены еще другие захоронения. Помимо этого, в предгорьях, к западу от Муминабада, найдены прекрасные кремневые наконечники стрел, обработанные тонкой отжимной ретушью, относящиеся к эпохе бронзы.

Все это говорит о том, что район Муминабада представляет большой интерес для исследователей, изучающих памятники эпохи бронзы.

Обсуждение доклада.

По докладу Д. Н. Лева выступил С. С. Черников, который сообщил, что найденные при женском погребении вещи — горшок, бусы, серьга, браслеты — характерны для андроновской культуры.

М. П. Грязнов считает, что здесь была, по-видимому, не одна могила, а целый могильник, относящийся к андроновской культуре.

---

⁵ А. М. О р а з б а е в. Памятники эпохи бронзы центрального Казахстана.— ТИИАЭ АН Казахской ССР, т. 6, 1959, стр. 64, рис. 7.

⁶ А. Г. М а к с и м о в а. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук. Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана.— ТИИАЭ АН Казахской ССР, т. 12 1961, стр. 62. дис. 2.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

Несмотря на весьма значительные успехи, достигнутые на протяжении последних двух десятилетий в археологическом изучении Средней Азии, здесь еще сохраняются отдельные «белые пятна», затрудняющие понимание некоторых периодов ее прошлого. Одним из таких «белых пятен» является территория восточного Прикаспия, где господствует пустынный и полупустынный ландшафт, исключающий возможность земледелия и далеко не везде благоприятный для скотоводства.

Эта обширная область, лежащая вдали от оазисов и горных систем, стала объектом специального изучения лишь в самые последние годы, когда выявилась настоятельная необходимость исследования «кочевой периферии» Парфии, сыгравшей столь значительную роль в истории этого древнего культурного центра. Случайные находки и сборы геологов, а также проведенные А. А. Марущенко рекогносцировки указывали на несомненное наличие здесь следов обитания человека, начиная с неолита. Более систематические специальные работы, проведенные в 1962—1963 гг., позволили выявить тут наряду со стоянками целый ряд могильников различных периодов и наличие у больших старых колодцев керамики весьма различного времени. В частности, произведенные здесь сборы дали обломки сосудов с чертами, характерными для степных культур эпохи бронзы (горшки баночной формы с широким горлом и выделенным днищем, иногда украшенные простейшим геометрическим орнаментом в виде углов и зигзагов). Ареал распространения подобных находок еще не ясен. Вероятно, он охватывает территорию между Карабугазом и Большими Балханами¹.

При всей своей фрагментарности подъемные керамические материалы, обнаруженные у колодцев, могут свидетельствовать о наличии в пределах указанной территории на позднем этапе эпохи бронзы населения, культура которого сходна со степными культурами более северных областей.

Другую категорию памятников, относящуюся к эпохе бронзы, составляют погребения, известные пока только у склонов Больших Балхан, — в могильниках Патма-Сай и Каралемата-Сай (оба недалеко от колодцев Кошагыр). В первом из них, у Патма-Сая, обнаружены три сильно разрушенных каменных кургана.

Курган 2 (рис. 39). Под западной половиной насыпи, имевшей округлые очертания (6,0—6,4 м) и высоту до 75 см, располагалась прямоугольная вытянутая с юго-запада на северо-восток яма с наклонными стенками. По

¹ Крайняя северная точка — колодцы Чагыл, крайняя восточная — Тоголок на Узбое.

верху она имела размеры 180×135 см, по дну — только 135×90 см; перекрыта была плитами, на которых (а также в заполнении) были найдены угли. На дне ямы лежал скелет мужчины в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток, руки согнуты в локтях, кисти их около (сместенного) черепа, ноги согнуты так, что бедренные кости располагались перпендикулярно позвоночнику. Около черепа стоял горшок баночной формы (рис. 40, 1).

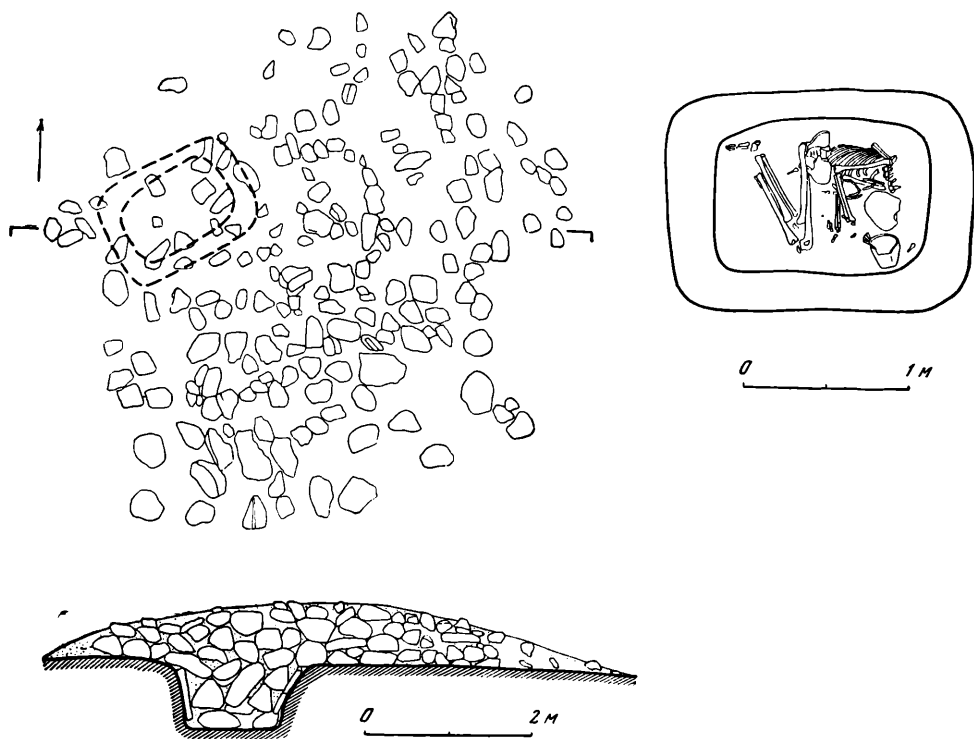

Рис. 39. Могильник Патма-Сай, курган 2. План и разрез.

Курган 3. Насыпь разрушена в античное время (в центре ее сооружена погребальная камера); под западной половиной ее находилась подпрямоугольная яма размером 160×105 см и глубиной 80 см, вытянутая с запада на восток. Стенки и дно ямы были обложены плитами; перекрытие состояло из больших удлиненных камней. На них и в заполнении встречались угли. На дне ямы — скелет мужчины в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Обе руки согнуты, кисть левой помещалась перед черепом, кисть правой — между бедренными костями, ноги согнуты. Около черепа стоял горшок баночной формы (рис. 40, 2).

Курган 4. Под средней частью насыпи неправильных очертаний ($2,5 \times 3,1$ м) располагалась прямоугольная яма размером 90×75 см и глубиной 30 см, вытянутая с запада на восток. Перекрытия не имелось. На дне ямы, у восточной стенки, стоял горшок, близкий по форме к баночным (рис. 40, 3). Отсутствие скелета позволяет видеть здесь кенотаф.

В могильнике Караламата-Сай к рассматриваемому времени могут быть отнесены два кургана.

Курган 3. Под западной половиной каменно-земляной насыпи, имевшей диаметр 8,5 и высоту до 70 см, располагалась трапециевидная яма размером $170/130 \times 170$ см и глубиной 65 см. Ни на дне, ни в заполнении никаких находок, однако, не обнаружено; лишь у западного края ямы найден обломок

лепного горшка с отогнутым краем. Погребение здесь, очевидно, полностью ограблено.

Курган 4. Насыпь каменная, диаметр около 11 м и высота до 105 см; в нижней части ее прослеживались участки с горизонтальной укладкой камней, а под средней — располагалась овальная яма размером 140 × 140 см и глубиной 70 см, вытянутая с запада на восток. Перекрыта она была большими плитами, частично осевшими внутрь; среди плит обнаружены угли и обломки челюсти коровы. На дне ямы лежал скелет мужчины в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисть

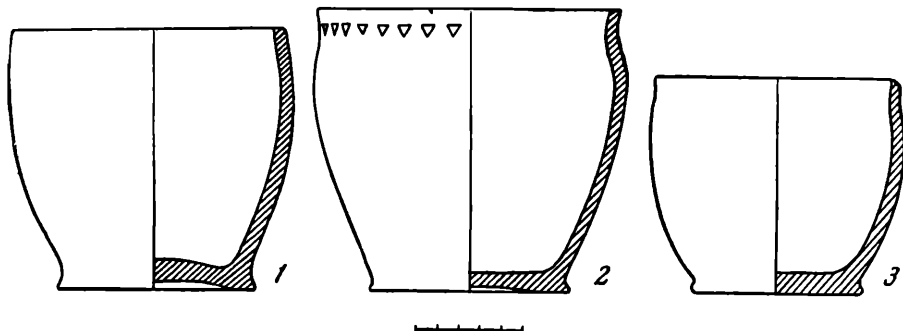

Рис. 40. Керамика из могильника Патма-сай:

1 — из кургана 2; 2 — из кургана 3; 3 — из кургана 4

левой руки помещалась у южной стенки ямы, кисть правой — между грудной клеткой и тазом, ноги также согнуты. За черепом обнаружено круглое пятно древесного тлена — очевидно, остатки деревянного сосуда.

Все описанные погребения характеризуются рядом устойчиво повторяющихся черт: положение скелета, его ориентировка и наличие сосуда около черепа. Для датировки мы располагали только керамикой. На основании достаточно близкого сходства с керамикой соответствующего времени северных степных культур погребения, бесспорно, могут быть отнесены к эпохе бронзы — точнее к позднему ее этапу. Черт, которые позволили бы сопоставить сосуды из погребений с керамикой земледельческого населения оазисов южного Туркменистана, не имеется.

Возможно ли уточнить место открытых погребений и их связь с какой-либо из известных северных степных культур и по каким признакам?

Здесь решающим следует считать обряд погребения — наиболее консервативный и устойчивый элемент культуры. Исходя из этого, можно говорить, что обнаруженные у северных склонов Больших Балхан погребения эпохи бронзы сходны с погребениями срубной культуры. Такое заключение основано на неизменности скорченного положения на левом боку; однако, сразу же следует отметить, при отличной ориентировке (не северной, а в основном восточной).

Описанные погребения эпохи бронзы пока являются единственными исследованными у Больших Балхан, но внешние признаки ряда других курганов, здесь находящихся, позволяют предполагать, что дальнейшие исследования могут пополнить их число. Аналогичные погребения недавно стали известны юго-восточнее Больших Балхан.

Имеющиеся в настоящее время материалы, конечно, еще не достаточны для освещения сколько-нибудь полно картины исторических явлений, происходивших в эпоху бронзы на территории восточного Прикаспия. Однако эти новые данные могут свидетельствовать, что на позднем этапе эпохи бронзы здесь имелись племена, сходные с носителями срубной культуры. Местный генезис их, безусловно, должен быть исключен, и следует предполагать какие-то перемещения степных племен, происходившие с севера, вероятнее всего, с территории северного Прикаспия.

Для суждений о хозяйственной основе населения восточного Прикаспия на позднем этапе эпохи бронзы пока нет достаточных фактических материалов. Само местонахождение памятников около Больших Балхан, где находятся наилучшие пастбища, сочетающиеся с обилием ключей, указывает на то, что это, по всей вероятности, было скотоводство.

Для истории Средней Азии в эпоху бронзы рассмотренные памятники представляют большой интерес. Прежде всего они заставляют несколько иначе подходить к вопросу о роли тазабагъябской культуры и территории ее распространения. Достаточно четко выявленный в ней компонент срубной культуры выступает теперь самостоятельно и значительно южнее. По-новому представляется и вопрос о направлениях перемещений племен в западной части Средней Азии. В связи с новыми открытиями, видимо, вообще назрела необходимость детального анализа материалов, относимых к тазабагъябской культуре, с целью уточнения ее генезиса и района распространения. Наличие памятников срубного типа вблизи от древнеземледельческих оазисов Туркменистана вводит новый элемент также в рассмотрение весьма важного вопроса о времени и конкретных условиях распространения здесь индоевропейской и более конкретно — иранской речи.

К. КАЧУРИС

К ИЗУЧЕНИЮ ОВЛИЯДЕПИНСКОГО ОАЗИСА
В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. ТЕДЖЕНА

В 1964 г. произведено обследование и разведочные раскопки группы поселений середины I тысячелетия до н. э. в нижнем течении р. Теджена¹, вдоль правого берега, к юго-востоку от 7-го км по 34-й км².

В Овлиядепинском оазисе³ находится 17 памятников, сохранившихся в виде небольших всхолмлений, ненарушенных проникновением более поздних культур, что позволяет легче представить картину жизни целого района для определенного исторического периода. В этом же оазисе прослеживаются следы оплывших каналов, возможно, относящихся ко времени существования этих поселений. В ниже предлагаемом списке дается краткая характеристика памятников Овлиядепинского оазиса.

Датировка керамического материала поселений Овлиядепинского оазиса опирается на его сравнительное сопоставление с материалом наиболее близких территориально синхронных памятников (Мургабский оазис — Гяур-Кала⁴, Яз-депе⁵; Этекский оазис — Елькен-депе⁶; Серахский оазис — Старый Серахс⁷) и более всего со стратиграфической шкалой поселения с цитаделью Яз-депе, в результате которой установлена следующая хронология: яз-I, 900—650; яз-II, 650—450; яз-III, 450—350 гг. до н. э.⁸, и стратиграфической шкалой античного Мерва, разработанной автором этой заметки в 1954—1955 гг.⁹

¹ К. А. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья.— Изв. АН СССР, 1960, № 2, стр. 64 сл.

² Работы велись группой из отряда Геокюрской экспедиции, возглавляемой В. И. Сариниди. В группе работали К. Качурис и Г. Н. Лисицына — геоморфолог. Совместно с Г. Н. Лисицыной произведена разведка оазиса в профиле координирующих работ (раскопка на поселении, изучение оросительной системы и составление археологической карты). В. П. Алексеев — антрополог и П. М. Кожин — археолог исследовали антропологический материал поздних погребений (XI—XII вв. н. э.) из раскопа на холме Овлияде-депе II. Автором настоящей заметки использованы неопубликованные материалы по разведочным раскопкам Овлиядепинского оазиса в 1960—1961 гг., производившимся А. Я. Щетенко в составе Каракумской экспедиции во главе с В. М. Массоном.

³ Название оазиса предложено нами. Памятник Овлияде-депе является наиболее крупным (площадь почти 7000 м²) и находится почти в середине оазиса.

⁴ К. Качурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-Калы.— ТЮТАКЭ, т. XII, 1963, стр. 119 и сл., рис. 3.

⁵ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, № 73, 1959, стр. 48, 61 и сл.

⁶ А. А. Марущенко. Елькен-депе.— ТИИАЭ АН Туркменской ССР, т. V, 1959, стр. 54 и сл.

⁷ А. А. Марущенко. Старый Серахс.— ТИИАЭ АН Туркменской ССР, т. II, 1956, стр. 174 и сл.

⁸ В. М. Массон. Указ. соч., стр. 48.

⁹ К. Качурис, Ю. Буряков. Указ. соч., стр. 119—120, рис. 3.

Археологические памятники Овлядепинского оазиса

Памятники	Местоположение	Размеры			Произведенные работы	Материал и датировка
		длина: (м)	высота (м)	площадь (м ²)		
Гайтарма-депе I	7 км к ю-в от г. Теджен	С-Ю 50 м З-В 60	2,3	2355	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-II, яз-III, VI-IV вв. до н. э.
Гайтарма-депе II	1 км к юю-з от Гайтарма I	С-Ю 60 З-В 50	2,6	2355	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-II, яз-III
Агачлы-депе	4,5 км к югу от Гайтарма-депе	С-Ю 70 З-В 60	4,3	3297	Шурф	Керамика типа яз-II, яз-III
Овлия - депе главный	14 км к ю-в от г. Теджен	С-Ю 105 З-В 85	5,5	около 7000	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-III, V — IV вв. до н. э.
Овлия-депе II	1,5 км к ю-з от Овлия-депе главного	С-Ю 44 З-В 52	1,8	1796	Раскопки постройки	Керамика типа яз-II, яз-III
Овлия-депе III	1 км к ю-з от Овлия-депе главного	З-В 34	2,2	—	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-III
Овлия-депе I	30 м к ю-з от Овлия-депе главного	— 50	—	около 2000	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-III
Яшгуч-депе главный	2,5 км к ю-з от Овлия-депе главного	С-З 86 З-В 82	5,6	5535	Раскоп 1960 г.	Керамика типа яз-II, яз-III
Яшгуч-депе I	55 м к югу от Яшгуч-депе главного	—	2,6	—	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-III
Яшгуч-депе III	110 м к ю-в от Яшгуч-депе главного	ЮВ-СЗ 75 СВ-ЮЗ 45	2,2	2647	Раскоп постройки	Керамика типа яз-II, яз-III
Яшгуч-депе II	160 м к ю-з от Яшгуч-депе главного	С-Ю 25 З-В 35	1,8	654	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-III
Дашли-депе	К северу от Уч-депе главного	Диаметр 60	4,4	2826	Расчистка мусорной керамической свалки у западного склона	Керамика типа яз-II, яз-III
Уч-депе II	К северу от Уч-депе	СЗ-ЮВ 70 ЮЗ-СВ 40	2,6	2198	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-II, яз-III
Уч-депе I		СЗ-ЮВ 58 ЮЗ-СВ 24	3,3	1092	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-II, яз-III
Уч-депе главный	2,5 км к северу от Улуг-депе главного	СВ-ЮЗ 110	6,3	около 6000	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-III
Улуг-депе главный	34 км к югу от г. Теджен	С-Юв 70 З-В 60	4	3297	Шурф	Керамика типа яз-II, яз-III
Улуг-депе I	30 м к югу от Улуг-депе главного	З-В 55 С-Ю 80	—	3391	Сбор подъемного материала	Керамика типа яз-II, яз-III

Разведочный стратиграфический шурф площадью 3 м × 3 м и глубиной 3,3 м на поселении Агачли-депе III дал три культурных слоя: верхний слой (1 м толщины) содержал остатки глинобитной стены постройки; второй (1 м толщины) — также остатки стены постройки (второй строительный период); третий — нижний слой (более 1 м толщины) состоял из натечных прослоек с мусорными остатками. Керамический материал из шурфовки почти целиком принадлежит к типу керамики яз-II. Характерны фрагменты сосудов (хумов) с крючкообразным в профиле венчиком и со скошенной придонной частью¹⁰.

¹⁰ В. М. Массон. Указ. соч., стр. 39, табл. XXXVIII; стр. 205, рис. 3, 8.

План раскопа

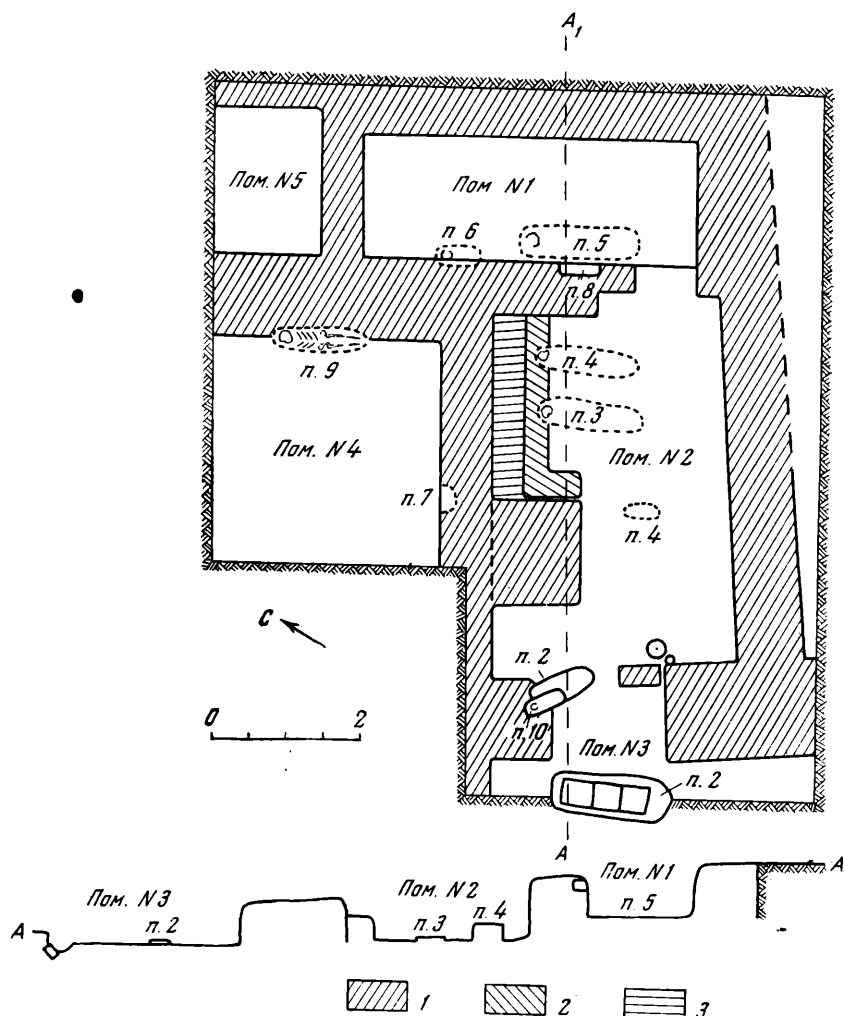

Рис. 41. Поселение Овлиа-депе II. План раскопа.

Условные обозначения: 1 — стены; 2 — забутовка; 3 — пристройки

В раскопе около 100 м^2 на юго-восточной стороне небольшого холма Овлиа-депе II были вскрыты пять взаимосвязанных помещений: (два — целиком и три — частично) прямоугольной формы, сильно нарушенных более поздними погребениями, являющимися частью многокомнатного дома, оплывшими развалинами которых, видимо, является и сам холм (рис. 41).

Помещение № 1 размером $4,50 \times 1,65 \text{ м}$ с глинобитными стенами шириной 70 см (западная) и 55 см (северная), сохранившимися до высоты 75 см от уровня пола. Пол состоит из горизонтально уплотненного слоя глины. Непосредственно под полом — рыхлый слой с золой. Помещение заполнено рыхлым завалом земли, где встречались кости животных и фрагменты керамики.

Помещение № 2 размером $5 \text{ м} \times 3 \text{ м}$ с глинобитными стенами высотой от уровня пола до 80 см. Ширина южной стены 80 см, а северной — 70 см. В завале помещения встречаются фрагменты керамики, кости животных.

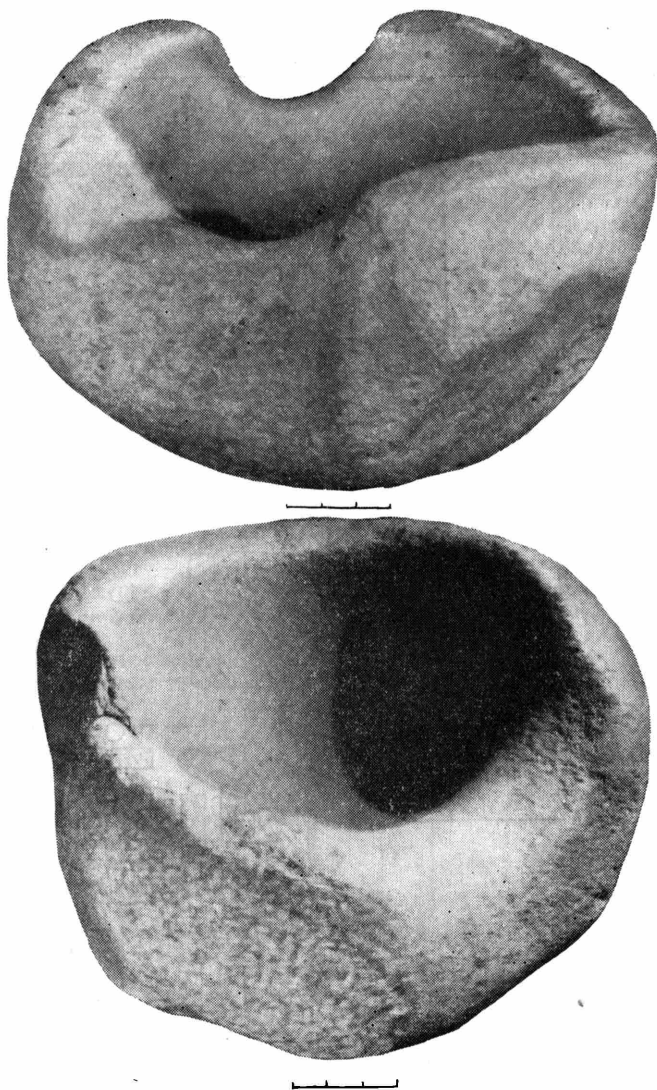

Рис. 42. Поселение Овлиа-депе II. Каменная ступа.

У западной стены найдены фрагменты каменного подпятника для дверей и целая каменная ступа (рис. 42).

Помещения № 1 и 2 соединены дверным проходом шириной 80 см. Также в западной стороне помещения № 2 имеется дверной проход шириной 85 см, ведущий к помещению № 3, которое не вскрыто полностью. Высота стены помещения от уровня пола из плотного слоя глины — 55 см. В этом помещении найдена грунтовая могила, покрытая шестью жжеными кирпичами (размеры: $30 \times 30 \times 5,5$ см и $24 \times 24 \times 5,5$ см) XI—XII вв. н. э.¹¹

Керамический материал из всего раскопа по формам представлен двумя категориями посуды: первая — столовая (кубки, чаши, миски) и вторая — хозяйственная (хумча, хумы, котлы, жаровни). Сосуды изготовлены (кроме кухонных полусферических котлов и неглубоких жаровен ручной лепки) на гончарном круге быстрого вращения; черепок в изломе розовато-коричне-

¹¹ В пределах раскопа обнаружены еще десять грунтовых могил, содержащих по одному скелету без инвентаря. Все скелеты ориентированы с севера на юг, лицом к западу, в вытянутом положении.

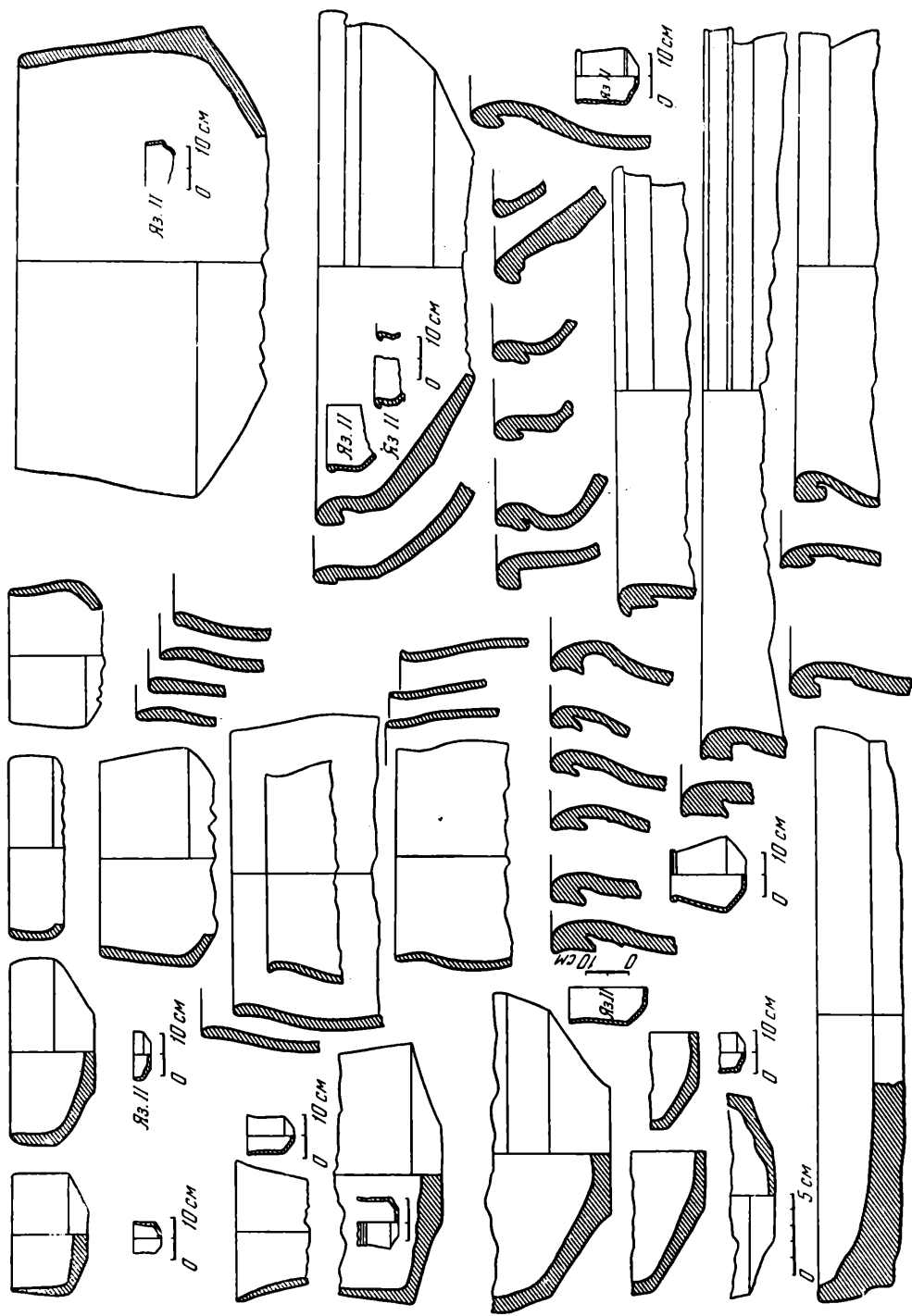

Рис. 43. Поселение Овляя-дере II. Керамика типа ЯЗ-II

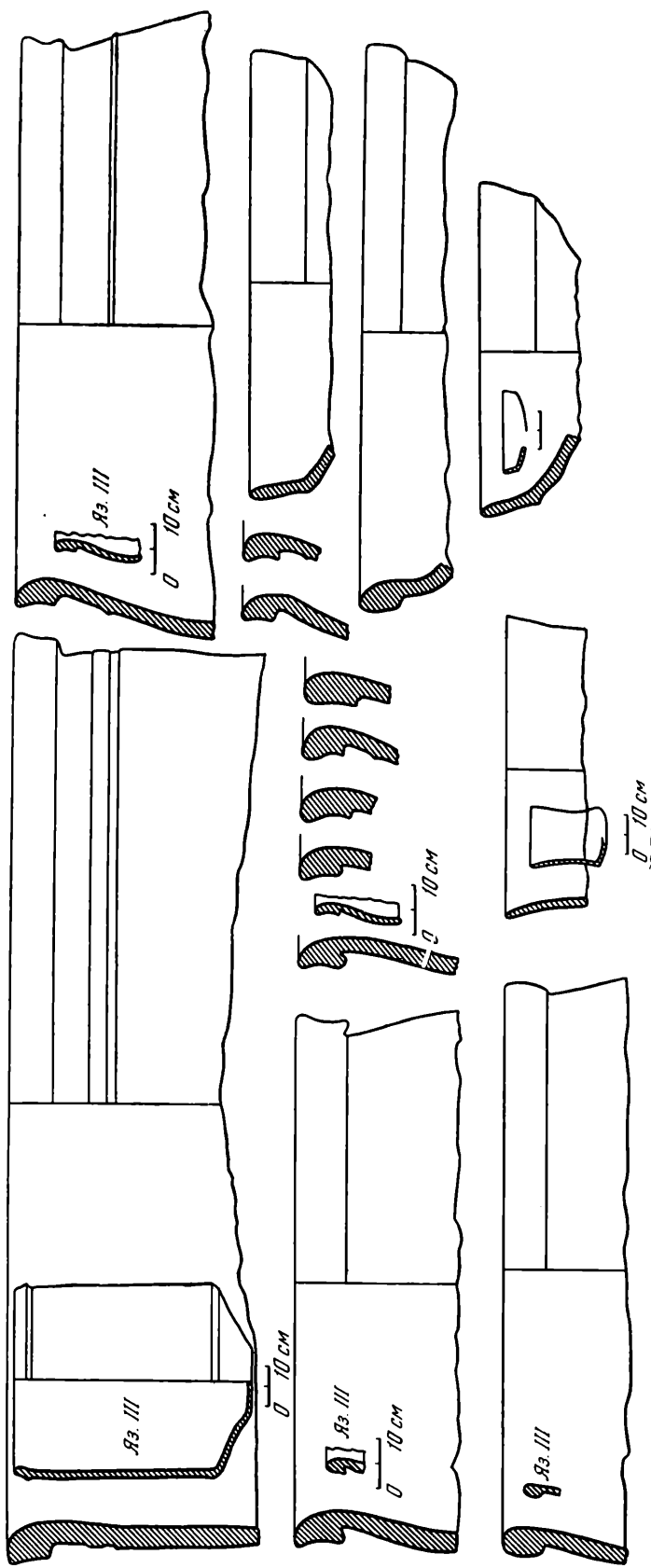

Рис. 44. Поселение Овляй-депе I. Керамика типа ЯЗ-III

ватого цвета; снаружи поверхность сосудов часто покрыта беловатым ангобом.

Наибольшее количество керамического материала из помещения Овлиядепе II находит прямые аналогии и почти идентично керамике типа яз-II¹², Елькен-тепе III¹³ и Гяур-Кала¹⁴ (нижние слои городища) (рис. 43).

Наиболее характерными являются банковидные хумы и хумчи с крючкообразным венчиком и со скошенной придонной частью и тонкостенные кубовидные сосуды с резким перегибом в придонной части.

Керамика из верхнего строительного горизонта памятника, остатки которого были развезены в течение столетий, в основном представлена формами сосудов, очень близкими к керамике типа яз-III¹⁵ (рис. 44). Среди них встречаются характерные формы цилиндрических хумов с венчиком в виде уплощенного валика, с подкошенным дном, а также и полусферические чаши со слегка загнутым внутрь венчиком.

Следует отметить находку двух биконической формы ядер из обожженной глины для пращи (длина 2—3 см) и десяти керамических дисков, сделанных из черепков посуды диаметром 2—3 см, видимо, заготовки для пряслиц или фишки для игры, и двух фрагментов каменных зернотерок.

Аналогичную картину дали раскопки на холме Яшгуч-депе III, в результате которых расчищено восемь прямоугольных помещений с глинобитными стенами. Обнаруженный керамический инвентарь в основном относится к типу керамики яз-II и частично к яз-III (VI—IV вв. до н. э.).

Тожественный же материал дал стратиграфический шурф (2 × 2 м площадь; 3,5 м глубина), заложенный на холме Улуг-депе главного. В результате этих работ можно отнести памятники Овлиядепинского оазиса с середины I тысячелетия до н. э. Перед нами группа некрупных земледельческих поселений, расположенных вдоль русла р. Теджена, откуда, по-видимому, поступала вода для орошения полей (следы каналов, очевидно, до сих пор сохранились). Около больших поселений, называемых главными (Овлиядепе площадью около 7000 м², Яшгуч-депе площадью 5535 м² и Уч-депе и площадью около 6000 м²), расположены небольшие холмики, как, например, раскопанные Овлиядепе II и Яшгуч-депе III, которые были остатками одного, двух или трех многокомнатных домов.

Ввиду того, что впервые начато обследование сельскохозяйственного района (до сих пор раскопки велись на городищах), дальнейшее планомерное изучение его (раскопки и выявление оросительной сети) позволило бы подходить к проблеме о характере общественного строя оседлого населения Овлиядепинского оазиса и судить о состоянии и уровне культуры сельских общин, живших в низовьях р. Теджен в середине I тысячелетия до н. э.

¹² В. М. М а с с о н. Указ. соч., стр. 39—62, табл. XXXVIII—XL.

¹³ А. А. М а р у ш е н к о. Елькен-депе.—ТИИАЭ АН Туркменской ССР, т. V, 1949, стр. 54 и сл., табл. XXVI—XXXII, XXXVII.

¹⁴ К. К а ч у р и с, Ю. Б у р я к о в. Указ. соч., стр. 119—122, рис. 1.

¹⁵ В. М. М а с с о н. Указ. соч., стр. 49—62, табл. XLI—XLII.

Г. А. БРЫКИНА

РАСКОПКИ ЗАМКА В КАРАБУЛАКЕ В 1964 г.

Исследования Карабулакского городища начаты были в 1958 г. До последнего времени раскопки велись на большом тепе, где вскрыты сооружения четырех последовательно сменяющихся периодов, датированных всем комплексом находок XI—XII вв.¹

Среди огромного количества средневековой керамики встретились отдельные фрагменты красноангобирванной посуды с процарапанным орнаментом, характерной для памятников Ферганы первой половины I тысячелетия н. э. Эти находки свидетельствовали о том, что средневековому городищу предшествовало более раннее поселение.

В 600—700 м к западу от большого тепе находилось овальное в плане тепе размером 26,4 × 21 м, высотой около 3 м, раскопки которого начаты в 1964 г. На южном склоне под плотным слоем сероватой супеси открыт рыхлый золистый завал с включениями мелкого древесного угля. В этом слое найдено большое количество керамики, в основном — фрагменты грубой кухонной посуды, крупные окаменелые раковины.

Завал перекрывал стены здания, которое удалось вскрыть полностью. Сохранность здания на разных участках не одинакова; лучше сохранились помещения в северной и северо-восточной его части.

Здание сооружено на очень невысоком естественном возвышении, которое было выравнено тонким слоем глины. Глинобитная масса подстилает стены. Она также хорошо прослежена и за пределами здания, пережившего два периода, сопровождавшихся небольшими перестройками и некоторыми изменениями планировки (рис. 45).

Вход был расположен в южной части здания; плохая сохранность стен в этой части не позволяет говорить о каких-либо сооружениях, защищавших вход. Коридор, расположенный к северу от входа, делил здание на две неравные по площади части. Его длина 9,2 м, ширина в разных частях различна: в центральной части 1,2—1,3 м, в северной и южной частях — 1,4—1,5 м. В южной части коридора на расстоянии полутора метров от входа в продольных стенах находились неглубокие полуовальные ниши, связанные, очевидно, с конструкцией двери здания. В северной стене коридора расположена прямоугольная в плане ниша, а северо-западный угол занимала высокая суфа. Рядом с суфой в западной стене находился стенной очаг, вырубленный в нижней части стены. Устье очага имеет вид полуовальной в плане ниши. Стенки и под очага сильно прокалены, внутри было много золы. В восточной стене открыт такой же очаг, отличающийся от первого невысоким глиняным валиком, сооруженным перед устьем.

¹ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 101—124; Г. А. Брыкина. Раскопки на городище Карабулак в 1961—1962 гг. — КСИА, вып. 98, 1963, стр. 116 и сл.

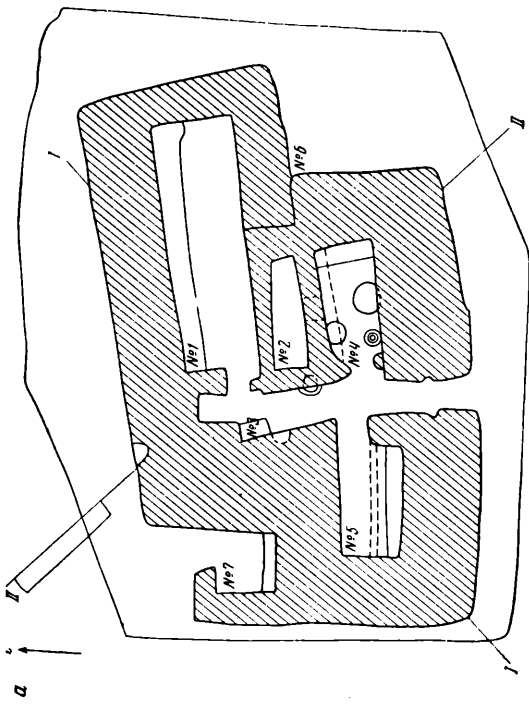
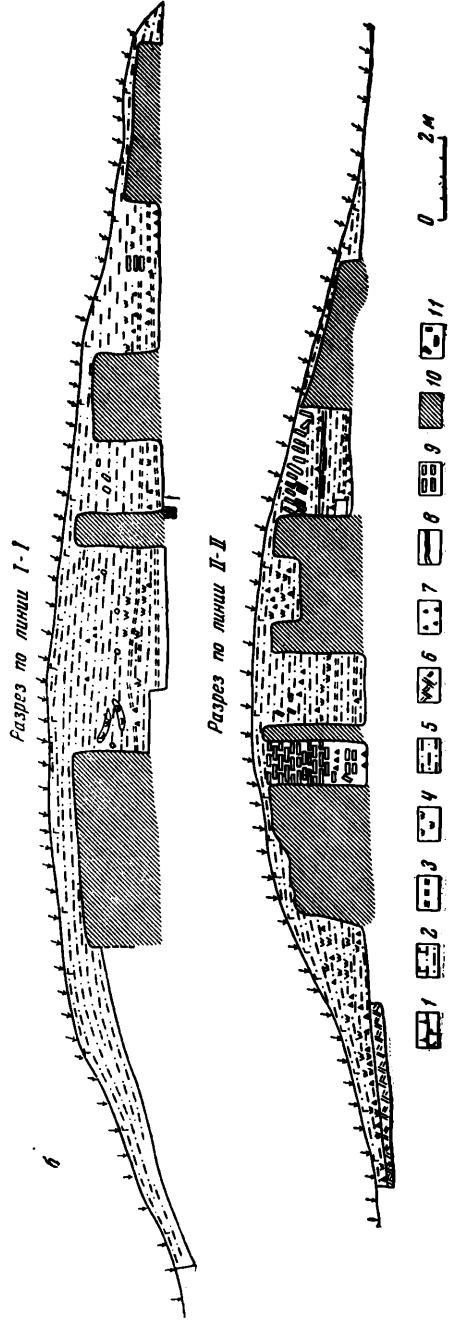

Рис. 45. Карабулак. План раскопа (а) и разрезы (б)

Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — почва; 3 — глин древесный; 4 — зола; 5 — супесь; 6 — материк; 7 — уголь древесный; 8 — натски песчано-глинистые; 9 — кладка кирпичная; 10 — стены из сырцовых блоков; 11 — завал из сырцовых кирпичей

По обе стороны от коридора располагались жилые и хозяйственные помещения. Помещение № 4, находившееся к востоку от коридора, имело хозяйственное назначение. Это была кладовая для хранения продовольственных запасов. Вход в четырехугольное в плане помещение размером $4,20 \times 2,12$ м расположен в западной стене и оформлен пилонами. Южный пилон прямоугольный, углы его несколько скруглены. Северная стена плавно переходит в подтреугольный пилон. Угол, обращенный к дверному проему, также скруглен. У восточной стены находилась суфа шириной 60 см. Судя по завалу из кирпичей, упавших на торец, помещение имело сводчатое перекрытие. В юго-западном углу помещения при расчистке глинобитного пола был обнаружен хум. В 40 см к востоку от него, около южной стены открыта яйцевидная яма. Точно такая же яма открыта в северо-западном углу помещения. Обе ямы, вероятно, предназначались для хумов. В первый период жизни здания в помещении был произведен небольшой ремонт и некоторая реконструкция. Возле северной стены сооружена суфа, она перекрыла яму, из которой, по-видимому, к этому времени хум был уже извлечен.

К востоку от коридора находится другая комната (помещение № 1 на плане), она удлиненно-четырёхугольной формы. Ее размер $9,3 \times 3$ м. Стены сложены из больших сырцовых блоков (80×40 , 80×76 , 60×40); блоки более крупных размеров составляют нижнюю часть стены. Верхние части стен сложены из длиномерных кирпичей. В юго-западной части высота стен 2,3 м, в северо-восточной части, где стены разрушены современной ямой, высота их равна 1,30—1,40 м. Помещение было перекрыто коробовым сводом. Пята его сохранилась на южной стене. Глинобитный пол с включениями мелкой гальки имеет зеленоватый цвет и хорошо утрамбован. К южной стене у дверного проема пристроен прямоугольный пилон, сохранившийся только в нижней части. Вдоль северной стены тянется суфа, сложенная, как и стены, из крупных блоков. Высота суфы 40 см, ширина в западной части 80 см, а северо-восточной 1 м.

К западу от коридора находится только одно помещение № 5, в плане четырехугольной формы размером $4,2 \times 2,4$ м. Стены очень плохой сохранности. В восточной части высота их равна 0,7—0,8 м, в западной — 0,4—0,48 м. Пол глинобитный с известковыми включениями и следами огня. Около южной стены расположена суфа шириной в восточной части 68 см, в западной — 40 см.

Два помещения (№ 6 и 7) расположены по углам здания, с остальными комнатами они не связаны. Помещение № 6 находилось в восточном углу здания, у самого края холма. Восточная и южная стены его не сохранились. Пол глинобитный, хорошо утрамбованный, с включением древесного угля и извести. В северо-западном углу на полу большое зольное пятно. Назначение этого помещения не ясно. В западном углу здания открыто помещение № 7. Оно почти квадратное в плане, вход в него с севера. У южной стены расположена невысокая суфа шириной 40 см. Глинобитный пол местами сильно прокален. Помещение было заполнено завалом из обломков кирпичей, глины, супеси; над полом завал состоял из рыхлой супеси и древесного тлена.

В северо-западной части тепе были зачищены внешние контуры западной и частично северной стен здания. Обе стены зачищены до платформы, на которой они возведены. У северной стены на расстоянии 2,70 м от угла открыт стеной очаг, аналогичный обнаруженным в коридоре. Стенки и под его сильно прокалены, что свидетельствует о длительном и интенсивном его использовании. Никаких построек, с которыми можно было бы связать этот очаг, не обнаружено. Вероятно, он использовался для приготовления пищи в летнее время.

Хотя стены и сохранились местами на достаточную высоту, окна не обнаружены. Очевидно, освещение осуществлялось через световые люки в крыше. Этот наиболее распространенный способ освещения отмечен на мно-

гих среднеазиатских памятниках, относящихся к различным эпохам. Другой способ освещения комнат — через дверные проемы, когда они выходят в открытые внутренние дворы или айваны, едва ли применялся, так как двери всех комнат в описываемом здании выходят в коридор.

Стенные очаги-ниши не имели широкого распространения. В первые века н. э. в Средней Азии наиболее распространенным был очаг-площадка и прямоугольный очаг, окруженный невысоким валиком². Такой формы очаг был открыт нами в здании IV — начала V в. на городище Майда-тепе (южная Фергана) в 1964 г. На средневековых памятниках Ферганы и восточной Усрушаны были распространены пристенные очаги подковообразной формы. Стенные очаги, кроме Карабулака, известны только в Пенджикенте. Поскольку они служили не только для обогрева помещений, но и для приготовления пищи, они располагались в передних и коридорах. Для отопления применялись переносные очаги — толстостенные жаровни³. Обломки их найдены во всех открытых помещениях.

Причина разрушения здания пока не ясна. Судя по находкам и характеру завала, можно предположить, что здание было оставлено жителями, но пустовало недолго. Новые обитатели произвели ремонт и небольшую реконструкцию. Перестройки коснулись лишь южной части здания. Очевидно, во второй период жизни здание имело плоское перекрытие, об этом свидетельствуют находки дерева и древесного тлена в завалах всего здания. Поэтому отпала необходимость в сооружении толстых стен, служивших опорой своду. В толще стены, разделявшей помещения № 1 и 4, было вырублено четырехугольное помещение, длиной 4 м и шириной в восточной части в 0,92 м, а в западной — 1,32 м. Дверной проем соединял это помещение с помещением № 4. Стены, сохранившиеся в высоту на 77 см, сильно прокалены; в заполнении комнаты найдено большое количество фрагментов кухонной посуды.

В помещениях № 1, 4 и в коридоре завалы, образовавшиеся в результате разрушения, были разровнены и утрамбованы, образовалась новая жилая поверхность. Ниша в северной стене коридора была заложена кирпичами. В помещении № 5 возведена дополнительная стена, отгородившая наиболее разрушенную южную часть от остального помещения (эта стена на плане отмечена пунктиром), в результате чего образовался узкий коридор.

Видимо, второй период жизни в здании был недолговременным, его разрушению предшествовал пожар, следы которого отмечены при раскопках во всех помещениях. С этим периодом связано большее количество находок.

Найдено значительное количество керамики, которая расчленяется стратиграфически, но типологически она едина для обоих горизонтов. Посуда по назначению делится на три категории: тарную, кухонную и столовую (рис. 46).

Первая категория малочисленна; она представлена обломками стенок и венчиков хумов и одним целым сосудом, открытым в помещении № 4. Все хумы лепные, имеют невысокое вертикальное горло с утолщенным венчиком. Горло резко переходит в широкое яйцевидное тулово. Аналогичные хумы известны в коллекциях Ак-тепе (Баткен VII—VIII вв.)⁴ и в замках Исфанинского р-на⁵.

Вторая категория керамики — кухонная — наиболее многочисленна. Она изготовлена из грубого теста с примесью очень большого количества песка и толченой ракушки, представлена сосудами двух форм: 1) корчаги или горшки больших размеров. Диаметр устья 16—25 см. Невысокое горло с

² В. Л. Воронина. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии.— СЭ, № 6, 1963.

³ Н. Негматов. О работах Ходженско-Усрушанского отряда в 1965 г.— Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.» Сталинабад, 1959, стр. 120.

⁴ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч., стр. 97, рис. 3.

⁵ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955.

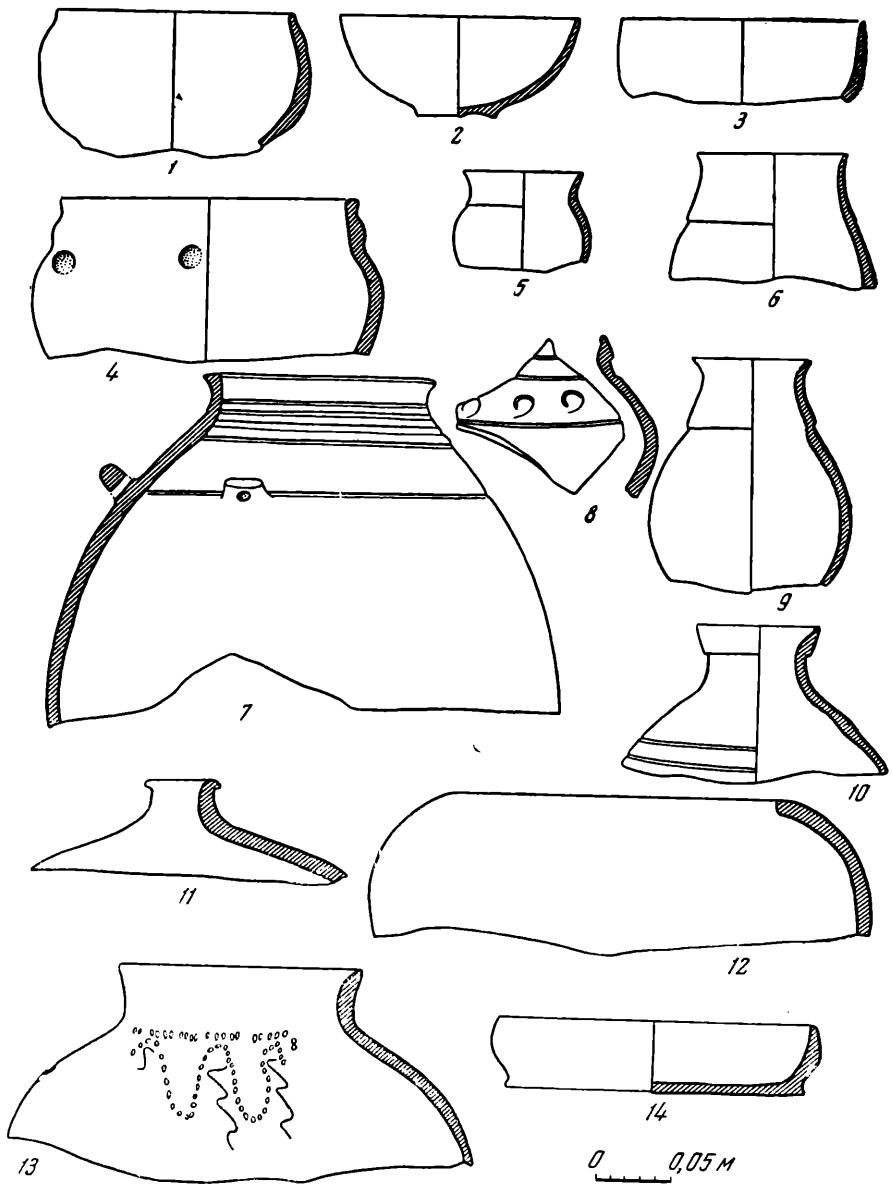

Рис. 46. Карабулак. Керамика из раскопок замка

1—4 — миски; 5 — тонкостенный горшочек; 6—9 — небольшие корчаги; 8 — фрагмент горшка;
7—11 — сосуды для воды; 12, 13 — кухонные сосуды; 14 — жаровня

утопьюшенным венчиком, иногда конической формы, резко переходит в шаровидное тулово. В отдельных случаях тулово украшено углубленным орнаментом (рис. 46, 13); 2) котлы сферической формы, слегка приплюснутые сверху. Венчик не выражен, край обрезан. На отдельных сосудах намечается упор для крышки, который получил широкое распространение в средневековой посуде⁶. Все котлы имеют большие размеры. Диаметр их устья 20—22 см (рис. 46, 12).

Столовую посуду составляют чаши разных форм, небольшие горшочки, корчаги. Большая часть посуды покрыта красным ангобом с оранжевым от-

⁶ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч., стр. 116, рис. 8 и 1.

тенком. Миски можно разделить на две группы. Первая, наиболее многочисленная, представлена мисками полусферической формы, с плоским дном. Все миски тонкостенные. Диаметр их 16—20 см (рис. 46, 2, 3). Вторую группу составляют чаши больших размеров с невысоким бортиком, край которого округлен и отогнут наружу. Усеченный конический корпус чаш имеет округлое очертание и сильно расширен кверху (рис. 46, 1, 4).

У небольших корчаг или горшочков невысокое горло расширяется книзу и плавно переходит в широкое, почти шаровидное тулово, край утоньшен и слегка отогнут наружу. В месте перехода от горла к тулову в одних случаях утолщенная нижняя часть горла образует небольшой уступчик (рис. 46, 5, 9), в других — невысокий валик опоясывает верхнюю часть тулова.

Ряд небольших красноангобированных горшочков имеет сильно отогнутые прямоугольные в сечении венчики.

Особую группу посуды составляют сосуды для воды. К ним относятся большие корчаги с невысоким горлом, плоский край которого оттянут, образуя небольшой треугольный выступ. Горло плавно переходит в широкое яйцевидное тулово, расширяющееся книзу. В верхней части тулова находятся парно расположенные прямоугольные ручки с отверстием для продевания веревки (рис. 46, 7). К этой же группе, очевидно, относятся корчаги средних размеров с утоньшенным подтреугольным в сечении венчиком, опоясывающим широкой полосой устье сосуда. Невысокое горло корчаг переходит в широкое тулово (рис. 46, 10). Для воды использовались сосуды с очень узким невысоким горлом и широким туловом (рис. 46, 11).

Для Ферганы первых веков нашей эры характерна посуда, покрытая плотным блестящим красным ангобом, напоминающим античный красный лак. Такая посуда встречается на всех памятниках первых веков н. э. в Фергане. Большая часть столовой посуды, найденной в Карабулаке, также покрыта красным ангобом. Она обнаруживает сходство с тонкостенной керамикой поселений в Исфанинской котловине, в долине р. Ходжа-Бакырган, на памятниках в р-не Баткена⁷ и Исфары⁸. В то же время в коллекции из Карабулака нет характерных для Ферганы первых веков н. э. тонкостенных чаш с перегибом, нет также и посуды с процарапанным орнаментом. Ангоб, покрывающий посуду, очень плохого качества, с оранжевым оттенком. Подобный ангоб встречается на посуде V—VIII вв. В частности, в коллекции из верхнего слоя Ак-тепе (Баткен) имеется посуда, покрытая таким ангобом.

Кухонная лепная посуда местного производства не находит аналогии в памятниках Ферганы; нет аналогий и корчагам с подтреугольным венчиком. По-видимому, эта местная форма характерна для памятников юго-западных предгорий Ферганы. Как видно, керамика обнаруживает сходство как с посудой первых веков н. э., так и с раннесредневековой.

Поселения первых веков н. э. как в предгорных районах, так и в самой Фергане изучены еще недостаточно. Но тот незначительный материал, который есть в нашем распоряжении, позволяет предположить, что планировка карабулакского здания отличается от планировки жилых домов первых веков н. э. в Фергане. В центре большого дома, раскопанного на городище Майде-тепе, находится большой парадный зал, вокруг которого группируются хозяйственные и жилые помещения⁹.

Планировка, открытая в Карабулаке, характерна для раннесредневековых зданий. Аналогичный план имеет раннесредневековый замок Калаи-Боло, где по обе стороны от длинного осевого коридора располагаются узкие коридорообразные помещения¹⁰. Здания с делением на две половины раско-

⁷ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. соч.

⁸ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Указ. соч.

⁹ Раскопки в 1964 г.

¹⁰ Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Указ. соч.

паны в Шахристане. В замке Тирмизак-тепе, сооружение которого относится к VII—VIII вв., удлиненные прямоугольные комнаты располагаются по обе стороны от осевого коридора¹¹. В замке Урта-Курган парадные и жилые комнаты также расположены по обе стороны коридора¹². Аналогичную планировку имеют раннесредневековые замки в верховьях Зеравшана, в частности замок на горе Муг. Такая планировка типична для усадеб афригидских замков Хорезма. В более позднее время она прослежена в усадьбах XII—XIII вв. (Кават-кала). В Хорезме такая планировка жилого дома доживает до настоящего времени. Туркменские и узбекские усадьбы (хаули) делятся длинным коридором (дализом) на две половины; по обе стороны от коридора расположены жилые комнаты¹³.

Не только планировка, но и строительные приемы и материал, использованные при постройке карабулакского здания, характерны для сооружений середины I тысячелетия н. э., что позволяет датировать открытое нами здание серединой I тысячелетия н. э., точнее V—VI вв.

Раскопанное здание, вероятно, было жилым домом, замком, в котором жила одна семья. В случае военной опасности замок становился крепостью. его стены были надежной защитой для обороняющихся. Расселение домами-усадьбами было характерно для Ферганы первой половины I тысячелетия н. э. Но замки и усадьбы не были единственным типом поселений. Они, как правило, располагались поблизости от городов, составляя их округу. В середине I тысячелетия, в пору становления феодализма, когда центр экономической жизни во многих районах Средней Азии перемещается из города в деревню, замки и неукрепленные поселки, расположенные вокруг них, являются ведущим типом поселений. Замок — резиденция местного дехкана, в случае военной опасности становится убежищем для населения всей округи. Такой тип поселений отмечен С. П. Толстовым в Хорезме, Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским в районе Исфары, нами в соседних с Исфарой районах Баткена и Ляйляка, Н. Негматовым в Шахристане.

---

¹¹ Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Раскопки Тирмизак-тепе.— ИАН ТССР, серия обществ. наук. Сталинабад. 1961, 1 (24).

¹² Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г.— Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1960 г.». Душанбе, 1962.

¹³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 257.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ МЕТАЛЛА КЛАДА ИЗ СОСНОВОЙ МАЗЫ

Типологическая обособленность основной массы орудий из широко известного клада у Сосновой Мазы Саратовской обл., обнаруженного еще в 1901 г., практическое отсутствие в культурно-определенных памятниках Восточной Европы и Западной Азии твердо доказанных аналогий им заставляют нас обратить особое внимание на химический состав металла клада. В настоящей заметке приводится полная сводка спектральных анализов металла клада и делаются предварительные выводы о характере меди, ее аналогиях, характере исходных руд. При этом оставляем в стороне чисто археологические аспекты, так как это уже в значительной мере было сделано предшествующими исследователями. Но прежде чем перейти к основной теме нашей статьи, остановимся на самом кратком литературном обзоре.

Первые сведения о кладе металлических орудий из Сосновой Мазы появились еще в 1909 г., когда его довольно подробно описал А. А. Спицын¹. Им же было высказано предположение, что все косари (серпы) клада были отлиты в восьми литейных формах. В 1933 г. В. В. Гольмстен подвергла косари клада специальному функциональному изучению². Тогда же ею была определена и относительная дата клада, хотя это и было сделано с позиций господствовавшей в то время теории синстадиальности. В 1948 г. О. А. Кривцова-Гракова уточнила время клада (X—VIII вв. до н. э.) и его культурную принадлежность по находке на поселении позднесрубной культуры (хвалынский этап) в Грачевом Саду на р. Самарке литейной формы косаря сосновомазинского типа³, а также по западным аналогиям кельтам и долоту. Для косарей же единственной отчетливой аналогией является находка такого же орудия на известном позднеандроновском поселении Алексеевка в Зауралье⁴. Не возражает против указанной даты и Б. Г. Тихонов, приводящий к тому же для кельтов и кинжалов Сосновой Мазы ряд аналогий из случайных находок Урала, Приуралья и Поволжья⁵. Однако в последнее время наметилась тенденция к удревнению клада. Первым об этом вскользь высказался Н. Я. Мерперт, предлагая датировать его не позднее XII в.⁶

¹ А. С. Некоторые находки медного века.— ИАК, вып. 29, 1909, стр. 65, 66.

² В. В. Гольмстен. Серпы из Сосновой Мазы.— ПИМК, № 5—6, 1933, стр. 32—37.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник.— Труды ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 107.

⁴ Там же, рис. 27, 3.

⁵ Б. Г. Тихонов. Металлические орудия эпохи бронзы на Урале и Приуралье.— МИА, № 90, 1960, стр. 46, 47, 77.

⁶ Н. Я. Мерперт. Срубная культура южной Чувашии.— МИА, № 111, 1962, стр. 21.

Впоследствии эту мысль поддержал и А. И. Тереножкин⁷.

Нами в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР были изучены: 52 косаря, включая пять обломков (рис. 47, 6—9), пять кинжалов (рис. 47, 10—14), четыре кельта (рис. 47, 2—5), одно долото (рис. 47, 1), один слиточек, т. е. всего 63 предмета. Эти цифры расходятся с подсчетами А. А. Спицына: по его определению в кладе был 61 предмет, хотя, по им же самим приведенным данным, их насчитывалось 65 (51 косарь, пять обломков, пять кинжалов, три кельта, один слиток). Кроме того, ни им, ни О. А. Кривцовой-Граковой не учитывалась часть коллекции (два косаря и один кельт), хранящаяся в Саратовском музее.

Таким образом, нами проанализированы, за небольшим исключением, практически все изделия клада. Надо отметить, что массовым анализам, выполненным нашей лабораторией, предшествовали единичные. Так, еще А. А. Спицын упоминал анализы Д. А. Сабанеева, установившего в меди клада наличие высоких содержаний железа от 0,20% до 8,30%. Большое количество железа обнаружили и анализы И. Р. Селимханова⁸.

Химический состав меди Сосновой Мазы, как и типология основной части предметов клада, оказался совершенно специфичным и не нашел себе пока аналогий во всей массе одновременного металла культур Восточной Европы, Западной Азии и Кавказа, несмотря на то, что сейчас известно уже много сотен анализов. Что же представляет собой сосновомазинский металл? Прежде всего спектральный анализ не выявил в нем тех примесей и в таких количествах, с которыми мы сталкиваемся в это время как с легирующими. Не обнаружены в высоких концентрациях ни олово, ни сурьма, ни мышьяк, ни свинец. Единственной примесью, которая может претендовать на роль искусственной, является железо. Железо мы обнаруживаем во всех орудиях и слитке от десятых долей процента до 5% приблизительно. Кроме того, обнаружены свинец, олово, серебро и цинк до сотых долей (серебро достигает 0,07% только в одном косаре в виде особого исключения), никель, кобальт и мышьяк — до десятых долей, часто отмечается марганец, прочие примеси не зафиксированы. Подробные сведения можно получить из аналитических таблиц и частотных гистограмм (рис. 48).

Первый взгляд на гистограммы распределения концентраций всех основных примесей убеждает нас в том, что мы имеем дело с чрезвычайно близкими в химическом отношении металлическими объектами. Интервал содержаний свинца, железа, никеля, мышьяка и цинка — менее двух математических порядков. Несколько больший размах у серебра. И только олово показывает на существование определенных различий. Его гистограмма двугорбистая и говорит о наличии здесь минимум двух группировок меди⁹. Попробуем расшифровать наметившуюся аномалию с помощью более чувствительного корреляционного анализа. На корреляционных полях рассеивания имеющиеся различия проявляются более отчетливо. На графике Fe — Sn (рис. 49) видно несколько более или менее плотных центров, где концентрируются точки анализов. Во-первых, мы можем, безусловно, указать, что часть анализов с границы примерно в 0,002% олова и выше отчетливо отделяются от прочих. Во-вторых, анализы, где олово отсутствует или обнаружено вблизи границы чувствительности примененного метода спектрального анализа (0,0004—0,0005%), группируются в два очень тесных центра. Первый центр рассеивания (21 анализ) характеризуется границами концентраций железа 3,7%—5,0%, второй — 1,9%—2,7% (16 анализов). Пять анализов с отсутствующим оловом и железом в пределах 0,1%—1,1% группи-

⁷ А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода.— СА, № 1, 1965, стр. 69.

⁸ Анализы хранятся в архиве ГИМ.

⁹ Е. Н. Черных. Исследования состава медных и бронзовых изделий методом спектрального анализа.— СА, № 3, 1963, стр. 148—151.

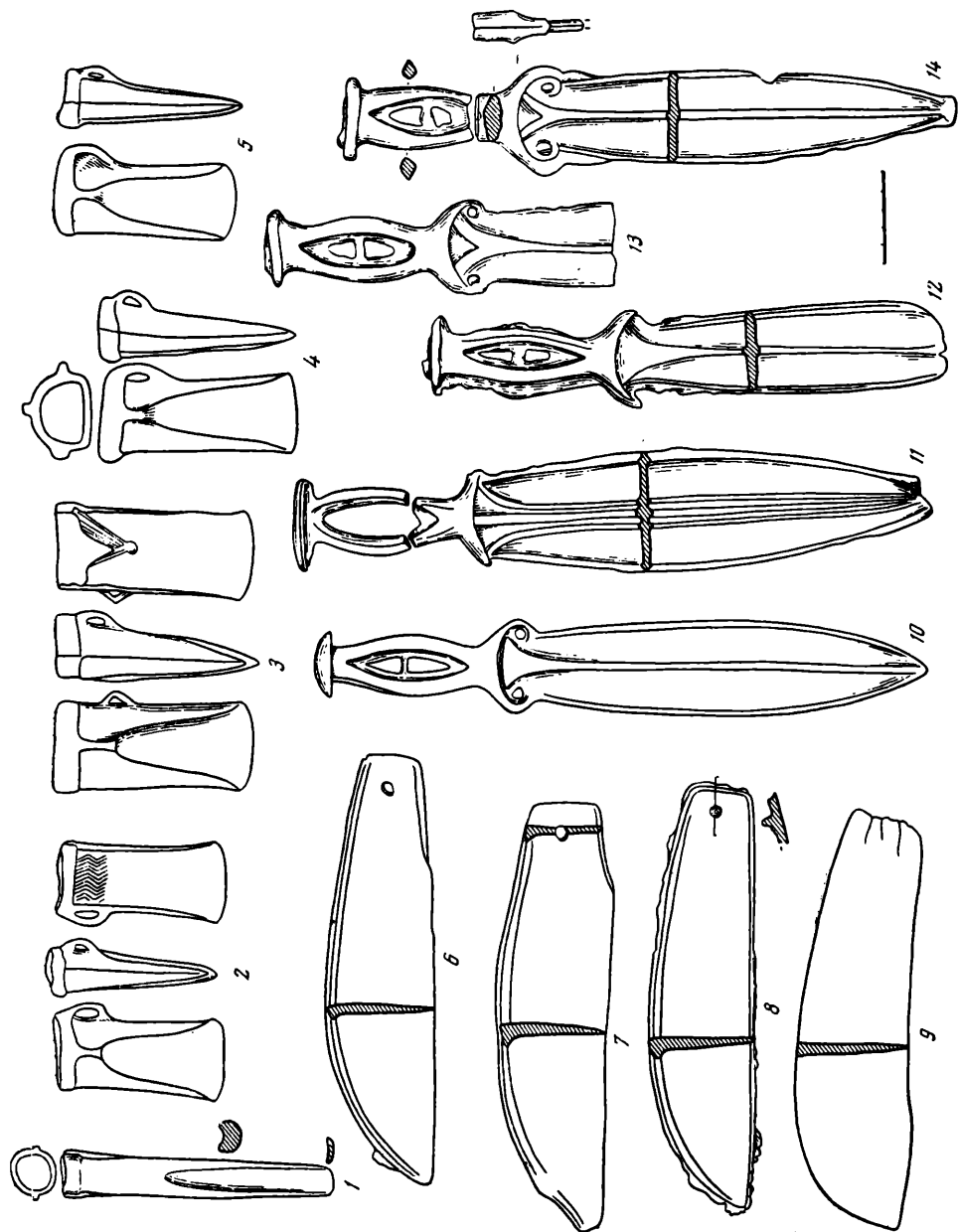

Рис. 47. Основные типы орудий клада из Сосновой Мазы

1 — ан. 51; 2 — ан. 35; 3 — ан. 35; 4 — ан. 50; 5 — ан. 60; 6 — ан. 3; 7 — ан. 2; 8 — ан. 7; 9 — ан. 63;
10 — ан. 59; 11 — ан. 34; 12 — ан. 57; 13 — ан. 58; 14 — ан. 56

руются не столь тесно и вытянуты вдоль оси железа. Металл косаря (рис. 47, 9; ан. 63) вообще существенно отличается от всех орудий клада своим набором примесей. Это выражается прежде всего в повышенном содержании серебра и свинца, в значительно более низких концентрациях никеля и кобальта. Хорошо видно это и на гистограммах, и на корреляционных полях. Поэтому мы отделяем данное изделие от прочих и рассматриваем только 62 предмета. К тому же этот косарь отличает и внешний вид. Он сильно прокован, так что на его хвостовой части имеются значительные трещины. Кроме того, у него отсутствует отверстие для крепления к рукояти.

Металл с оловом выше 0,002% подразделяется не столь четко, хотя и здесь можно увидеть три группировки, по концентрациям железа и других элементов близкие перечисленным выше. Они малочисленнее упомянутых. Однако девять анализов (43—51), вытянувшихся вдоль оси олова и характеризующихся концентрациями железа 3,7—4,5%, и девять других анализов (52—60), расположившихся подобным же образом и ограниченных содержаниями железа 2,0—2,5%, как будто можно отделить друг от друга. От них отпадают два анализа (61, 62), где железа всего 0,6% и 0,8%. График Sn—Ag подчеркивает правильность отделения части анализов с оловом. Помимо олова, в металле этих изделий несколько больше серебра, чем в остальных.

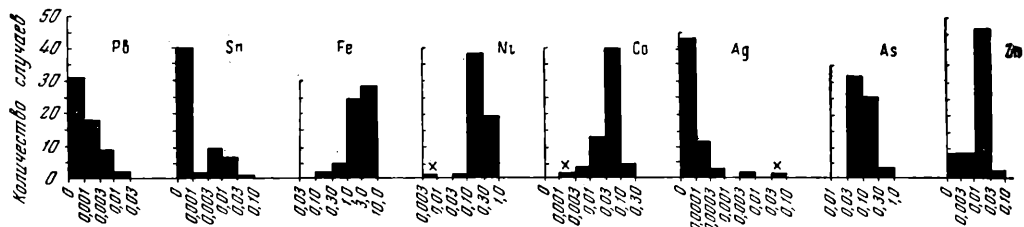

Рис. 48. Гистограммы распределения концентраций основных примесей к меди сосново-мазинского клада. Крестиком отмечено положение анализа № 63

Таким образом, статистическая обработка показывает, что в металле Сосновой Мазы выделяются две группировки¹⁰ и ряд более мелких подразделений. Основой для такого подразделения служат концентрации олова, подчеркиваемые серебром. Для мелких подразделений внутри группировок индикатором являются содержания железа.

Можно ли будет расценивать эти группировки как самостоятельные, вызванные различием в исходных рудах? Такое объяснение предлагается чаще всего при обнаружении ненормального характера распределения концентраций примесей. Однако здесь оно наталкивается на целый ряд труднообъяснимых моментов. Против такой трактовки будет свидетельствовать очень малый интервал концентраций буквально у всех перечисленных элементов. Но, пожалуй, наиболее существенным является то, что сосновомазинский металл объединяется такими редкими для древней меди свойствами, как ничтожные в абсолютном большинстве проб содержания серебра, являющемся в металле того времени очень характерной и широкораспространенной примесью. Эта особенность подчеркивается полным отсутствием и сурьмы, и висмута. Набор примесей в меди клада столь специфичен и неповторим, что указанные аномалии следует объяснять иначе.

Малые или большие нарушения набора примесей мы можем ожидать всегда и из-за примешивания к металлу выплавляемых изделий некоторого количества лома меди или бронзы с иным набором компонентов. В таком случае наиболее значительные примеси могут перейти в конечный металл в заметных количествах. Главным образом это относится к искусственным примесям, добавлявшимся в медь, как правило, в больших количествах. Среди таких нужно назвать в первую очередь олово. Меньше шансов ожидать подобного же распространения от свинца и мышьяка (имеется в виду финал эпохи бронзы). Из естественных примесей, могущих без особых потерь переходить из подмешиваемого лома в конечный металл, упомянем се-

¹⁰ Я намеренно употребляю здесь термин «группировка», а не группа. Группой мы обычно называем химически самостоятельную совокупность металла, обусловленную геохимическим своеобразием рудного источника. Здесь, как это станет ясно далее, группой скорее всего следует назвать весь металл Сосновой Мазы.

ребро и золото ¹¹. Таким образом, именно указанные элементы можно обнаружить прежде всего в повышенных количествах в чистой меди, если имело место смешивание металла различных составов. Можно ли объяснить имеющуюся в сосновомазинском металле аномалию в наборе примесей? По-видимому, да. Обе выделенные группировки, сохраняя редкие черты и специфику, характерную для всего металла Сосновой Мазы, отличаются лишь концентрациями олова и отчасти — серебра, т. е. именно теми, которые мы

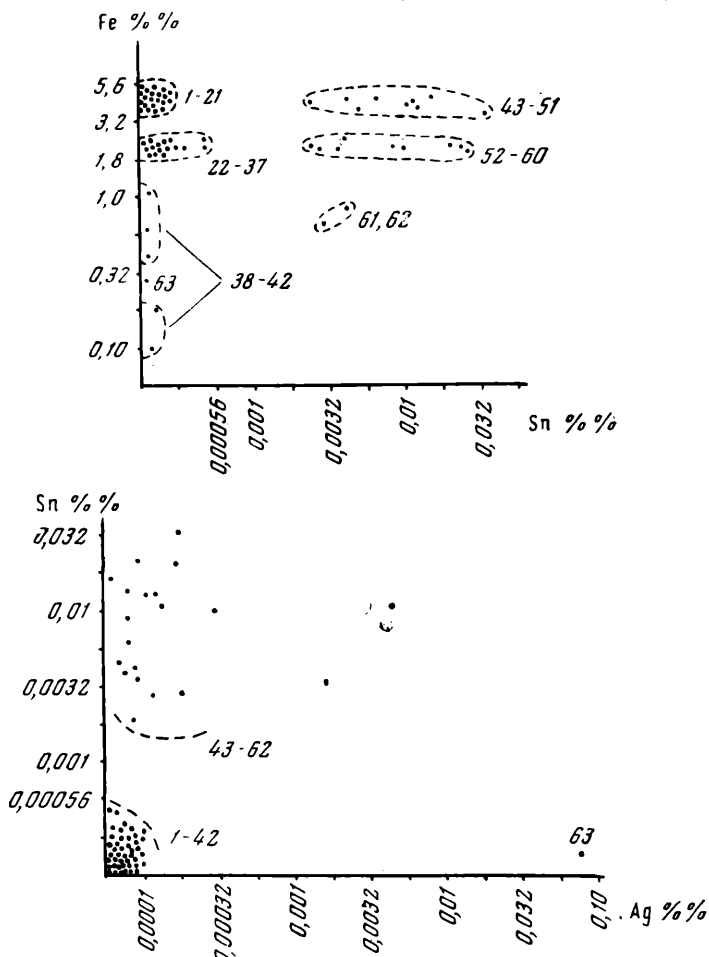

Рис. 49. Корреляционные диаграммы между содержаниями железа и олова, олова и серебра в меди клада. Цифрами на корреляционных полях обозначены номера анализов

вправе расценивать как наиболее подвижные в случае вторичного перемешивания металла. На мой взгляд, это объяснение более удовлетворительно.

Вопрос об искусственном или естественном происхождении примеси железа в меди клада является одним из основных. Железо, увеличивая твердость сплава, вместе с тем повышает и точку плавления его. Правда, повышение точки плавления при настоящих концентрациях не столь велико, чтобы остановить древнего металлурга, достигавшего и более высоких температур. Существенным возражением против определения железа в качестве искусственного компонента будет то, что легирование меди металлическим железом тогда практически было невозможно. Температура плавления чистого железа (1535°) слишком высока, чтобы оно могло расплавиться в

¹¹ Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 151, рис. 4.

жидкой медной ванне. Для того, чтобы железо попало в медь в значительных количествах, необходимо было совместное восстановление медной и железной руд. Таким, например, был процесс, протекавший при выплавке меди из медно-колчеданных руд, где происходил сложный металлургический передел халькопирита (медного колчедана) и часто связанного с ним минералогически пирита (железного колчедана). Железо в таких случаях большей частью ошлаковывалось. Однако значительная доля его попадала в медь.

Переход к выплавке меди из колчеданных руд являлся одним из важнейших революционных скачков в металлургии эпохи меди. Он вплотную приблизил древних к познанию процессов восстановления железа. Этот скачок происходил во многих районах не раньше самого конца бронзового этапа. По-видимому, клад из Сосновой Мазы свидетельствует о начавшемся тогда в Поволжье использовании металла, выплавленного из медно-колчеданных руд, и, соответственно, об освоении в Восточной Европе или Западной Азии сложного металлургического процесса. Не исключено, что рудная база меди клада находится в пределах зоны медно-колчеданных месторождений Южного Урала, хотя и удовлетворительного материала для такого утверждения мы еще не имеем. Не исключено также, что использованием этого столь редко разрабатывавшегося тогда типа руд и объясняется изолированность металла Сосновой Мазы с точки зрения его химизма. Интересно, что косарь Алексеевки изготовлен в противоположность другим изделиям с этого поселения также из высокожелезистой меди, хотя и с другим набором примесей. Из аналогичной меди сделан и другой косарь сосновомазинского типа, случайно найденный, по-видимому, в Сибири¹².

Итак, есть все основания полагать, что изделия исследуемого здесь клада изготовлены из меди без каких-либо искусственных примесей. Мастеру, изготовившему орудия клада, пришлось удовлетвориться той прочностью сплава, которую придало ему железо, перешедшее в металл из руд. Естественный характер сосновомазинских высокожелезистых сплавов объясняется, конечно, не незнанием таковых вообще, а отсутствием у древних мастеров этого района необходимой лигатуры.

При таком подходе к примеси железа легче объяснить и наличие мелких группировок. Литейщик, изготовивший изделия, использовал, по-видимому, некоторое количество слитков, металл которых в химическом отношении имел наиболее заметные отличия в концентрациях железа и ряда других элементов. Наши анализы по концентрациям железа группируются в основном в пределах двух границ: 1) 3,7—5,0% (30 изделий, ан. 1—21, 43—51) и 2) 1,9—2,7% (25 изделий, ан. 22—37, 52—60). Медь семи изделий (ан. 38—42, 61, 62) несет в себе более расплывчатую картину примеси железа, варьирующую в пределах целого математического порядка, — 0,1—1,1%.

На основании этого мы можем предположить, что древний литейщик имел в своем распоряжении два относительно крупных слитка, из которых было отлито 55 орудий. От одного из них остался, по-видимому, небольшой обломок (в нем, кстати, олова не обнаружено). Семь косарей отлито, вероятно, из некоторого количества обломков от иных слитков. Примесь олова позволяет предполагать, что отливка орудий из каждого слитка проводилась в два этапа: большая часть изделий отливалась без добавки в медь лома бронзы, меньшая — с добавками. Если эти обе части предполагаемых слитков не будут существенно различаться между собой по химическому составу (за исключением олова и серебра), то не будет возражений и против высказанной гипотезы о добавке лома бронзы.

Таблица показывает, что, кроме безусловной некоторой разницы между обоими предполагаемыми слитками по содержаниям железа, кобальта и никеля, обе части отливок каждого из слитков не имеют существенных различий, чтобы противоречить высказанному нами предположению. Обе части

¹² Хранится в музее кафедры археологии МГУ, № 100/5.

Таблица 1

Сравнение химического состава двух предполагаемых слитков

Элементы	Слиток 1		Слиток 2	
	отливка с ломом	отливка без лома	отливка с ломом	отливка без лома
Fe	3,7—4,5	3,7—5,0	2,0—2,5	1,9—2,7
Zn	?—0,025	0,012—0,03	?—0,027	?—0,023
As	0,06—0,20	0,045—0,18	0,055—0,17	0,04—0,20
Ni	0,25—0,33	0,25—0,45	0,20—0,30	0,14—0,30
Co	0,05—0,16	0,05—0,12	0,025—0,06	0,02—0,05
Pb	0—0,013	0—0,002	0—0,009	0—0,009

слитка тождественны практически по всем замеренным параметрам. Некоторая же разница и имеющий место иногда большой интервал концентраций можно объяснить следующими причинами. Во-первых, в каждом достаточно массивном литом предмете (типа слитка) ликвация, т. е. неравномерное распределение примесей по его телу достигает часто существенных значений. Во-вторых, необходимо помнить, что исследованный металл прошел дополнительную температурную обработку, повлекшую некоторое неоднородное выгорание отдельных примесей. Это, безусловно, могло увеличить интервал содержаний. Тот же эффект мог последовать и от введения в металл лома бронзы. Увеличив в целом содержание олова и серебра, влияние лома могло отразиться и на других элементах. В частности, повышенное содержание свинца в одном из косарей (ан. 43), попадающего в предполагаемую отливку с подмешанным ломом, можно объяснить именно этим. И, наконец, последней причиной могла быть ошибка определения, обычная при применяемом методе анализа. Следовательно, нет оснований отвергать высказанное нами предположение.

Вес клада около 20 кг. Без учета семи косарей с пониженным железом на остальные 54 орудия и слиточек падает вес около 17 кг. Таким образом, были использованы слитки (если наше предположение верно) весом 8—9 кг. Это не противоречит истинному весу слитков, бытовавших в конце эпохи раннего металла.

Таблица 2

Распределение отдельных категорий предметов по гипотетическим плиткам и отливкам

Отливки	Слиток 1 (железо 3,7—5,0%)		Слиток 2 (железо 1,9—2,7%)		Случайные обломки (железо 0,1—1)	
	без лома	с ломом	без лома	с ломом	без лома	с ломом
предметы						
косари	21	7	12	4	5	2
кельты	—	1	2	1	—	—
кинжалы	—	—	1	4	—	—
долото	—	1	—	—	—	—
слиточек	—	—	1	—	—	—

Данная таблица позволяет сделать несколько наблюдений. Так, плавка части первого слитка без добавки лома шла только на изготовление 21 косаря. Вообще же из этого слитка было отлито 28 косарей и только один кельт и долото. Из другого слитка были сделаны все пять кинжалов и три кельта.

Спектральный анализ изделий сосновомазинского клада

№ анализ- зов	Шифр лабо- ра- тории	Предмет	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Fe	Ni	Co	Mn
1	484	косарь	—	?	0,025	?	0,06	3,7	0,45	0,1	<0,003
2	486	»	—	0,002	0,023	?	0,075	5,0	0,3	0,12	~0,003
3	488	»	—	?	0,012	?	0,18	4,0	0,25	0,045	<0,003
4	490	»	—	?	0,025	?	0,09	4,5	0,27	0,028	<0,003
5	491	»	—	?	0,027	?	0,08	4,7	0,27	0,05	<0,003
6	493	»	—	—	0,012	?	0,06	4,7	0,45	0,06	?
7	494	»	—	—	0,012	?	0,06	4,0	0,32	0,05	<0,003
8	495	»	—	—	0,03	?	0,045	4,0	0,3	0,05	>0,001
9	496	»	—	—	0,012	?	0,07	4,5	0,25	0,05	>0,001
10	498	»	—	—	0,025	?	0,06	4,3	0,25	0,05	<0,003
11	500	»	—	?	0,02	—	0,06	4,3	0,25	0,05	<0,003
12	501	»	—	?	0,012	0,0001	0,05	4,0	0,35	0,06	<0,003
13	502	»	—	?	0,025	?	0,05	4,0	0,23	0,05	<0,003
14	506	»	—	?	0,012	?	0,07	5,0	0,40	0,055	<0,003
15	507	»	—	—	0,014	?	0,05	4,0	0,35	0,55	?
16	520	»	—	0,002	0,013	?	0,16	4,0	0,30	0,05	<0,003
17	521	»	—	?	0,013	?	0,16	4,3	0,32	0,1	<0,003
18	524	»	—	?	0,013	?	0,045	4,7	0,30	0,05	~0,003
19	525	»	?	—	0,023	0,0001	0,045	4,3	0,30	0,06	~0,003
20	526	»	—	—	0,022	—	0,06	5,0	0,30	0,05	~0,003
21	532	»	—	?	0,025	—	0,06	4,0	0,30	0,075	~0,003
22	489	»	0,0005	0,002	0,012	?	0,15	2,2	0,30	0,02	~0,001
23	503	»	—	0,001	0,023	?	0,17	2,1	0,20	0,05	~0,001
24	504	»	—	0,001	0,025	?	0,16	2,0	0,23	0,05	>0,003
25	508	»	—	0,001	0,011	?	0,20	2,0	0,25	0,025	<0,001
26	511	»	—	—	0,006	?	0,07	1,9	0,23	0,05	<0,001
27	513	»	—	—	0,012	—	0,04	2,5	0,22	0,05	<0,003
28	516	обломок косаря	0,0005	?	0,009	?	0,16	2,7	0,20	0,02	<0,003
29	517	»	—	?	?	?	0,18	2,0	0,23	0,05	~0,001
30	519	косарь	?	0,002	0,009	?	0,18	2,0	0,14	0,025	~0,001
31	523	»	—	0,001	0,008	—	0,20	2,1	0,22	0,045	>0,001
32	527	»	—	?	0,014	?	0,16	2,0	0,24	0,05	~0,001
33	533	»	—	0,002	0,02	?	0,15	2,0	0,24	0,05	0,001
34	538	кинжал (34 см)	—	0,004	0,023	—	0,08	2,0	0,22	0,025	0,003
35	540	кельт (инв. № 69)	—	0,009	?	—	0,15	2,0	0,20	0,02	<0,001
36	541	кельт (инв. № 68)	0,0004	—	?	?	0,17	2,0	0,24	0,05	0,001
37	542а	слиточек	—	0,005	0,02	?	0,16	2,0	0,21	0,02	<0,003
38	492	косарь	?	0,001	0,01	?	0,18	0,40	0,25	0,023	—
39	499	»	—	0,001	0,023	?	0,18	1,1	0,23	0,05	?
40	505	»	—	0,002	0,012	0,0001	0,06	0,60	0,23	0,025	~0,001
41	512	»	—	0,002	?	?	0,15	0,18	0,11	0,008	—
42	518	обломок косаря	—	?	—	0,0001	0,16	0,10	0,15	~0,003	—
43	487	косарь	0,002	0,013	0,012	0,0009	0,12	4,5	0,27	0,05	0,003
44	498	»	0,005	0,002	0,01	0,0008	0,18	3,7	0,25	0,05	>0,001
45	509	»	0,014	—	0,01	0,0001	0,16	4,0	0,25	0,07	0,003
46	510	»	0,014	—	0,01	0,0001	0,16	4,0	0,25	0,07	0,003
47	515	обломок косаря	0,004	0,001	0,012	?	0,08	4,3	0,30	0,06	0,003

№ анали- зов	Шифр лабора- тории	Предмет	Sn	Zn	As	Ni	Pb	Ag	Fe	Co	
48	522	косарь	0,011	0,001	0,025	0,0001	0,06	4,3	0,30	0,06	0,003
49	1693	»	0,006	?	0,017	?	0,08	4,5	0,33	0,08	?
50	1679	кельт	0,015	—	?	?	0,20	4,5	0,32	0,09	0,01
51	539	долото	0,033	0,004	0,016	0,0001	0,09	3,7	0,33	0,16	0,003
52	485	косарь	0,004	0,004	0,012	?	0,16	2,5	0,27	0,08	0,003
53	529	»	0,023	0,002	0,012	?	0,17	2,1	0,20	0,025	0,001
54	531	»	0,009	?	0,013	?	0,08	2,1	0,30	0,05	>0,001
55	533	»	0,002	0,009	0,027	—	0,055	2,0	0,22	0,05	~0,003
56	534	кинжал (34 см) с обл. рукоятью	0,025	0,007	?	0,004	0,07	2,0	0,25	0,04	0,001
57	535	кинжал с обл. концом	0,01	0,009	0,034	0,0003	0,08	2,0	0,27	0,06	0,003
58	536	обломок кинжала (19 см)	0,02	0,008	0,012	0,0001	0,09	2,0	0,25	0,05	0,003
59	537	кинжал (37 см)	0,0035	—	0,012	?	0,07	2,0	0,24	0,05	0,003
60	542	кельт	0,003	—	?	0,0001	0,04	2,0	0,30	0,07	0,001
61	514	обломок косаря	0,003	—	0,009	0,0001	0,11	0,60	0,22	0,027	—
62	528	косарь	0,004	0,002	0,012	?	0,16	0,80	0,11	0,02	0,003
63	1694	сильно прокованный косарь с трещинами на хвостовой части	—	0,01	—	0,07	0,16	0,30	0,008	0,001— —0,003	—

Примечание. Медь является основой всех проанализированных сплавов; примесей висмута, сурьмы и фосфора не обнаружено ни в одной пробе; золото в тысячных долях процента обнаружено только в одной пробе (ан. 56), титан в аналогичной концентрации — в ан. 59. 60 из исследованных предметов хранятся в ГИМ (№ 43959), три — находятся в Саратовском историко-краеведческом музее; кельт, ан. 50 — музейный № 929; косарь — ан. 49 — музейный № 571; косарь, ан. 63 — музейный № 572.

Подведем основные итоги исследованию. Изученный металл Сосновой Мазы представляет собой медь, искусственно не легированную ни одним металлом. Основной причиной этого было, конечно, отсутствие у древнего литейщика необходимой лигатуры. Железо, достигающее в сосновомазинской меди концентраций 5%, является, по всей вероятности, здесь естественной примесью в результате ее выплавки из медно-колчеданных руд. В металле Сосновой Мазы мы впервые видим реальные доказательства освоения этого технически нового металлургического процесса в Восточной Европе. Для отливки большей части изделий клада (55) были использованы, по-видимому, два массивных слитка весом 8—9 кг каждый. Семь косарей были отлиты из случайных обломков. При отливке 20 изделий в их медь было добавлено некоторое количество лома оловянистой бронзы. Один косарь по химизму своего металла и внешним признакам чужд всем прочим. Набор примесей меди клада не отождествляется ни с одной из групп металла, бытующих на территории Восточной Европы, Западной Азии и Кавказа. Это, а также значительная типологическая обособленность изделий клада делает его одним из наиболее интересных памятников финальных стадий бронзовой эпохи в Восточной Европе.

Н. Я. МЕРПЕРТ

О ЛУРИСТАНСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В КЛАДЕ ИЗ СОСНОВОЙ МАЗЫ

Замечательный клад металлических изделий из Сосновой Мазы изучен еще далеко недостаточно, и тем больший интерес представляет публикуемая ныне статья Е. Н. Черныха. В этом случае следует признать, что специальный химический анализ изделий клада обогнал его формально-типологическое исследование, историческую интерпретацию и хронологическое определение. Естественно, в данной статье невозможно поставить все эти вопросы, заслуживающие монографического исследования. Но один из них я хотел бы здесь предельно кратко осветить. Это вопрос о том, какая ориентация культурных связей определила облик изделий из Сосновомазинского клада и с каким этапом развития металлургии нашей степной полосы этот клад связан?

Справедливо считается общепризнанным, что конец III — начало II тысячелетия до н. э. (т. е. время катакомбной культуры) отмечены абсолютным доминантом кавказского металлургического очага. Положение заметно меняется в середине II тысячелетия до н. э., когда мощный подъем нового урало-казахстанского очага обусловил распространение иного металла и иных форм (в том числе сейминско-турбинских). Для европейской части нашей страны это распространение связано прежде всего с широкой экспансией срубных племен. Именно эта вполне конкретная и, как я полагаю, достаточно быстрая экспансия привела к появлению одинаковых ранних форм копий, ножей, кельтов и пр. (а также, добавлю, керамики и погребального обряда) на огромной территории от Приуралья до Молдавии. Сейминско-турбинские традиции были достаточно стойкими; они развивались на протяжении нескольких веков и на некоторых территориях дожили до начала железного века (Прикамье, Приуралье). На некоторых, но не на всех.

На обширных пространствах каспийско-черноморских степей картина была значительно более сложной. Южная ориентация культурных связей и прежде всего воздействие южных металлургических очагов возродились здесь в новых формах уже на позднем этапе развития срубной культуры. И одним из наиболее ярких свидетельств этого возрождения является клад из Сосновой Мазы.

Состав клада достаточно сложен. Наряду с вещами, которые могут быть связаны с местными традициями¹, в состав его входят изделия, чуждые сейминско-турбинскому кругу и всему урало-казахстанскому металлургическому очагу в целом. Наиболее характерны здесь кинжалы с листовидной

¹ Например, секачи: один из них найден в весьма раннем срубном погребении с охрой в кургане № 2 у с. Ягодного (МИА, № 43, 1954, стр. 46).

полосой, снабженной одной или тремя нервюрами, с ажурной (скорее всего касетной) увенчанной грибовидным навершием рукояткой и перекрестием в виде серпа или развитых волют². Кинжалы оригинальны, тождественных им изделий пока не найдено. Но абсолютно безусловна принадлежность их к единому кругу форм, распространенных в Северном Причерноморье³ и на Кавказе⁴ в позднем бронзовом веке. Бесплезно искать истоки этого круга в сейминско-турбинской металлургии: она полностью чужда ему. Но зато с достаточной четкостью эти истоки могут быть определены на юге — в металлургических центрах Передней Азии.

Я не буду касаться здесь происхождения и распространения кинжалов с касетной рукояткой⁵: это особый вопрос, да и далеко не все такие кинжалы можно сопоставлять с сосновомазинскими формами. Но укажу на поразительное сходство специфического оформления последних с оформлением оружия Луристана и неразрывно связанных с последними тальшских комплексов восточного Закавказья⁶.

В Луристане известны кинжалы и мечи с вытянутой листовидной полосой с нервюрами, грибовидным навершием, расширяющимся в центре стержнем рукоятки и волютным перекрестием⁷. В Тальше распространены мечи с касетными, в том числе ажурными, рукоятками и тем же волютным перекрестием⁸. Наряду с треугольными здесь известны и листовидные полосы коротких мечей и кинжалов, снабженные нервюрами и весьма близкие сосновомазинским. Отмечу в связи с этим, что такие формы для Луристана являются отражением очень архаичных черт⁹: истоки их можно видеть еще в листовидных кинжалах царского некрополя Ура¹⁰.

Сходство сосновомазинских кинжалов с луристанско-тальшскими формами поразительно: из всех комплексов каспийско-черноморских степей оно проявляется здесь наиболее четко. Можно с уверенностью утверждать, что влияния огромного луристанского металлургического очага, распространившиеся на восток до Аньяна и на запад до юго-восточной Европы, достаточно четко прослеживаются и в нашей степной полосе. Распространение этих влияний через Кавказ безусловно (Тальш — свидетельство тому) и не требует специальных доказательств. Отражения их на самом Кавказе правильно подчеркнуты и в публикуемой в настоящем сборнике статье В. А. Сафорова.

Приведенные выше факты заставляют рассматривать и вопрос датировки сосновомазинскогоклада в прямой зависимости от хронологии луристанских бронз. Как известно, последняя вызвала немало споров.

Общие рамки луристанских находок у разных авторов колеблются от 1400—1100 гг. до н. э. (Herzfeld, Pope) до 500—300 гг. до н. э. (Moort-

² См. статью Е. П. Черныха в настоящем сборнике, рис. 1, 10—14.

³ Достаточно указать на литейные формы Красномаяцкого клада и Кардашинки, на кинжалы из с. Волошского Днепропетровской обл., Ингульского клада и др. (см.: О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.—МИА, № 46, 1955, рис. 30, 33, 34 и пр.).

⁴ А. А. Иессен. Из истории древней металлургии Кавказа.—ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 162 и сл.; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии северной Осетии докобанского периода.—МИА, № 23, 1951, стр. 66, рис. 25, 6; М. Н. Погребова. Бронзовый кинжал переднеазиатского типа из Кедабского могильника в северном Азербайджане.—Труды ГИМ, вып. 37, 1960, стр. 60 и сл.

⁵ R. Hutchison. Two Mesopotamian daggers and their relatives.—Iraq, v. I, p. 2, nov. 1934.

⁶ T. S. Meek. Bronze swords from Luristan.—Bull. of the American schools of Oriental Research, N 74, apr. 1939; C. Schaeffer. Stratigraphie comparee et chronologie dans l'Asie Occidentale. Paris, 1948, стр. 477 и сл.

⁷ C. Schaeffer. Указ. соч., табл. 265, 14, 15.

⁸ Там же, табл. 217, 3; табл. 227, 6—10; табл. 236, 1.

⁹ C. Schaeffer. Указ. соч., стр. 462 и сл.

¹⁰ C. L. Wooley. Ur excavations, vol. II. The royal cemetery, 1934, табл. 152; табл. 228, 3.

gat)¹¹. Мне представляется наиболее убедительным предположенное К. Шеффером членение луристанских бронз на три хронологические группы¹². Но абсолютная датировка этим исследователем третьей — основной группы (1500—1200 гг. до н. э.) представляется мне заниженной: она связана с весьма спорным утверждением автора о том, что луристанский очаг полностью прекратил существование с началом железного века. Более обоснована датировка этого этапа Г. Контено — 1300 (1200)—700 (600) гг. до н. э.¹³ Учитывая архаизм интересующих нас форм кинжалов и наличие на некоторых из изделий этого типа вавилонских надписей XII в. до н. э., всю группу можно с достаточным основанием отнести к XIII—XI вв до н. э. В этих пределах должен быть датирован и клад из Сосновой Мазы, что подтверждается и рядом других данных (находка кельта, подобного сосновомазинскому, в Трое VII А, датировка Красномаяцкого клада и подобных ему памятников Северного Причерноморья¹⁴ и пр.).

Являются ли сосновомазинские кинжалы привозными или они копируют луристанско-талышские образцы — решить пока нельзя: состав их металла, как показано Е. Н. Черныхом, глубоко своеобразен. Но и в том и в другом случае можно говорить о безусловных южных влияниях, шедших через Кавказ и с самого Кавказа, вызвавших появление новых типов металлургических изделий в ряде районов Поволжья и Северного Причерноморья, где они сочетались с продолжавшими развиваться сейминско-турбинскими формами.

---

¹¹ С. Schaeffer. Указ. соч., стр. 477 и сл.

¹² Там же.

¹³ D-r G. Contenu. Manuel d'archéologie orientale, vol. IV. Paris, 1948, стр. 2160 и сл.

¹⁴ А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода.— СА, 1965, № 1, стр. 63 и сл.

IV. ХРОНИКА

СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА

в 1963 и 1964 гг.

Сектор Средней Азии и Кавказа работал в 1963 г. над изучением исторических проблем, связанных с территорией Средней Азии, Сибири, Нижнего Поволжья и Кавказа. Хронологически это период, охватывающий время от эпохи неолита до средневековья.

Сектор занимался двумя большими проблемами: историей первобытного общества и генезисом и развитием различных форм феодальных отношений. По первой проблеме коллектив сотрудников, работающих над монографией «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», закончил в основном свой труд. В этой монографии охвачен период от палеолита до эпохи железа. В работе принимали участие В. М. Массон, И. Н. Хлопин и Ю. А. Заднепровский. С этой же проблемой связана тема А. А. Иессена и К. Х. Кушнаревой «Древнеземледельческие культуры южного Кавказа».

Одна из главных тем второй проблемы — «Культура древнего Пенджикента» (А. М. Беленицкий). Автором изучен материал по новым памятникам искусства Пенджикента и разработаны вопросы топографии раннесредневекового города. К коллективной монографии «Феодальный город Средней Азии» (А. М. Беленицкий, О. Г. Большаков, И. Б. Бентович) собран материал и написаны главы по истории среднеазиатских городов VIII—XIII вв.

В 1963 г. была закончена работа Я. А. Шера «Каменные изваяния тюркского времени в Средней Азии», в которой автор предлагает новый метод классификации памятников на основе математической статистики и подробно разбирает вопросы хронологии и семантики каменных фигур.

В 1963 г. сотрудниками сектора подготовлены и сданы в печать следующие большие монографии: 1) «Средняя Азия и древний Восток» (В. М. Массон); 2) «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен VI—VII вв.» (А. А. Гаврилова).

Кроме этих монографий, сдан в печать второй том и подготовлен к печати третий том «Трудов Азербайджанской экспедиции», где публикуются памятники, открытые в 1956—1960 гг. в Мильской степи начиная с IV тысячелетия до н. э. до средневековья. С. С. Черников подготовил научно-популярную книгу «Золотой курган Чиликтинской долины».

На заседаниях сектора в течение года было прочитано 34 доклада, из них 20 докладов — по научным плановым темам и экспериментальным работам. На заседаниях сектора постоянно обсуждались доклады сотрудников смежных учреждений. Два сотрудника сектора защитили диссертации: В. М. Массон — докторскую и Я. А. Шер — кандидатскую. В 1963 г. в состав сектора вступил младший научный сотр. А. Д. Грач, переведенный из Института этнографии АН СССР.

Соответственно рабочему плану сектора в 1963 г. были проведены следующие экспедиции:

1. Западноказахстанский отряд (руководитель В. С. Сорокин). На поселении эпохи бронзы Тасты-Бутак были продолжены начатые раньше раскопки, которые позволили исследовать жилища-полуземлянки.

2. Каракумский отряд (руководитель В. М. Массон) продолжал раскопочные работы на поселениях Джейтун, Кара-депе и Геоксюр. На Джейтуне в результате раскопок выявлена уникальная планировка поселения V тысячелетия до н. э. На Кара-депе вскрыто несколько многокомнатных домов. Геоморфологическая группа Г. Н. Лисицыной открыла древнейшие ирригационные сооружения Средней Азии (III тысячелетие до н. э.), питающие водой поселение Геоксюра.

3. Закаспийский отряд (руководитель А. М. Мендельштам) работал в Красноводском р-не. Раскопано 40 курганов, представляющих собой каменные сооружения с наземной камерой для коллективных погребений. Сопровождающий погребения инвентарь датирует их III—II вв. до н. э.—II в. н. э.

4. Астраханская экспедиция (руководитель В. П. Шилов). На могильнике Соленое Займище (Енотаевский р-н) было раскрыто 34 кургана. Особенно интересно первое неграбленное сарматское погребение с богатыми золотыми украшениями: гривна, ожерелье, серьги, бляшки. У сел. Ленинск было раскопано 20 курганов, давших материал начиная с позднекатакомбного времени.

5. Ферганский отряд (руководитель Ю. А. Заднепровский) обследовал центральную Фергану. Здесь открыто 20 неолитических стоянок с кремневым инвентарем.

6. Пенджикентский отряд Таджикской экспедиции (руководитель В. М. Беленицкий) совместно с АН Таджикской ССР продолжал многолетние раскопки в восточной части городища древнего Пенджикента. Установлено, что в этой части города вдоль улиц располагались ряды мастерских и торговых помещений. Открыты две металлообрабатывающие мастерские с горнами, очагами, остатками шлака, обломками тиглей и т. д. На территории городища найдено обуглившееся резное дерево, стенная живопись, статуэтки, монеты и т. д. Обнаружены черепки с надписями на арабском и согдийском языках.

7. Красноярская экспедиция (руководитель М. П. Грязнов) работала в составе девяти отрядов: 1) Карасукский отряд (руководитель М. П. Грязнов) исследовал памятники эпохи неолита до кыргызского времени. Раскопан ряд могильников. Получен стратиграфический материал, уточняющий взаимоотношение андроновской и карасукской культур. Исследовано уникальное коллективное захоронение (около 90 человек) IV—III вв. до н. э. Найден богатый вещевой материал; 2) Первый палеолитический отряд (руководитель Э. А. Абрамова) продолжал раскопки стоянок Кокорево I, II. Получена серия кремневых и костяных орудий; 3) Второй палеолитический отряд (руководитель С. Н. Астахов) продолжал раскопки стоянки Кокорево IV. Получены новые стратиграфические данные, собрана большая коллекция орудий; 4) Черновский отряд (руководитель Г. А. Максименков) исследовал в р-не р. Черновой памятники окуневской, андроновской, карасукской и тагарской культур; вскрыто погребение шамана с уникальными предметами, выполненными в зверином стиле, каменными и костяными орудиями; в детском погребении обнаружены десять антропоморфных каменных и костяных изображений; 5) Первый правобережный отряд (руководитель Я. А. Шер) начал систематические обследования правобережной части ложа Красноярского водохранилища; раскопаны могильники подгорного и окуневского этапа и андроновской культуры; обнаружены наскальные рисунки и разработан метод их эстампирования; 6) Туранский отряд (руководитель А. Д. Грач) в Курганском р-не раскопал 13 курганов под-

горновского и сарагашенского этапа, включавших 84 погребения; получен обильный материал, среди которого много изделий, выполненных в зверином стиле; 7) Позднекочевнический отряд (руководитель А. А. Гаврилова) раскопал могильник XVIII в., давший вещевой материал, являющийся связующим звеном между известными археологическими и этнографическими данными по древней истории хакасов.

8. Кармирблурская экспедиция (руководитель Б. Б. Пиотровский) совместно с АН Армянской ССР продолжала раскопки цитадели. Кроме массового материала, раскопки дали два бронзовых щита Аргишти I и Русы I и фрагменты надписи.

В 1964 г. сектор продолжал работу по тем же основным двум проблемам. По первой проблеме — «История первобытного общества» — окончательно завершена работа над коллективной монографией «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», и том подготовлен к сдаче в издательство. С. С. Черников работал над «Картой неолитических памятников Казахстана», В. П. Шилоз пишет большую работу «Очерки по истории Нижнего Поволжья». А. Д. Грач начал работу по теме «Могильники пазырыкского этапа Саглы-Бажи II». В. М. Массон завершил работу в коллективном труде «История земледелия». По второй проблеме продолжалась работа по подготовке коллективной монографии «Феодальный город Средней Азии» и над монографией А. М. Беленицкого «Культура Древнего Пенджикента».

Сектором сданы в издательство следующие сборники: «Эпиграфика Востока», вып. XVII, «Труды Азербайджанской экспедиции», т. III.

В 1964 г. вышли из печати работы: И. Н. Хлопина «Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита», В. М. Массона «Средняя Азия и Древний Восток», «Эпиграфика Востока», вып. XVI и сборники «Древняя Нубия» и «Труды Таджикской археологической экспедиции», т. IV.

Сектор провел 31 заседание, на которых были заслушаны доклады сотрудников сектора, связанные с плановыми темами и с экспедиционными работами.

Как и в прошлые годы, в соответствии с проблемами, над которыми работает сектор, проведены следующие экспедиции:

1. Ферганский отряд (руководитель Ю. А. Заднепровский) изучал памятники неолита в центральной Фергане. Вскрыто три стоянки. В зоне строительства Кампыр-Раватского водохранилища на площади 2000 м² вскрыт многослойный памятник, включающий слои средневековья и эпохи бронзы. Открыты средневековые оборонительные стены и башня;

2. Закаспийский отряд (руководитель А. М. Мандельштам) продолжал исследования погребальных сооружений античной эпохи в районе севернее Больших Балхан (могильники Чек-Даг и Удэ). Это позволило уточнить связь между каменными склепами и оградами. В подгорной полосе Копет-Дага, западнее Кизыл-Арвата, открыто погребение эпохи бронзы срубного типа.

3. Каракумский отряд (руководитель В. М. Массон) закончил работы на поселении Джейтун и начал раскопки поселения эпохи поздней бронзы Намазга VI, где были открыты участки трех кварталов. Обнаружены керамика, терракотовые статуэтки, изделия из бронзы;

4. Кармирблурская экспедиция (руководитель Б. Б. Пиотровский) продолжала раскопки в южной части цитадели крепости. Найдено пять деревянных статуэток богов с бронзовыми деталями, бронзовый колчан с надписью царя Сардури II, бронзовый канделябр и обломки щита с надписью царя Аргишти I;

5. Пенджикентский отряд Таджикской экспедиции (руководитель А. М. Беленицкий) работал в восточной части городища. Вскрыты новые жилые комплексы, на стенах которых сохранились остатки многоярусной стеной живописи. Особенно примечательно изображение четырехрукого божества в богатых одеждах на стене более древнего участка храма;

6. Восточноказахстанская экспедиция (руководитель С. С. Черников) в с. Предгорное у Усть-Каменогорска раскопала андроновский могильник. Вскрыто десять могильных сооружений.

7. Красноярская экспедиция (руководитель М. П. Грязнов) состояла из шести отрядов: 1) Карасукский отряд (руководитель М. П. Грязнов) закончил раскопки афанасьевского могильника; 2) Палеолитический отряд (руководитель Э. А. Абрамова) работал на стоянках Кокорева. Здесь найден обломок наконечника с пазом, в котором сохранились пластинчатые вкладыши. Проводились широкие разведочные работы; 3) Черновский отряд (руководитель Г. А. Максименков) основные работы вели на сухом оз., где вскрыто было 26 андроновских курганов, содержавших 41 могилу. Результаты раскопок говорят об определенной связи между андроновской и карасукской культурами. Проведены разведочные работы у д. Байкаловой; 4) Первый правобережный отряд (руководитель Я. А. Шер) на поселении Каменка IV карасукского и тагарского времени обнаружил части трех жилищ, перекрывающих друг друга; 5) Туранский отряд (руководитель А. Д. Грач) завершил раскопки могильника Туран II сарагашенского этапа (IV—III вв. до н. э.) и вскрыл могильник Туран III того же времени. Всего исследовано пять крупных курганных сооружений сарагашенского этапа, содержащих 40 погребальных камер. Могильник Туран II — первый могильник скифского времени на территории Минусинской котловины;

8. Астраханская экспедиция (руководитель В. П. Шилов). Работала двумя отрядами. На могильнике Соленое Займище у ст. Жутово обследовано 49 курганов, содержащих около 100 погребений, относящихся к савромато-сарматскому времени. Интересно погребение кузнеца-литейщика каткомбного времени. Замечательны находки 14 золотых фаларов и восьми серебряных сосудов в кургане начала I в. н. э.

Продолжено исследование Елизаветовского городища, где открыты остатки двух глинобитных домов.

И. Б. Бентович

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗИВ — Записки Института востоковедения
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
КНИИ — Комплексный научно-исследовательский институт
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МАЭ — Материалы по этнографии
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТАЭ — Труды Азербайджанской экспедиции
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
ТХЭ — Труды Хорезмийской экспедиции
ТЮТАКЭ — Труды Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции
ЮТАКЭ — Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
AS — Anatolian Studies
-

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Александрович Иессен (<i>Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев</i>)	3
I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ	
К. Х. Кушнарева, А. Л. Якобсон. Основные проблемы и итоги работ Азербайджанской экспедиции	6
II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ	
А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе	14
В. А. Сафронов. О датировке рутхинского погребального комплекса северокавказской культуры	23
М. П. Грязнов. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы	31
Ю. А. Заднепровский. Неолит центральной Ферганы	35
В. М. Массон. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений	39
И. Н. Хлопин. Орнаментальный геоксюрский крест	45
III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
В. П. Любин. Энеолитический комплекс из грота Шау-Левет (Северная Осетия)	49
М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э.	55
В. А. Кузнецов. Древние выработки медной руды в верховьях р. Большой Зеленчук	62
Д. М. Атаев и К. Х. Кушнарева. Два поселения в урочище Чинна (горный Дагестан)	68
В. И. Козенкова. Антропоморфные статуэтки из Сержень-Юрта	74
Г. П. Кесаманлы. Медные котлы эпохи поздней бронзы из Азербайджана	79
И. Т. Кругликова. Раскопки Горгиппии	82
В. И. Сарияниди. Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1964 г.	89
Г. Н. Лисицына. Изучение геоксюрской оросительной сети в южной Туркмении в 1964 г.	96
Д. Н. Лев. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда	101
А. М. Мандельштам. Погребения срубной культуры в южной Туркмении	105
К. Качурис. К изучению Овлядепинского оазиса в нижнем течении р. Теджена	109
Г. А. Брыкина. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г.	116
Е. Н. Черных. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы	123
Н. Я. Мерперт. О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы	132
IV. ХРОНИКА	
Сектор Средней Азии и Кавказа в 1963 и 1964 гг. (<i>И. Б. Бентович</i>)	135
Список сокращений	139

Археологические памятники Кавказа и Средней Азии (КСИА — 108)

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Г. В. Моисеенко. Технический редактор Ф. М. Хенов

Сдано в набор 16/III-65 г. Подписано к печати 15/III-66 г. Формат 70 × 108^{1/16}. Печ. л. 8, 75.
Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 1400 экз. Изд. № 632/66. Тип. зак. 3457. Т-03849

Цена 76 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
29	23 св.	XII в.	XIII в.
57	17 сл.	рис. 9, 12	рис. 19, 12
63	рис. 21	Б — штольная;	Б — штольни;
65	подпись 2 св.	рис. 2, 3	рис. 22, 3

Исправление по КСИА, вып. 107

Рис. 22, стр. 72 — изображение горита из дер. Аксютинцы ошибочно отнесено к находкам из дер. Журавки.